

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

На правах рукописи

Дмитриева Ольга Олеговна

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ
КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИК ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1812 ГОДА (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Иванова Татьяна Николаевна

Чебоксары – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ И СКЛАДЫВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г. В РОССИИ (1812 г. – 1870-е гг.)	36
§ 1.1. Государство и общество как инициаторы коммеморативных практик на начальном этапе (1812 г. – 1820-е гг.).....	37
§ 1.2. Роль юбилеев и памятных дат войны в формировании основных форм коммеморативных практик на общественном и государственном уровнях (1830–1870-е гг.).....	52
ГЛАВА 2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В ПРОЦЕССЕ УВЕКОВЕЧИВАНИЯ ПАМЯТИ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г. (1880-е гг. – 1912 г.).....	81
§ 2.1. Российское общество как субъект реализации коммеморативных практик Отечественной войны 1812 г. (1880-е гг. – 1912 г.).....	83
§ 2.2. Подготовка и празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. как определяющий фактор реализации коммеморативных практик на государственном/общероссийском уровне (1907–1912 гг.)	105
ГЛАВА 3. РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ТОРЖЕСТВ В ЧЕСТЬ 100-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. (НА ПРИМЕРЕ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ И АЛАТЫРСКОГО УЕЗДА СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)	128
§ 3.1. Подготовка и празднование 100-летия Отечественной войны 1812 г. в городах и уездах Казанской губернии и в Алатырском уезде Симбирской губернии.....	129

§ 3.2. 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. как фактор патриотического воспитания в учебных заведениях Казанской губернии.....	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	167
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	174
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	203

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Отечественная война 1812 г. – одна из важнейших страниц российской истории. Она стала культурным символом для народа, способствовавшим его национальной самоидентификации. Органы государственной власти и российское общество XIX – начала XX в. осознавали необходимость увековечивания в различных формах памяти о событиях 1812 г. При этом зачастую у власти и общества были несколько различные цели. Государственный аппарат стремился монополизировать память о войне в целях пропаганды идеалов монархической идеологии. В то же время общество, глубоко потрясенное случившимся в период военного времени, стремилось переосмыслить пережитое через призму своих ценностных ориентиров, сохранить воспоминания о героях, что привело к складыванию исторической памяти о войне на протяжении XIX в.

Историческая память – это комплекс передаваемых из поколения в поколение исторических сведений, мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого. Она носит избирательный и творческий характер, и становится, по мнению О. Б. Леонтьевой, «особенно актуальной в период серьезных социокультурных перемен, ломки традиционных стандартов и стереотипов мышления». Исследователь замечает, что «при этом смысл любого исторического события и значение деятельности любого исторического персонажа может подвергнуться радикальному переосмыслению даже на протяжении жизни одного и того же поколения»¹. В последние десятилетия участились попытки фальсификаций и пересмотра российской истории зарубежными идеологами. И сегодня в России осознается опасность этих явлений. Так, в мае 2014 г. был принят федеральный закон, направленный на противодействие попыткам посягательств на историческую память в отношении

¹ Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX–начала XX вв. Самара, 2011. С. 13.

событий Второй мировой войны¹. В. В. Путин в одном из своих выступлений отметил: «Именно историческая память – великолепный цемент, который из людей разных народов, разных этносов и разных религий делает одну, единую и неделимую российскую нацию, создает и укрепляет единую и неделимую великую Россию»². Процесс формирования государством и обществом исторической памяти тесно связан с применением различных форм коммеморации как особого комплекса мероприятий, направленных на осознанную, целенаправленную актуализацию конкретных исторических событий. Изучение механизма использования коммеморативных практик при развитии исторической памяти стало в последнее десятилетие одной из самых актуальных и обсуждаемых проблем современной исторической науки. При этом процесс взаимодействия общества и государства в формировании коммеморации требует особого изучения.

С одной стороны, научная актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что в настоящее время ведутся научные дискуссии вокруг таких концептов, как коммеморативные практики и рекоммеморация. С другой стороны, 200-летний юбилей Отечественной войны в 2012 г. вновь актуализировал исследовательский интерес к событиям того времени, что придало социальную актуальность изучаемой проблеме. Появился ряд публикаций, посвященных вопросам применения коммеморативных практик в целях увековечения памяти о событиях 1812 г. в Российской империи. Впервые в отечественной историографии были осуществлены попытки комплексного исследования данной проблемы, итогом которых стала публикация двух схожих по тематике коллективных монографий³. Но эволюция коммеморативных практик в контексте их формирования в ходе празднования юбилеев является самостоятельной и недостаточно изу-

¹Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 05. 05. 2014. № 128–ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

²Путин В. В. Историческая память создает единую и неделимую российскую нацию. [Электронный ресурс]. URL: <http://patriotplatform.ru/news/8930.html>. (дата обращения: 22. 05. 2016).

³Мельникова Л. В., Голубев А. В., Подмазо А. А. и др. Отечественная война 1812 г. в культурной памяти России. М., 2012. 448 с.; Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 г. / отв. ред. А. В. Буганов. Тула, 2012. 240 с.

ченной проблемой. Актуальным является и само исследование концепта «историческая память», что привело к выделению отдельного направления мнемоники¹ или т.н. «мемориального поворота» в гуманитарных науках, в рамках которого важная роль стала придаваться проблеме коммеморации.

Определяющими для нашего исследования стали такие понятия, как «коммеморация», «коммеморативные практики», «места памяти». Коммеморация (от лат. «commemoratio» – напоминание) – это целенаправленная актуализация исторической памяти путем организации и проведения мероприятий, посвященных памяти важного исторического события, исторической личности и т. п. Коммеморативные практики – это комплекс мероприятий, совершаемых в процессе формирования исторической памяти о важных событиях. Мы предлагаем классифицировать эти практики по субъекту инициирования (например, общественная и государственная); по масштабам реализации (общероссийская и региональная); по форме выражения (нарративная, визуальная, монументальная или церемониальная).

Объект исследования – взаимодействие деятельности государственной власти и российского общества в процессе увековечивания памяти об Отечественной войне 1812 г. в XIX – начале XX в.

Предметом настоящей работы является изучение процесса складывания комплекса нарративных, визуальных, монументальных, церемониальных коммеморативных практик, использовавшихся российским государством и обществом в XIX – начале XX в.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1812 по 1912 гг. Именно в этот период российским государством и обществом были сформированы основные коммеморативные практики, с помощью которых предпринимались меры для сохранения исторической памяти об Отечественной войне 1812 г. В ходе обозначенного хронологического периода был также создан комплекс гос-

¹ Мнемоника (в пер. с др.-греч. искусство запоминания) – это совокупность специальных приёмов и способов, облегчающих запоминание нужной информации и увеличивающих объём памяти путём образования ассоциаций (цит. по: Зиганов М. А., Козаренко В. А. Мнемотехника. Запоминание на основе визуального мышления. М., 2000. С. 3.).

ударственно-общественных коммеморативных инициатив. Выбор нижней хронологической границы обосновывается тем, что 1812 г. стал датой начала использования первых коммеморативных практик, посвященных событиям и героям военного времени. Верхняя граница исследования обусловлена тем, что, на наш взгляд, именно 100-летие Отечественной войны 1812 г. стало завершающим, кульминационным и самым масштабным государственно-общественным актом, в ходе которого сформировались основные идеологемы этого события в Российской империи.

Территориальные рамки исследования определяются сочетанием двух основных уровней исследования: общероссийского и регионального. Общероссийский уровень подразумевает государственно-общественные инициативы, реализованные в Центральной России (г. Москва, г. Санкт-Петербург, село Бородино и конкретно Бородинское поле), поскольку именно в «двух столицах» находились центральные органы власти и проживала в основном интеллектуальная элита российского общества.

Для конкретизации исторического обзора регионального уровня проанализированы процессы в городах и уездах Казанской губернии, а также в Алатырском уезде Симбирской губернии. Данная территория характеризуется многонациональным и многоконфессиональным составом, что позволяет на основе конкретных фактов исторического локализованного микроисследования более многогранно и целостно проследить процесс внедрения коммеморативных практик, а также их влияние на различные слои населения в изучаемый хронологический период.

Степень научной разработанности проблемы. Материалы об Отечественной войне 1812 г. достаточно широко представлены как в российской, так и в зарубежной историографии. Однако вопрос формирования коммеморативных практик в складывании исторической памяти об этом событии и соотношения их использования на общероссийском и региональном уровнях на сегодняшний день слабо изучены. Историография проблемы формирования коммеморативных практик нашла отражение в исследованиях как зарубежных, так и отечественных специалистов. Следует отметить, что российская историография в основном представлена трудами постсоветского и современного периодов, т. к. научные исторические иссле-

дования дореволюционного периода (до 1912 г. включительно) являются источниками по изучаемой проблеме, поскольку они представляют собой нарративную форму коммеморации. В советский период мемориальное направление не получило должного развития. Первые попытки анализа проблем памяти и коммемораций появились в отечественной историографии лишь в 90-х гг. XX в., что заложило научный фундамент для современных исследований различных аспектов коммеморативистики. Исследования рубежа XX–XXI вв. уместно определить как современный этап историографии проблемы изучения коммеморативных практик. В свою очередь, историографию проблемы формирования обществом и государством коммеморативных практик об Отечественной войне 1812 г. можно разделить на несколько групп.

Первая группа – это труды исследователей, занимающихся теоретическим изучением проблемы коммеморативных практик и их влияния на историческую память общества. Если прежде такие концепты, как «коммеморация», «рекоммеморация», «место памяти» рассматривались только в русле исследований культурологии, психологии, антропологии, то с 1980-х гг. они стали предметом междисциплинарного дискурса. Исследования Г. Давсона, М. Ропера, П. Хаттона, А. Мегилла, П. Рикера на современном этапе становятся все более значимыми¹.

Не менее важной проблемой в историографии выступает вопрос выявления механизмов формирования исторической памяти. Селекция фактов исторического прошлого, актуализация и сознательное забвение тех или иных событий связаны с такими понятиями, как «коммеморация» и «рекоммеморация». Их можно считать механизмами формирования, сохранения и трансляции исторической памяти. Понятие «коммеморативные практики» является определяющим для настоящего исследования. Британские исследователи отмечают, что память о войне и коммеморация, как правило, изучаются с точки зрения двух аспектов:

¹The politics of war memory and commemoration / edited by T. G. Ashplant, Gr. Dawson, Michael Roper. London: Psychology Press, 2000. 282 p.; Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2004; Его же. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. Вып. 1. С. 47–62; Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. 480 с.; Рикёр П. Диалектика памяти и забвения // Культурология: Дайджест. М., 2002. С. 57–62.

политического (взаимосвязь коммеморативных практик и ритуалов национальной идентификации) и психологического (реакция человека на смерть и страдания, которые порождает война)¹.

Исследователь П. Хаттон отмечает, что историки рассматривали коммеморацию как современную форму мнемоники, «сознательно созданную лидерами государства, нации для того, чтобы пробудить желанное воспоминание». Ученый подчеркивает, что в центре внимания этих постмодернистских исследователей был «процесс манипуляции коммеморативными практиками с целью служения политическим целям»². Британский историк Э. Хобсбаум обратил внимание на «традицию» как совокупность регулируемых общественных практик ритуального или символического характера, формирующих конкретные ценности и нормы поведения³. Ученый обратил внимание на коммеморативные практики Западной Европы XIX в, среди которых выделяет такие, как «установление новых праздников и общественных церемоний, поиск новых героев и символов, массовое возведение памятников»⁴. Большой вклад в разработку концепта «коммеморация» внес А. Мегилл, который отмечает, что зафиксированные воспоминания прошлых событий, или, точнее, нарративизация воспоминаний, становится чем-то родственным объектам религиозного почитания. По его мнению, когда возникает поклонение, память в ее основном смысле превращается в нечто иное: она становится коммеморацией⁵. Другими словами, память трансформируется в коммеморацию со временем, под воздействием определенных общественных и политических процессов.

В последние десятилетия XX в. произошел «мемориальный поворот» в отечественной историографии⁶, который характеризуется новыми подходами к

¹ The Politics of War Memory and Commemoration. P. 56.

² Хаттон П. История как искусство памяти. С. 13.

³ Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. Вып. 1. С. 48.

⁴ Колягина Н. «Изобретение традиции» под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера // Международный Мемориал: проект «Уроки истории. XX век». [Электронный ресурс]. URL: <http://urokiistorii.ru/> (дата обращения: 15. 06. 2017).

⁵ Мегилл А. Историческая эпистемология. С. 34.

⁶ Леонтьева О. Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 59–96.

оценке прошлого нашей страны. Проблема применения коммеморативных практик легла в основу исследований В. Н. Бадмаева, Г. А. Бордюгова, И. Н. Горина, Л. П. Репиной, О. Б. Леонтьевой, В. В. Менщикова, В. Э. Молодякова, Е. С. Сеньявской, Ф. Б. Шенка и др.¹ Труды указанных ученых важны для нашего исследования, т. к. они являются примером складывания отечественной методологии в изучении исторической памяти и коммеморативных практик. Российские ученые внесли весомый вклад в теоретическое обоснование «коммеморативного направления» исторической науки. При этом особое внимание уделяется роли юбилеев в процессе актуализации реализации коммеморативных практик. В ходе изучения коммеморации и ее влияния на историческую память особое внимание уделено концепту «юбилей». Т. А. Булыгина и Т. Н. Кожемяко обратили внимание на идеологическое обоснование этого понятия: «Изначально юбилей был средством формирования массового сознания, а затем стал инструментом формирования национальной идентичности, основой которой является общая историческая память»². Юбилейные события ими рассматриваются как средство формирования эффективной исторической памяти в эпоху, когда основы самодержавия и православия пошатнулись.

Не менее важным вопросом является то, что конкретно можно считать юбилеем. Так, А. А. Кузнецов и А. Н. Маслов отмечают: «Юбилеи в наши дни

¹ Бадмаев В. Н. Ментальность и историческая память // Вестник Калмыцкого университета. Вып. 1 (13). 2012. С. 78–84; Волков Е. В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск, 2008. 392 с.; Гудков Л. Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 46–57; Горин И. Н., Менщиков В. В. Культурно-исторические символы и историческая память // Историко-педагогические чтения. 2007. № 11. С. 74–78; Зоркая Н. М. Визуальные образы войны // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 377–387; Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX–начала XX вв. Самара, 2011. 448 с.; Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI веков: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. 560 с.; Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. 592 с.; Бордюгов Г. А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010. 256 с.; Молодяков В. Э. Историческая политика и политика памяти // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / под ред. Г. А. Бордюгова. М., 2011. С. 15–35; Сеньявская Е. С., Сеньявский А. С. Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики // Вестник МГИМО. 2009. № 4. С. 299–310 и др.

² Булыгина Т. А., Кожемяко Т. Н. Историческая память и юбилеи в России в XX–XXI в. // История и историческая память. 2012. Т. 6. № 6. С. 63.

можно объявлять, когда угодно, при наличии «весомого повода», отождествляемого обычно со степенью включенности события в культурную память больших групп... Юбилеи при этом предстают полноценным выражением интеллектуальных и культурных предпочтений их устроителей»¹. М. А. Коркина указывает, что «через годовщины значимых событий власть рассчитывала охватить наибольшую аудиторию, внести в сознание масс свои идеи о прошлом, настоящем и будущем страны»². Г. А. Бордюгов сравнивает традицию празднования юбилеев с культом, отмечая, что «преклонение перед юбилеями сопровождается введением людей в заблуждение по поводу тех исторических событий, которые не укладываются в праздничный сценарий»³. К. Н. Цимбаев пишет о феномене «юбилеемании» и считает, что юбилеям придавалось важное место в создании иллюзии благополучия государства: «С помощью юбилейных торжеств власть стремилась внедрить свои представления о прошлом. Юбилеи позволяют выстраивать некую линию исторического развития, протягивая нить не только от прошлого к настоящему, но и к будущему»⁴. Исследователь Т. А. Сабурова обратила пристальное внимание на роль коммеморативных практик в формировании исторической памяти российского общества об Отечественной войне 1812 г. вплоть до начала XXI в.⁵

Проблема коммеморативных практик в исторической науке хорошо представлена в исследованиях Н. А. Антипина, анализирующего культурную память о Русско-японской войне. Им были выделены следующие уровни коммеморации: 1) индивидуальный (его осуществляют участники и современники войны – инициаторы коммеморации); 2) государственный (исходит от высших органов власти, поддержавших инициативу); 3) региональный (определяет местные условия

¹Кузнецов А. А., Маслов А. Н. Диктатура юбилеев. Мемориальный бум как призрак иной повседневности // Исторические исследования в России / под ред. Г.А. Бордюгова. М., 2011. С. 517.

² Коркина М. А. Официальное чествование юбилейных и памятных дат реформаторской деятельности Александра II в 80–90-е годы XIX в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. Новосибирск, 2011. С. 97.

³ Бордюгов Г. А. Октябрь. Сталин. Победа. С. 9.

⁴Цимбаев К.Н. Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX–начала XX в. // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98.

⁵ Сабурова Т. А. Отечественная война 1812 г. в коммеморативных практиках и исторической памяти российского общества в XIX – начале XXI в. / Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники. Историография. Т. XII. М.: Государственный исторический музей, 2014. С. 377–396.

обращения с памятью и содержание коммеморации)¹. К видам коммеморативных практик ученый относит чествование участников войны; торжественные собрания, в том числе с участием ветеранов; медиализация войны в центральной и региональной периодической печати; инициирование создания популярных изданий, посвященных истории войны; актуализация героических образов войны посредством проведения демонстраций; издание воспоминаний ветеранов войны; написание новых и переиздание художественных произведений о войне; создание новых и актуализация уже существовавших мест памяти².

Актуально изучение взаимосвязи коммеморативных практик и исторических юбилеев. А. И. Буслаев определяет юбилеи «как форму самовыражения государственной власти в целях формирования определенного курса и его определенного восприятия обществом»³. В качестве объекта для сравнительного анализа им были выбраны юбилеи 1000-летия России в 1862 г., а также 900-летия крещения Руси, праздновавшегося в 1888 г. Выбор юбилейных дат обусловлен различиями в политико-идеологической обстановке в России эпохи великих реформ, а также в годы контрреформ 80-х гг. XIX в., сказавшихся, по мнению исследователя, на юбилейных торжествах. Не менее важной проблемой для настоящего диссертационного исследования является изучение символического значения Бородинского поля как важнейшего «места памяти» Отечественной войны 1812 г., аккумулирующего в своем идеологическом пространстве практически все виды коммеморативных практик. Л. Л. Ивченко, помимо историографических и источниковедческих аспектов, анализирует проблемы исторической реконструкции Бородинского

¹ Антипин Н. А. 50-летний юбилей русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики, 1954–55 гг. // Ломоносов–2012: материалы Междунар. молодеж. науч. форума. [Электронный ресурс]. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/1786/14081_6c74.pdf (дата обращения: 25. 05. 2014).

² Антипин Н.А. Русско-японская война в культурной памяти российского общества. 1904–2000-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Челябинск, 2013. С. 138–144.

³ Буслаев А. И. Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2010. 305 с.

сражения¹. Таким образом, можно констатировать, что проблема изучения празднования юбилеев и роли коммеморативных практик в отечественной историографии сформировалась как самостоятельное направление мемориальной проблемы, требующее всестороннего анализа и дальнейшего изучения.

Вторая группа исследований – искусствоведческие труды о литературно-художественных произведениях, монументальных памятниках и визуальных изображениях, посвященных Отечественной войне 1812 г.² Эти исследования подробнее охарактеризованы в тексте диссертации³.

Третью группу составляют исследования, освещающие памятные и юбилейные мероприятия в XIX в., а также празднование 100-летней годовщины Отечественной войны 1812 г.⁴ Из работ советского периода необходимо выделить статью

¹ Ивченко Л. Л. Бородинское сражение: историография, источники, проблемы исторической реконструкции: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2005. 240 с.

² Айзикова И. А. Историко-литературное значение «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г.» // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 31–41; Вишленкова Е. А. «Метки на память»: сатирические образы войны 1812 г. // История и историческая память. 2012. Т. 6. № 6. С. 150–163; Герасимова Г. И. Великая картина великого подвига. Панорама «Бородино» по материалам коллекций ГПИБ // Чертковские чтения: материалы второй науч. конф. М., 2013. С. 61–76; Земцов В. Н. Панорама Ф.А. Рубо «Бородинская битва»: история одного национального мифа // Вопросы всеобщей истории. 2012. Т. 14. С. 36–56; Подмазо А. А. Бородинское поле на цветных фотографиях 1911 г. // Бородино и наполеоновские войны. Битвы. Поля сражений. Мемориалы. М., 2003. С. 93–96.

³ Баранова Н. С. Отечественная война 1812 г. и публицистика Н. С. Лескова // Вестник Чувашского университета. 2011. № 2. С. 347–348; Буянова Г. Б. «Да, были люди в наше время»: Отечественная война 1812 г. в зеркале классической русской литературы // Филологическая регионалистика. 2012. № 2 (8). С. 66–71; Проскурина Ю. М. Важнейшие этапы в осмыслении события 1812 г. в русской литературе и литературной критике // Политическая лингвистика. 2012. № 2. С. 258–260;

⁴ Бочков Е. Н. Придать юбилею Отечественной войны значение всенародного торжества: деятельность высших и центральных органов власти и управления Российской империи по организации праздничных мероприятий, посвященных 100-летию Отечественной войны 1812 г. // Новейшая история России. 2012. № 3(5). С. 6–25; Ватник Н. С. Средние учебные заведения Москвы в праздновании 100-летия Отечественной войны 1812 г. // Грамота. 2012. № 10 (24). С. 58–62; Лебедева Е. Н. Торжества по случаю 100-летия Отечественной войны 1812 г. в документах Российского государственного архива кинофотодокументов // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 29–42; Серова С. А. 100-летие Отечественной войны: юбилейная литература и публикаторская деятельность // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 43–50; Сапожников А. И. 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. в газетных публикациях: коллекция генерала Ф. Я. Ростовского // Отечественная война 1812 г.: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2005. С. 414–424; Ивченко Л. Л. Кутузов и Бородинское сражение // Бомбардир. 1995. № 3. С. 14–24.

В. А. Дьякова¹, в которой исследована роль юбилеев Бородинской битвы в процессе актуализации общественного интереса к значимым событиям российской истории. Одной из первых к проблеме изучения столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. обратилась Г. Н. Ульянова, которая реконструировала ход празднования юбилея на Бородинском поле и проанализировала историографию юбилейных торжеств, разработав свою периодизацию рефлексии памяти об эпохе 1812 г.²

А. В. Горбунов исследовал две юбилейные годовщины – 27-летие и 100-летие Бородинского сражения – и пришел к выводу, что именно они превратили Бородинское поле в общероссийское «место памяти» 1812 г.³ Торжествам 1839 г. посвящены статьи Е. Г. Болдиной, в которых на основе архивных документов охарактеризованы этапы возведения монументов на Бородинском поле⁴. С. А. Малышкин на основе документов Российского военно-исторического архива осветил историю создания и возведения главного бородинского монумента⁵. Интерес представляет также статья С. Н. Селедкиной, в которой описан процесс создания Музея 1812 г., открытого на станции Бородино в феврале 1903 г.⁶ Л. В. Мельникова проанализировала роль Святейшего синода в праздновании 100-летнего юбилея войны⁷. Особый интерес для настоящего исследования представляет издание «Юбилейные тор-

¹Дьяков В. А. Бородинские юбилеи и их воздействие на дореволюционную историографию // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 302–312.

²Ульянова Г. Н. Юбилеи Бородинской битвы и проблема трансформации исторической памяти: историография и периодизация // Эпоха 1812 г. в судьбах России и Европы. М., 2013. С. 498–509; Ее же. Национальные торжества // Россия в начале XX в. Исследования. М., 2002. С. 542–576.

³Горбунов А. В. Бородинское поле как уникальная историческая территория // Бородинское поле. История. Культура. Экология. М., 1995. С. 5–25; Его же. Бородинские торжества 1839 и 1912 гг. как образцы празднования исторических юбилеев в Российской империи // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2010. С. 153–161.

⁴Болдина Е. Г. Из истории Бородинских торжеств 1839 г. (по документам Центрального исторического архива Москвы) // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы: материалы науч. конф. Бородино, 1997. С. 190–197.

⁵Малышкин С. А. Из истории музеефикации Бородинского поля 1839 – 1911 гг. Главный монумент // Бородинское поле. История, культура, экология. Вып. 2. Бородино, 2000. С. 168–174.

⁶Селедкин С. Н. Установка главного монумента на Бородинском поле и создание музея на станции Бородино (в документах РГИА) // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2010. С. 87–96.

⁷Мельникова Л. В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007. 416 с.

жества в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. в высочайшем присутствии: Бородино – Москва – Смоленск»¹, которое является результатом исторической реконструкции, основанной на документах и фотографических источниках юбилейных торжеств. Авторы труда на основе комплекса архивных данных попытались максимально полно охарактеризовать масштаб организации и проведения 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г., тем самым представив подробный отчет о проведенных мероприятиях.

Необходимо отметить две монографии, непосредственно относящиеся к теме диссертационного исследования. Работа «Отечественная война 1812 г. в культурной памяти России» представляет собой первую в отечественной историографии попытку изучения культурной памяти об Отечественной войне 1812 г. в контексте ее трансформации и приспособления к меняющимся историческим условиям. События рассматриваются как комплекс воспоминаний, образов и способов фиксации исторической памяти в разных сферах общественно-политической и культурной жизни российского общества. Издание носит в большей степени описательный характер, весьма кратко характеризует роль коммеморативных практик, а также не рассматривает региональный аспект проблемы². Как в большинстве коллективных монографий, изложение более сосредоточено на отдельных аспектах проблемы, которые авторы исследовали ранее (например, на роли армии и церкви в эпоху Отечественной войны 1812 г. в исследованиях Л. В. Мельниковой; на отдельных вопросах военной и внешнеполитической истории 1812 г. в работах А. А. Подмазо).

В коллективной монографии «Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 г.» проанализирована трансляция памяти в устном народном творчестве, общественной мысли, литературно-художественных произведениях. Несомненный интерес представляют привлеченные материалы о праздновании 200-

¹ Колоскова Е. Е., Литвин А. А. Юбилейные торжества в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. в высочайшем присутствии: Бородино – Москва – Смоленск. М., 2012. 319 с.

² Мельникова Л. В., Голубев А. В., Подмазо А. А. и др. Отечественная война 1812 г. в культурной памяти России. М., 2012. 448 с.

летнего юбилея войны в 2012 г., охарактеризованы особенности исторической памяти современных россиян об Отечественной войне 1812 г.¹ Необходимо отметить, что основной акцент в книге сделан на особенностях феномена массового сознания и его влияния на формирование исторической памяти, при этом анализ проводится на основе самосознания российского народа в целом и крестьянства в частности. Это вполне закономерно, т. к. главный редактор издания, историк А. В. Буганов, является исследователем массового сознания российского крестьянства XIX – начала XX в.² Стоит отметить, что проанализированные монографии дают в основном общую характеристику изучаемой проблемы. Кроме того, в анализируемых изданиях недостаточно внимания уделено роли коммеморативных практик как механизма формирования исторической памяти.

Четвертая группа исследований – это историография Отечественной войны 1812 г. Ее изучение необходимо в контексте исследования, поскольку важным является то, насколько менялась оценка изучаемого события с течением времени. Учитывая тот факт, что подробный анализ историографии Отечественной войны 1812 г. не является предметом и объектом исследования данной диссертации, мы ограничимся кратким анализом исследований, ставших классическими. Это масштабный труд Е. В. Тарле, который на долгие годы стал образцом советской историографии войны 1812 г. Исследователь трактует события 1812 г. в Российской империи как пример «откровенно империалистской войны, непосредственно продиктованной интересами захватнической политики Наполеона и крупной французской буржуазии»³. Именно Тарле вернул в научный обиход определение войны 1812 г. как Отечественной.

Новый этап исследований в 40–50-е гг. XX в. связан с влиянием на историографию проблемы истории Великой Отечественной войны. В это время идет процесс смещения акцентов в сторону изучения роли М. И. Кутузова как главного героя и победителя в войне, что связано в немалой степени с благосклонным отношением

¹ Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 г. / отв. ред. А. В. Буганов. Тула, 2012. 240 с.

² Буганов А. В. Выдающиеся личности и события в массовом сознании русских крестьян XIX–начала XX вв.: автореф. дис. ... док. ист. наук: 07.00.07. М., 2010. 45 с.

³ Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. М.: Воениздат, 1992. С. 1.

И.В. Сталина к полководцу. Эти идеи были развиты в исследованиях П. А. Жилина¹ и Л. Г. Бескровного², где основное внимание отводилось изучению роли М. И. Кутузова. В общественное сознание целенаправленно внедрялось представление об Отечественной войне 1812 г. как о ряде блестящих побед русской армии³.

Следующий этап в историографии начинается в годы «перестройки». Одними из самых дискуссионных исследований этого времени можно считать труды Н. А. Троицкого⁴, взявшегося за развенчание советских стереотипов в освещении событий 1812 г. Он акцентировал внимание на якобы намеренных искажениях цифровых данных о соотношениях сил и потерях сторон в 1812 г., которые целенаправленно подсчитывались в пользу российской армии. По его мнению, игнорировались явные успехи и победы французов.

В постсоветский период влияние марксистской идеологии на отечественную историографию войны 1812 г. свелось к минимуму, появились новые подходы в научном анализе этой проблемы. В 1990-е гг. начинается тесное сотрудничество отечественных и западных исследователей по изучению Отечественной войны 1812 г. Историки стали критически оценивать тактику русского командования, признавая их явные ошибки, а также отмечали высокую боеспособность и эффективность французских войск. Современные авторы освещают проблемы, ранее не привлекавшие пристального внимания ученых⁵. Малоизвестные факты стали объектами диссертационных исследований Л. И. Агронова, Е. А. Бабакиной, С. В. Белоусова,

¹ Жилин П. А. Контрнаступление Кутузова в 1812 г. М., 1950. 192 с.; Его же. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968. 439 с.

² Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова. М., 1951. 180 с.; Его же. Отечественная война 1812 г. М., 1962. 611 с.

³Историография Отечественной войны 1812 г. [Электронный ресурс]. URL: [http:// biofile.ru/ his /31900.html](http://biofile.ru/his/31900.html) (дата обращения: 23.09.2015).

⁴ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988. 350 с.; Его же. Фельдмаршал М. И. Кутузов: легенда и реальность. Саратов, 1998. 77 с.

⁵ Безотосный В. М. Эпоха 1812 г. Исследования. Источники. Историография. М., 2004. 384 с.; Горностаев М. В. Генерал-губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин: страницы истории 1812 г. М., 2003. 60 с.; Земцов В. Н. Бородино в исторической памяти немцев // Немцы на Урале и в Сибири (XVII–XX вв.). Екатеринбург, 2001. С. 513–542; Скобелев К. Н. Солдатская переписка 1812 г.; Рассказы русского инвалида // 1812 год в воспоминаниях, рассказах и переписке современников. М., 2001. С. 147–293; Шишов А. В. Неизвестный Кутузов. М., 2001. 398 с.

Е. М. Букреевой, В. А. Бессонова, А. В. Гулина, И. Г. Дырышева, А. И. Сапожникова, Т. А. Лепешинской, И. А. Шеина, С. В. Шведова, М. В. Шистерова, и др.¹

Пятая группа – это интернет-ресурсы, включающие разработанные к 200-летнему юбилею войны тематические сайты, посвященные Отечественной войне 1812 г.² Отдельного внимания, заслуживает интернет-проект «1812 год». В рамках проекта в дальнейшем была проделана большая работа по размещению на портале источников, материалов, исследований, мемуаров, произведений художественной культуры, посвященных истории 1812 г. В настоящее время интернет-проект стал частью одного из самых известных русскоязычных сайтов «Музеи России» и насчитывает несколько больших разделов. Так, в разделе «Библиотека» собрано более 100 полнотекстовых иллюстрированных электронных книг о событиях 1812 г. Раздел «Художники-баталисты» является картинной галереей проекта, где можно ознакомиться с разноплановыми живописными произведениями по военной тематике. В разделе «Мемориал» размещены научные и научно-популярные статьи, в ко-

¹ Агронов Л. И. Постсоветская российская историография Отечественной войны 1812 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2007. 23 с.; Бабакина Е. А. Наполеон Бонапарт в войне 1812 г.: историографическое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2015. 29 с.; Белюсов С. В. Провинциальное общество и Отечественная война 1812 г. (на материалах Среднего Поволжья): автореф. дис. ... док-ра. ист. наук: 07.00.02. Самара, 2007. 40 с.; Букреева Е. М. Коллекция И.Х. Колодеева в системе источников по истории Отечественной войны 1812 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2011. 24 с.; Бессонов В. А. Военнопленные Великой армии 1812 г. в России (по материалам Калужской губернии): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Самара, 2001. 247 с.; Гулин А. В. Исторические источники в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»: дис. канд. филол. наук: 07.00.02. М., 1992. 241 с.; Дырышева И. Г. Патриотизм дворянства в Отечественной войне 1812 г.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2007. 173 с.; Сапожников А. И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 г.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб., 2013. 541 с.; Лепешинская Т. А. Роман Л. Н. Толстого «Война и Мир» как исторический источник в изображении событий Отечественной войны 1812 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Омск, 2006. 225 с.; Шеин И. А. Отечественная война 1812 г.: Историографическое исследование: дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.09. М., 2002. 551 с.; Шведов С. В. Комплектование, численность и потери Российской армии в Отечественной войне 1812 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саратов, 2005. 24 с.; Шистеров М. В. Отечественная война 1812 г. в зарубежной историографии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Екатеринбург, 2009. 247 с.; Федотова Л. В. Отечественная война 1812 г. и заграничные походы в представлении журнала «Сын отечества» (1812–1814): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саратов, 2013. 27 с.

²Интернет-проект «1812год». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museum.ru/1812/index.html>; Интернет-проект Российской государственной библиотеки «Отечественная война 1812 г. Эпоха в документах, воспоминаниях, иллюстрациях». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1812.rsl.ru/about/> (дата обращения: 14.09.2014).

торых анализируется влияние Отечественной войны 1812 г. на мировоззрение российского общества. Раздел «Личности» представляет собой биографический справочник по персоналиям (военным, политикам, государственным деятелям)¹. Необходимо отметить, что комплекс материалов, размещенных на сайте, представляет большую ценность в рамках настоящего исследования.

Таким образом, анализ литературы демонстрирует большой интерес ученых к проблемам формирования и использования коммеморативных практик Отечественной войны 1812 г. В то же время, в отечественной историографии отсутствуют специальные исследования, посвященные комплексному анализу деятельности российского государства и общества по формированию коммеморативных практик об Отечественной войне 1812 г., не изучен механизм их воздействия на региональном уровне.

Цель работы заключается в исследовании истории взаимодействия государства и общества в процессе формирования различных форм коммеморативных практик по складыванию исторической памяти об Отечественной войне 1812 г. как на общероссийском, так и на региональном уровне в 1812–1912 гг.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих **задач**:

- 1) выделить основные этапы формирования коммеморативных практик по увековечиванию памяти об Отечественной войне 1812 г. (1812 г.–1870-е гг.);
- 2) определить роль юбилеев и памятных дат Отечественной войны 1812 г. в инициировании коммеморативных практик в XIX в.;
- 3) изучить процесс реализации коммеморативных практик на общественном и государственном уровне (1880-е гг.–1912 г.);
- 4) проанализировать празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. на общероссийском/центральном уровне (на примере мероприятий в Санкт-Петербурге, Москве и Бородино);
- 5) охарактеризовать празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. на региональном уровне (на примере городов и уездов Казанской губернии и Алатырского уезда Симбирской губернии).

¹ Боброва Е., Поляков О. Об интернет-проекте «1812 год». [Электронный ресурс]. URL:<http://www.museum.ru/1812/prj1812.html> (дата обращения: 20.09.2018).

Источниковая база исследования представлена комплексом разнообразных источников, которые можно разделить на несколько групп.

Первую группу источников составляют архивные документы 6 архивохранилищ и 34 фондов в общей совокупности. Они включают циркуляры и отчеты о подготовке к 100-летию юбилею войны 1812 г., мемуары и поэтические произведения о войне, фотографические снимки, воспоминания о юбилейных торжествах. Были привлечены фонды архивов федерального и регионального значения. Празднование 100-летия Отечественной войны в Москве и на Бородинском поле, являющимся центральным местом памяти о войне 1812 г., охарактеризовано на основании фондов Российского государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА); Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА Москвы).

Документы и фонды ГАРФ характеризуют применение коммеморативных практик на всероссийском уровне. Фонд 601 «Николай II» в ГАРФ позволил наиболее полно проследить маршрут передвижения императорской семьи в дни празднования 100-летнего юбилея. Дело № 259 содержит «Дневник императора Николая II», в котором, помимо описания основных мероприятий, отражаются личные впечатления Николая II от проведенных торжеств и встречи с оставшимися к тому времени в живых ветеранами Отечественной войны 1812 г.¹ Весьма информативны материалы, содержащиеся в деле № 415 «Церемониал празднования 100-летия Отечественной войны, списки лиц, участвовавших в праздновании)», где наиболее полно раскрывается процесс целенаправленного создания государственной властью в 1912 г. церемониальных коммеморативных практик всероссийского уровня². Документ также содержит информацию о проведении торжественных юбилейных мероприятий в столице Российской империи Санкт-Петербурге, которые весьма показательны, поскольку этот город в тот период представлял собой сосредоточение общественной мысли и оплот государственной власти. Также в рамках документов ГАРФ

¹ ГАРФ: Ф. 607. Николай II. Оп.1. Д. 259. Л. 1–5.

² ГАРФ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 415. Л. 1–18.

были изучены материалы Фонда 828 «Джунковский В. Ф.», в котором хранятся документы, касающиеся личности известного российского государственного деятеля начала XX в., занимавшего в 1908–1913 гг. пост московского губернатора. Наибольший интерес представляет Дело № 50 «Воспоминания В. Ф. Джунковского за 1911–1912 гг.», которое содержит воспоминания Владимира Федоровича, курировавшего юбилейные московско-бородинские торжества 1912 г., а также длительный процесс подготовки к ним¹.

В фондах Российского государственного военно-исторического архива² (РГВИА) хранится комплекс документов, раскрывающих процесс формирования коммеморативных практик на протяжении XIX в. Необходимо отметить, что благодаря данному блоку источников стал возможным анализ празднования первых юбилеев и памятных дат, посвященных памяти Отечественной войны 1812 г. Так, материалы Фонда 970 освещают малоизвестные архивные свидетельства о праздновании юбилеев Отечественной войны 1812 г. в XIX в. Особый интерес представляет Дело № 186, являющееся ценным источником, раскрывающим данные об открытии первых памятников и осуществлении первых церемониальных коммеморативных практик в XIX в., посвящённых памяти событий 1812 г. Это позволило провести анализ различных аспектов подготовки к 25-летию победы в войне и окончания заграничных походов российской армии.³

В Фонде 400 содержатся документы об организации празднования 75-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. Несомненный интерес представляют архивные данные дела № 50⁴, характеризующего церемониальные коммеморативные практики, применявшиеся при освещении храма Христа Спасителя, а также при проведении торжественного военного парада в 1884 г. Здесь также представлена ценная информация об участии ветеранов войны в процессе организации юбилейных меро-

¹ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 50. Л. 264–265.

² РГВИА. Ф. 400. Главный штаб Военного министерства. 1836–1919 гг.; Ф. 970. Военно-походная канцелярия его императорского величества при Императорской главной квартире. 1826–1917 гг.; Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба. 1902–1918 гг.

³ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 186. Л. 97–98.

⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2122. Л. 82.

приятый. Материалы Фонда 2000 также важны с точки зрения анализа регионального уровня применения коммеморативных практик, поскольку в документе № 1040 приведено описание участия войсковых частей Казанского военного округа в праздновании 100-летия Отечественной войны 1812 г.¹

Документы ЦГА Москвы отражают роль московских учебных заведений в процессе организации 100-летнего юбилея, а также освещают ряд мероприятий в г. Москве и непосредственно на территории Бородинского поля. В документах Фонда 459 (Ед. хр. 6666, 6667, 6668)² рассмотрен вопрос привлечения воспитанников средних учебных заведений Москвы к празднованию 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. и их активного участия в столичных юбилейных мероприятиях. Комплекс документов представляется важным источниковым блоком, раскрывающим аспекты идеологического и патриотического воспитания подрастающего поколения в процессе актуализации героических страниц из истории Российского государства.

Фонды РГАЛИ позволили проследить появление откликов российского общества на события 1812 г. в поэзии, мемуаристике, архитектуре, театре, музыке, изобразительном искусстве, публицистике. Кроме того, фонды деятелей культуры и искусства XIX–XX вв. содержат ценные сведения о процессе подготовки празднования 100-летия Отечественной войны 1812 г. в различных сферах. Данный источниковый блок наиболее полно характеризует общественные инициативы по увековечиванию памяти о событиях 1812 г. Материалы Фондов 442 (Соколовские: Михаил Константинович – историк литературы, коллекционер), 561 (Шибанов Павел Петрович, граф – коллекционер, книгопродавец, библиограф), 1020 (Андреев Алексей Симонович), 1571 (Коллекция Г.В. Юдина), Ф. 2377 (Рубо Франц Алексеевич) позволили проследить процесс организации юбилейных мероприятий в 1912 г. и проанализировать комплекс коммеморативных практик, использовавшихся в начале XX в.³ Особый интерес для диссертационного исследования представляли

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1040. Л. 42–46.

² ЦГА Москвы. Ф. 459. Канцелярия попечителя Московского учебного округа. Оп. 3. Ед. хр. 6666, 6667, 6668.

³ РГАЛИ: Ф. 141. Глинки: Федор Николаевич; Ф. 442 Соколовские: Михаил Константинович; Ф.453. Соллогубы, графы: Федор Львович; жена Ф. Л. Соллогуба – Наталья Михайловна; Ф. 561. Шибанов Павел Петрович, граф; Ф. 938. Бенуа Александр Николаевич; Ф. 962. Комитет по делам

документы о сборе пожертвований и поиске экспонатов эпохи Отечественной войны 1812 г. для открытия военного музея в Москве¹, документы об открытии панорамы Бородинской битвы², свидетельства о деятельности общества Кружка ревнителей истории по использованию коммеморативных практик общественного уровня³. Необходимо отметить, что в данном исследовании использовались оцифрованные архивные документы РГАЛИ. В период с 2011 по 2013 г. в архиве была проведена большая работа по реализации проекта «Создание мультимедийной информационной системы “Отечественная война 1812 г. и ее отражение в идеологии и художественной культуре XIX–XX вв.”», поддержанного Российским гуманитарным научным фондом. В результате был создан большой комплекс доступных в сети Интернет оцифрованных источников.

Документы Национального архива Республики Татарстан⁴ (НА РТ) позволили реконструировать картину юбилейных торжеств на региональном уровне на примере уездов Казанской губернии. Территория Казанского уезда наиболее полно представлена материалами следующих фондов НАРТ: Фонд 1 (Канцелярия казанского губернатора), Фонд 2 (Казанское губернское правление), Фонд 97. (Попечитель казанского учебного округа). Данные источники весьма важны, поскольку в Казани регламентировалась вся делопроизводственная канцелярская переписка с уездами на всей территории губернии. Документы канцелярии Казанского губернатора и Казанского губернского правления содержат обширный блок разноплановых документов, позволяющих сделать наиболее полный анализ изучаемого аспекта проблемы – празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. на региональном уровне (на примере Казанского, Свияжского, Спасского, Мамадышского, Козьмодемьянского уездов). Данная информация содержится в многочисленных отчетах уездных предводителей дворянства, воинских исправников и т. п. Не менее

искусств при Совете Министров СССР; Ф. 1246. Гарин Николай Георгиевич (наст. фам. Михайловский); Ф. 2377. Рубо Франц Алексеевич.

¹ РГАЛИ. Ф. 561. Оп. 2. Ед. хр. 53. Л.3–5; Ф. 1296. Оп. 1. Ед. хр. 255. Л. 1–2.

² РГАЛИ. Ф. 2377. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 1.

³ РГАЛИ. Ф. 442. Оп. 1. Ед. хр. 360. Л. 1.

⁴ НА РТ: Ф.1. Канцелярия казанского губернатора, Ф. 2. Казанское губернское правление, Ф. 97 Попечитель казанского учебного округа, Ф. 977. Канцелярия Казанского императорского университета.

важным блоком источников является Фонд 977 (Казанский императорский университет). Университет всегда выступает площадкой реализации передовых идей, центром научно-культурной жизни провинциального общества. Документы фонда позволяют проследить процесс вовлечения университетской корпорации в увековечении памяти об Отечественной войне 1812 г.¹

Материалы по уездам Чувашского края в основном представлены документами Государственного исторического архива Чувашской Республики² в фондах уездных городских и земских управ Фонд 14 (Цивильская уездная земская управа Казанской губернии), Фонд 15 (Чебоксарская уездная земская управа Казанской губернии), Фонд 79 (Цивильская городская управа Казанской губернии), Фонд 82 (Чебоксарская городская управа Казанской губернии). В основном эта источниковая база представлена документами, характеризующими особенности проведения юбилейных мероприятий, а также отчетами уездных предводителей дворянства и уездных воинских начальников о праздновании юбилея Отечественной войны 1812 г. «на местах». Кроме того, дела фондов позволили проанализировать весь подготовительный этап празднования юбилея. Не менее важными в этом отношении являются фонды средних учебных заведений Фонд 208 (Алатырское реальное училище Симбирской губернии), Фонд 209 (Алатырская женская гимназия Симбирской губернии), Фонд 211 (Цивильское высшее начальное училище Казанской губернии), Фонд 227 (Чебоксарское духовное училище Казанской губернии), в которых содержится ценная информация по участию директоров народных училищ и их воспитанников в юбилейных торжествах. В этом отношении особое значение для характеристики регионального коммеморативного уровня имели документы, со-

¹ НА РТ. Ф. 977. Канцелярия Казанского императорского университета. Оп. 2. Д. 12234

² ГИА ЧР: Ф. 6. Предводитель дворянства Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов Казанской губернии, Ф. 14. Цивильская уездная земская управа Казанской губернии, Ф. 15. Чебоксарская уездная земская управа Казанской губернии, Ф. 79. Цивильская городская управа Казанской губернии, Ф. 82. Чебоксарская городская управа Казанской губернии, Ф. 207. Симбирская чувашская учительская школа Симбирской губернии, Ф. 208. Алатырское реальное училище Симбирской губернии, Ф. 209. Алатырская женская гимназия Симбирской губернии, Ф. 211. Цивильское высшее начальное училище Казанской губернии, Ф. 227. Чебоксарское духовное училище Казанской губернии, Ф. 307. Управление Ядринского уездного воинского начальника Казанской губернии.

державные программы и отчеты о результатах проведения юбилейных мероприятий. О ходе празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. на территории Казанской губернии свидетельствуют сохранившиеся рапорты и отчеты уездных исправников, городских глав в г. Казани¹ и Казанском² уезде, г. Свияжске и Свияжском уезде³, а также Спасском,⁴ и Мамадышском⁵, Козьмодемьянском⁶ уездах. На основе их анализа мы можем воссоздать полную картину проведенных торжеств как в городах, так и в уездах Казанской губернии. Кроме того, были созданы отдельные программы для празднования в селениях и учебных заведениях Цивильского⁷, Алатырского⁸, Ядринского⁹, Чебоксарского уездов, а также в городах Чебоксары¹⁰ и Цивильск¹¹.

Вторую группу составляют нарративные источники различного характера. Они подразделяются на несколько **видов**:

– *литературно-художественные произведения*, на основе которых формировались образы войны 1812 г.¹² Произведения литературы сыграли большую роль в фиксации и становлении исторических образов о войне, что позволяет проследить процесс формирования исторической памяти. Особую подгруппу образуют *рецензии и литературная критика*, отражающие восприятие художественных произведений обществом;

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12810. Л. 104.

² Там же. Л. 108.

³ Там же. Л. 124.

⁴ Там же. Л. 127.

⁵ Там же. Л. 129.

⁶ ГИА ЧР. Ф.6. Оп.1. Д.69. Л. 70.

⁷ ГИА ЧР. Ф. 211. Оп. 2. Д. 138. Л.8–8 об.

⁸ ГИА ЧР. Ф. 208. Оп. 1. Д. 56. Л.117–117 об.

⁹ ГИА ЧР. Ф. 307. Оп.1. Д. 97. Л.12–15

¹⁰ ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1297. Л. 187.

¹¹ ГИА ЧР. Ф. 211. Оп. 2. Д. 138. Л. 20–21.

¹² Жуковский В. А. Певец во стане русских воинов // Вестник Европы. 1812. № 23–24. С. 176–196; Воейков А. В. Князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г.: в 2 ч. М., 1814; Пушкин А. С. Наполеон // А. С. Пушкин. Собрание сочинений: в 17 т. Т. 1. М., 1994. С. 138–139; Его же. Наполеон // Собрание сочинений: в 17 т. Т. 6. М., 1994. С. 67–69; Его же. Полководец // Современник. 1836. Т. 2. С. 192–194; Лермонтов М. Ю. Бородино // Современник. 1837. Т. 6. С. 207–212; Толстой Л. Н. Война и мир: в 4 т. М., 1981.

– мемуары участников и современников Отечественной войны 1812 г., являющиеся важными источниками, т. к. представляют собой «живую память» очевидцев об этом событии¹. Особое значение для российского общества XIX в. имели мемуары Д. В. Давыдова, С. Глинки, Ф. Н. Глинки и др.

– исторические труды об Отечественной войне 1812 г.², написанные в XIX – начале XX в. российскими исследователями. Авторами первых научных работ о войне были в основном представители генералитета. Труды Д. П. Бутурлина, А. И. Михайловского-Данилевского, М. И. Богдановича составляют группу произведений классической русской дворянской историографии. Отношение общества к историческому событию во многом определяется достижениями исторической науки и степенью идеологизированности историков. Исторические исследования оказали значительное влияние не только на изучение войны 1812 г. в целом, но и на формирование исторической памяти о ней. Более подробный анализ этих произведений приведен в соответствующих главах настоящей работы, поскольку они представляют собой пример нарративной коммеморативной практики.

– учебные пособия по истории XIX в. Содержание учебника оказывает большое влияние на отношение подрастающего поколения к истории своей страны, а также на формирование памяти об изучаемых событиях³;

¹ Любленков Н. Рассказ артиллериста о деле Бородинском. СПб., 1837. 78 с.; Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения. Воспоминания о 1812 годе. М., 1839. 122 с.; Глинка С. Н. Записки о войне 1812 г. Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. СПб., 1836. 362 с.; Шаховский А. А. Москва и Париж в 1812 и 1814 гг. СПб., 1830. 67 с.; Фомин Н. И. «Благоговеющая Европа перед мавзолеем Александра I Благословленного. СПб., 1833. 26 с.; Давыдов Д. В. О партизанской войне // Современник. 1836. Т. 3. С. 138–158; Лажечников И. И. Походные записки русского офицера. М., 2013. 208 с.; Дурова Н. А. Военные записки кавалерист-девицы // Современник. 1836. Т. 2. С. 53–132.

² Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. СПб., 1837. 415+9с.; Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 г.: в 4 т. СПб., 1839.; Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г.: в 3 томах. СПб., 1859–1860; Военский К. А. Год славы народной (Отечественная война 1812 г.). М., 1912; Военский К. А. Священной памяти 1812 г. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 г. СПб., 1912. 364 с.; Попов А. Н. Отечественная война: от Малоярославца до Березины. СПб., 1877. 269 с.; Харкевич В. И. Березина: в 2 т. СПб., 1893 г.; Военский К. А. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 г. СПб., 1912. 364 с.

³ Устрялов Н. А. Начертание русской истории для средних учебных заведений. СПб., 1839. 317 с.; Иловайский Д. И. Краткие очерки русской истории. М., 1868. 415 с.; Корнилов А. А. Курс истории России XIX в. М., 1993. 234 с.

– научно-популярные «юбилейные брошюры» об Отечественной войне 1812 г., являющиеся отдельным видом нарративного вида источников, так как представляют собой самостоятельный жанр исторической литературы о войне, ориентированной на массового читателя и созданной специально к 100-летию юбилею¹;

– материалы периодической печати, представляющие собой один из важнейших видов источников, так как именно на основе материалов, публикуемых на страницах журналов и газет, можно выявить общественное мнение как о событиях и героях Отечественной войны, так и о юбилейных мероприятиях в честь победы².

Третью группу источников составляют визуально-монументальные памятники, появившиеся в честь Отечественной войны 1812 г. Данная группа источников подразделяется на несколько видов:

¹ Отечественная война и русское общество». Юбилейное издание: в 7 т. М., 1911–1912 / под ред. А. К. Джигелева, С. П. Мельгунова, В.И. Пичета; Дучинский Н. П. Император Александр I Богословенный и Отечественная война. СПб., 1912. 32 с.; Михневич Н. П. Бородинский бой 1812 г. М., 1912. 48 с.; Зарин А. Е. Женщины-героини в 1812 г. М., 1912. 32 с.; Елчанинов, А. Г. Народная война и герои из народа в 1812 г. М., 1912. 36 с.; Жерве В. В. Герои-солдаты в борьбе русского народа с Наполеоном. М., 1912. 24 с.

² [А]. Народные гуляния // Казанский Телеграф. 1912. № 5798; Алексеев В. Русский народ и война 1812 г. // Новая жизнь. 1912. № 5. С. 211–227; [В]. Приезд императора Александра I в Москву // Русская старина. 1912. № 7–9. С. 71–85; Белькович Л. Н. Князь П. И. Багратион // Русская старина. 1912. № 7–9. С. 33–70; Бородинские торжества // Исторический вестник. 1912. Т. СXXX. С. 323–354; Высочайшее посещение панорамы «Бородино» // Московские ведомости. 1912. № 200; Глинский Б. Б. Торжество России в борьбе с Наполеоном. К столетнему юбилею Отечественной войны // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. СXXXIX. 1912. С. 1–48; Деша графа Жозефа де-Местра Сардинскому королю о нашей Отечественной войне 1812 г. // Русский архив. 1912. № 1–4. С. 46–62; Долгов С. О. Сто лет назад. Письма И. П. Оденталю к А. Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах // Русская старина. № 10–12. С. 12–16; Кизеветтер А. А. Граф О. В. Ростопчин // Русская мысль. 1912. № 12. С. 1–59; Известия по Казанской епархии. 1887. № 11. С. 282–284; Казанские губернские ведомости. 1862. № 35. С. 344–345; Казанские губернские ведомости. 1862. № 30. С. 225; Казанские губернские ведомости. 1912. № 549. С. 1–2; Казанские губернские ведомости. 1912. № 34. С. 4; Казанские губернские ведомости. 1912. № 32. С. 8; Казанский телеграф. 1904. № 3306. С. 4; Казанский телеграф. № 1904. № 3296. С. 2; Ковалевский М. М. 1812 год. Посвящается памяти моего отца, прапорщика в армии Кутузова // Вестник Европы. 1912. № 7. С. 193–224; Коллюбакин Б. М. Избрание Кутузова главнокомандующим надо всеми армиями, приезд его в армию и первые дни его деятельности // Русская старина. 1912. № 7–9. С. 193–224; Корнилов А. А. Эпоха Отечественной войны и ее значение в новейшей истории России // Русская мысль. 1912. № 11. С. 104–156; Ларский И. Патриотические темы 1912 г. // Современный мир. 1912. № 2. С. 241–253; Народные гуляния // Камско-Волжская Речь. 1912. № 192. С. 6; Письмо неизвестного лица о донесении графа Местра Сардинскому королю // Русский архив. 1912. № 1–4. С. 62–68; Похороны праха генерал-лейтенанта Д. П. Неверовского // Исторический Вестник. 1912. № 8. С. 772–773; Рожков. Н. Двенадцатый год и его влияние на современное ему общество // Современный мир. 1912. № 7. С. 203–234; Русское духовенство и Отечественная война // Кормчий. 1912. № 35–37.

– *изобразительные источники*: литографии, картины, фотоснимки, созданные с 1812 по 1912 г. Были изучены фотоальбомы, в которых представлены снимки с юбилейных торжеств 1912 гг., фотоснимки «мест памяти»: монументов и музеев¹;

– *памятники архитектуры*, воздвигнутые в честь Отечественной войны 1812 г.²;

– «*места памяти*», составляющие особую группу источников и включающие в себя комплекс монументов, созданных в честь героев войны, музеи, открытые на местах сражений, главным из которых является музей-заповедник «Бородинское поле».

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– впервые в отечественной историографии проведено комплексное исследование о роли государства и общества в формировании коммеморативных практик по увековечиванию памяти об Отечественной войне 1812 г.;

– реконструирован региональный аспект празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. в городах и уездах Казанской губернии;

– в научный оборот введены малоизвестные опубликованные и неопубликованные архивные материалы как центрального, так и регионального характера;

– предложена оригинальная авторская структура классификации основных форм коммеморативных практик;

– выдвинута концепция о том, что основу для формирования исторической памяти об Отечественной войне 1812 г. составляет комплекс государственных и общественных коммеморативных практик по созданию «мест памяти», возведению монументов, открытию музеев, написанию художественных произведений, мемуаров и т. п.;

¹ Альбом акварелей по роману графа Л. Н. Толстого «Война и мир» // Бесплатное приложение к журналу «Северь». 1893; Альбом «Нашествие Наполеона. Отечественная война 1812 г.» / под ред. И. Н. Божеярова. СПб., 1911. 92 с.; Альбом «Иллюстрированная Отечественная война 1812 г.». СПб.: тип. Ф. С. Сущинский, 1887. 27 с.; «Бородинское поле сражения. Его прошлое и настоящее 1812 – 1902 гг.». [Альбом]. М.: тип. И. Н. Кушнерев и К., 1902. 60 с.; Верещагин В. В. Пояснение автора к картине «Наполеон и маршал Лористон. Мир во что бы то ни стало!». [Открытка]. СПб., 1909.

² Списки памятников, поставленных на Бородинском поле и в его окрестностях в 1912 г., юбилейных памятников в других городах, памятников участникам войны / РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 11. Ед. хр. 138. Л. 15–18.

– представлена доказательная база того, что в основе современных представлений российского общества об Отечественной войне 1812 г. лежат исторические образы, сформировавшиеся в процессе празднования 100-летнего юбилея.

Указанные положения соответствуют пунктам 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; 9. История общественной мысли и общественных движений; 12. История развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов; 13. История взаимоотношений государства и религиозных конфессий; 22. Интеллектуальная история России; 25. История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения Паспорта научной специальности 07.00.02 – Отечественная история ВАК при Минобрнауки России.

Теоретическая значимость исследования заключается в создании оригинальной авторской классификации основных форм коммеморативных практик (нарративная, визуальная, монументальная, церемониальная). На основе этой классификации возможно исследование взаимовлияния исторической памяти и коммеморации.

Практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы в преподавании теории и методологии истории, исторических, филологических дисциплин, при чтении курса «История мировой художественной культуры» и «История исторической науки», а также в процессе празднования юбилеев других значительных событий российской истории. Кроме того, важно отметить, что комплекс созданных форм коммемораций является важнейшим источником, который может быть полезен в исторической реконструкции как эпохи 1812 г., так и в воссоздании общественной жизни Российской империи XIX – начала XX в.

Методология и методы исследования. Методологической основой является совокупность общенаучных и специально-исторических методов, а также принципы историзма, системности и объективности. Принцип историзма позволил проследить восприятие войны 1812 года в разные эпохи. Принцип системности предопределил особое внимание к изучению системных связей между институтами государственной власти, общественными движениями и изменениями общественных

настроений, а также позволил изучить процесс взаимовлияния государства и общества в процессе складывания исторической памяти о событиях 1812 г. Принцип объективности помог провести взвешенный, многоплановый анализ совокупности разнообразных источников по проблеме с учетом критического переосмысления достижений историографии. Методы анализа и синтеза применялись при изучении нарративных и визуальных источников. Особое значение для нашего исследования имеет сравнительно-исторический и ретроспективный методы, а также междисциплинарный подход. При анализе учебной литературы был использован метод контент-анализа, позволивший проанализировать наиболее важные смысловые акценты курса истории России в XIX в. (в частности, курса по Отечественной истории 1812 г.).

Методология и методы данного исследования также определяются современными научными разработками по мемориальной проблематике, поэтому анализируем характерные методологические подходы. Предметом изучения для данного направления является не столько историческое событие (например, Отечественная война 1812 г.), сколько коммеморативные практики, повлиявшие на его восприятие обществом. Классиками мемориального направления в историографии можно считать работы М. Хальбвакса, П. Нора, Я. Ассмана¹. Ряд работ служит практическим примером методологии изучения мемориальной тематики (М. Феррети, Й. Эхтернкамп, А. Лангеноль)².

Истоками «мемориального поворота» можно считать работы 1920-х г. французского философа и социолога М. Хальбвакса, который предложил трактовать память как социально обусловленный элемент общественного сознания

¹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти М., 2007. 348 с.; Нора П. Франция – память. СПб., 1999. 333 с.; Ассман Я. Культурная память. М., 2004. 368 с.; Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. 480 с.

² Феррети М. Непримируемая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 76–82; Эхтернкамп Й. «Немецкая катастрофа»? О публичной памяти о Второй мировой войне в Германии // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 83–87; Лангеноль А. Официальные визиты. Интернационализация памяти о Второй мировой войне в России и Германии // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 209–218.

и коллективной идентичности¹. По мнению ученого, коллективная память – фактор, объединяющий группу, поддерживающий ее идентичность. Еще одним классиком мемориальной проблемы является французский историк П. Нора, введший в научный оборот концепцию «мест памяти», в которых сконцентрирована память нации. Ими могут быть могилы известных исторических деятелей, музеи, места сражений, памятники историческим личностям, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы и т.п.² Немецкий историк Ян Ассман выделяет две основные формы коллективной памяти о прошлом: коммуникативную и культурную. Первая охватывает воспоминания, связанные с недавним прошлым, которые человек разделяет со своими современниками. Культурная память направлена на фиксированные моменты в прошлом. «Для культурной памяти важна не фактическая, а воссозданная в воспоминании история, и только она. Можно сказать, также, что в культурной памяти фактическая история преобразуется в воссозданную воспоминанием, то есть в миф»³. Взгляды М. Хальбвакса, П. Нора, Я. Ассманна повлияли на исторические исследования и дискуссии о памяти среди современных историков последнего десятилетия (Ф. Арторг, Л. Вирт, Д. Коллин, Й. Рюзен, Х. Вельцер⁴ и др.).

На наш взгляд, наиболее точным является определение коммеморации, данное Г. М. Агеевой: «Коммеморация – это увековечение памяти о событиях: сооружение

¹ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 – 3 (40– 41). С. 8.

² Нора П. Франция – память. СПб., 1999. С. 26.

³ Ассман Я. Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 52.

⁴ Hartog Fr. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. № 3 (59). [Электронный ресурс]. URL:<http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3.html> (дата обращения: 17. 05. 2017); Wirt L. Histoire et mémoire // Bulletin de Liaison des Professeurs d'Histoire-Géographie de l'Académie de Reims. 2002. № 26. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.cndp.fr/crdpreims/ressources/brochures/blphg/bul26/default.htm> (дата обращения: 22. 05. 2017); Collin D. Histoire ou mémoire? // Philosophie et politique. Site personnel de Denis Collin. [Электронный ресурс]. URL:<http://denis-collin.viabloga.com> (дата обращения: 11. 05. 2017); Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Вып. 7. М., 2001. С. 8–26; Вельцер Х. История, память и современность прошлого // Неприкосновенный запас, 2005. № 2–3 (40–41). С. 28–37.

памятников, организация музеев, определение знаменательных дат, праздники, массовые мероприятия и многое другое. То, что позиционируется как мемориальная деятельность. В широком, – все, что связывает человека. с прошлым. Это могут быть и различные артефакты, и идеи, и тексты»¹.

В процессе анализа теоретического и фактического материала была создана классификация уровней и форм коммеморации, которая легла в основу методологии исследования:

1) **По субъекту инициирования и реализации:** а) *групповая / семейная*; б) *общественная* (субъектом реализации выступает все российское общество); в) *государственная* (коммеморативные практики иницируются государством и государственными органами власти); 2) **По уровню распространения:** а) *общероссийский уровень*; б) *региональный уровень*; 3) **По форме выражения:** а) *нарративная форма коммеморации*, характеризующаяся появлением воспоминаний участников войны, исторических исследований и художественных произведений. Особенность данной формы заключается в том, что наиболее активно она иницировалась на общественном уровне реализации коммеморативных практик. Можно сказать, что нарративная форма коммемораций – это основной механизм увековечивания памяти, присущий общественным институтам и частным лицам; б) *визуальная форма*, выражающаяся в художественно-графическом оформлении образов Отечественной войны 1812 г.; в) *монументальная форма*, проявляющаяся в создании «мест памяти» (места сражений, основным из которых является Бородинское поле; захоронений героев войны), а также воздвижение монументов и памятников; г) *церемониальная форма коммеморации*, заключается, в том числе, в выработке особых ритуалов празднования юбилеев и дней памяти наиболее значимых событий. Юбилейные церемониальные формы коммеморации подразумевали широкий спектр мероприятий, таких как: церковные службы, торжественные военные парады, вручение юбилейных медалей, использование воинских знамен, церемонии

¹ Агеева Г. М. Практики виртуальной коммеморации в библиотечно-информационной сфере // Библиотечное дело: библиотечно-информационная деятельность в пространстве науки, культуры и образования. Ч. 1. М., 2012. С. 156.

открытия музеев и памятников, реализацию юбилейных сценариев с обязательным участием представителей высших органов государственной власти. Особой частью церемониальных практик являлось то, что они чаще всего проходили на территории «мест памяти», которые были своего рода идеологической и символической репрезентацией прошлого. В этом отношении церемониальные коммеморации – это механизм формирования исторической памяти, присущий прежде всего властным структурам, которые применяют их в целях решения политических и идеологических задач.

Положения, выносимые на защиту:

1. Коммеморативные практики являются важнейшим инструментом увековечивания памяти. По субъекту инициирования они выделяются на групповом/ семейном, общественном и государственном уровнях. По масштабам реализации образуют общероссийский и региональный уровни. По форме выражения выделяются нарративные, визуальные, монументальные и церемониальные коммеморативные практики. Празднование юбилея можно считать церемониальной коммеморативной практикой, при подготовке к которому происходит интеграция всех видов коммемораций.

2. Коммеморативные практики об Отечественной войне 1812 г. формировались в течение двух исторических этапов. На первом этапе (1812 г.–1870-е гг.) общественными и государственными институтами были сформированы основные формы коммемораций, а также заложены традиции празднования юбилеев и памятных дат войны. Второй этап охватывает период с 1880-х гг. по 1912 г. Центральным событием данного этапа стало масштабное празднование 100-летнего юбилея войны в 1912 г.

3. Юбилеи и памятные даты Отечественной войны 1812 г. можно охарактеризовать как особые символические конструкции, которые способствовали созданию основных форм коммеморативных практик об эпохе 1812 г. На первом этапе (1812 г.–1870-е гг.) инициирование было связано с 5, 25-летними юбилеями Отечественной войны 1812 г. 50-летний юбилей в 1862 г. широко не отмечался. На втором этапе (с 1880-х по 1912 г.), центральным событием, инициировавшим увековечивание памяти о войне, стал 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г.

4. В течение XIX – начала XX в. инициаторами увековечивания памяти об Отечественной войне 1812 г. выступали как общественные, так и государственные институты, применявшие различные формы коммеморативных практик. Для российского общества наиболее характерно было использование нарративной формы коммеморации, а для органов государственной власти – церемониальной.

5. В период празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. в Российской империи впервые четко прослеживаются общероссийский и региональный уровни. Общероссийский выразился в символическом значении центральных торжеств в Санкт-Петербурге, Москве и Бородино. Региональный уровень характеризуется тем, что впервые празднование юбилейной годовщины затронуло практически каждую губернию Российской империи.

6. Празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. в городах и уездах Казанской губернии имело как общие черты с общероссийским уровнем, так и специфические (в зависимости от этноконфессионального состава населения). При этом особая роль отводилась патриотическому воспитанию молодежи, что было реализовано на базе учебных заведений губернии.

7. Именно в ходе подготовки и празднования 100-летнего юбилея сложились те идеологемы и мифологизированные образы исторической памяти об Отечественной войне 1812 г., которые в настоящее время присущи массовому сознанию народа.

Степень достоверности и апробация результатов: основные положения, результаты и выводы данного исследования изложены в 16 публикациях, включая 5 статей в ведущих рецензируемых журналах ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Важнейшие положения были представлены на всероссийских и международных научных конференциях: «Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов» (V Арсентьевские чтения). Чебоксары, 14–15 октября 2013 г.; «Государство и общество в России: тернистый путь взаимоотношений и взаимодействия» (II Смирновские чтения). Чебоксары, 15–16 ноября 2013 г.; «Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья: к 50-летию Чувашского государственного университета имени И. Н. Улья-

нова» (VI Арсентьевские чтения). Чебоксары, 16–17 октября 2015 г.; «XX век в истории России: гражданственность и патриотизм народа в годы великих потрясений и мирного строительства». Чебоксары, 29 апреля 2015 г.; «Россия и Китай в борьбе с мировым фашизмом». Чебоксары, 18 декабря 2015 г.; «История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики». Москва, 5–6 октября 2016 г.; «Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова)». Чебоксары, 12–14 октября 2017 г.; «Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И. Я. Яковлева)». Чебоксары, 14–15 мая 2018 г.; «Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева)». Чебоксары, 18–19 апреля 2019 г.

Структура диссертации соответствует цели и задачам работы и включает Введение, три главы, Заключение, список использованных источников и литературы, приложения.

ГЛАВА 1. КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ И СКЛАДЫВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г. В РОССИИ (1812 г. – 1870-е гг.)

В декабре 1812 г., после длительного отступления, Великая армия Наполеона Бонапарта покинула территорию Российской империи. «Поход» великого полководца закончился его полным поражением, поставив под угрозу само существование армии «двунадесяти языков». Более того, военная кампания в России стала началом конца политической и военной карьеры Наполеона. В отечественной исторической науке война между Россией и наполеоновской Францией известна под названием Отечественная война 1812 г. Это не случайно, поскольку общенациональный подъём российского народа стал одной из главных причин победы. События военного времени оказали колоссальное воздействие не только на внутреннюю и внешнюю политику России. Историческая память о войне оставила неизгладимый след на самосознании российского общества и повлияла на мировоззрение многих поколений.

Война стала одним из самых значимых событий всего XIX столетия. Вполне логично, что общественные и государственные институты Российской империи, частные лица испытывали потребность в увековечивании памяти о ней посредством создания коммеморативных практик, первые из которых появились еще на полях сражений 1812 г. В процессе формирования комплекса коммемораций можно выделить ряд хронологических этапов, обусловленных празднованием юбилеев и памятных дат войны, поскольку именно годовщины памятных событий инициировали актуализацию памяти об Отечественной войне 1812 г. в Российской империи.

§ 1.1. Государство и общество как инициаторы коммеморативных практик на начальном этапе (1812 г. – 1820-е гг.)

Отечественная война 1812 г. стала огромным испытанием для Российской империи. Это событие привело к единению всего общества посредством взаимодействия государства, армии и народа. С первых месяцев военных действий в России начался процесс увековечивания памяти об этом историческом событии, что стало возможным, благодаря мерам государственных и общественных институтов. На полях сражений и в тылу российским обществом инициировался процесс увековечивания тех событий, очевидцами которых они стали. Уже в 1812 г. события Отечественной войны нашли свое отражение в литературе. Важно отметить, что именно поэзия стала основой для формирования первых нарративных коммеморативных практик (см. приложение 1–6). «Русская литература, посвященная войне 1812 г., – это литература о любви русского народа к Отечеству, о спасительной силе веры, о героизме русского воина и о том, какой была цена победы России над объединенными в наполеоновской армии силами покоренной Европы»¹ – считает Г. Б. Буянова.

Одним из первых произведений, в котором была затронута проблема войны, является стихотворение В. А. Жуковского, являвшегося непосредственным участником военной кампании в качестве поручика Московского ополчения. Во время Бородинской битвы он находился в резерве, состоял при штабе М. И. Кутузова. Его поэтическое произведение «Певец во стане русских воинов» было написано в канун знаменитого Тарутинского сражения и впервые напечатано в журнале «Вестник Европы» с подзаголовком: «Писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине»². Затем это стихотворение в различных редакторских правках издавалось отдельными тиражами. Это связано с тем, что новые факты о ходе военных действий

¹ Буянова Г. Б. «Да, были люди в наше время.»: Отечественная война 1812 г. в зеркале классической русской литературы // Филологическая регионалистика. 2012. № 2 (8). С. 66.

² Жуковский В. А. Певец во стане русских воинов // Вестник Европы. 1812. № 24. С. 176.

стали известны уже после самих событий. Окончательный вариант произведения появился к 1815 г. Стихотворение в дни войны приобрело огромную популярность и мгновенно распространилось по армии. Одно из первых произведений о войне, созданное «на поле битвы», всецело отражает «дух того времени». Необходимо также отметить, что стихийное появление поэтических произведений о событиях 1812 г. является одним из первых примеров неосознанного использования нарративной формы общественной коммеморации.

Отечественная война 1812 г. оставила заметный след в устном народном творчестве, сатире и фольклоре, превратившихся во время войны в мощное идеологическое оружие в борьбе с врагом. А. А. Подмазо отметила по этому поводу, что «проводимая в России церковная и светская пропаганда, формировавшая образ, использовала в печатных и изобразительных формах различные приемы преувеличения (гиперболу, гротеск, иронию) и сатиры. В ее распоряжении в 1812–1814 гг. было большое многообразие форм наглядной и понятной для народа агитации»¹. Одним из самых распространенных пропагандистских методов стало издание карикатур и лубочных картинок, изображающих Наполеона и его армию. А. А. Подмазо подчеркивает, что «иногда сатирические картинки на темы 1812 г. называют лубочными. Лубок, известный на Руси с XVI в., был очень популярен в народе и, главное, понятен всем, даже не умевшим читать, жителям»². Главным героем карикатур стал Наполеон, которого всячески стремились изобразить как воплощение зла – Антихриста. Гротескно-негативное и сатирическое изображение французского императора представляет крайний интерес для данного исследования, т. к. именно на основе этого восприятия, в большинстве случаев народ и формировал свой образ Бонапарта в 1812 г. Карикатуры, созданные в период войны, стали первыми визуальными коммеморативными практиками, активно применявшимися на государственном уровне. При штабе М. И. Кутузова уже в первые месяцы Отечественной войны 1812 г. была создана специальная типография,

¹Подмазо А. А. «От великого до смешного»: российская сатира и фольклор на тему войны 1812–1814 гг. / Отечественная война 1812 г. в культурной памяти России. С. 128.

² Там же. С. 139.

призванная вести пропагандистскую деятельность среди населения и армии, поскольку Москва на тот момент находилась в эпицентре военных действий. Что не смогла древняя столица, блестяще выполнил Санкт-Петербург. Здесь начали работу авторы самых знаменитых карикатур на тему войны 1812 г. Речь идет о А. Г. Венецианове и И. И. Теремине (см. приложение 7–8). Именно они создали большую часть известных ныне карикатур и жанровых картинок на тему борьбы с французскими захватчиками¹. Всего было создано около 200 произведений, среди которых преобладают те, что изображают Наполеона.

Самым известным карикатуристом того времени можно считать И. И. Тереминев. В 1812 г. в его творчестве преобладали два сюжета: героизм русского народа и комический образ Наполеона Бонапарта. Художник обращался к теме героизма русских солдат, крестьян и партизан в карикатурах «Русский Сцевола», «Казацкая шутка», «Пастух и волк». Но большая часть его карикатур была посвящена сатирическому изображению Наполеона Бонапарта в самых разных комических ситуациях: «Наполеонова пляска», «Наполеон спускает змея», «Угощение Наполеону в России», «Наполеон, разбитый на равнинах при Люцене, прикладывает себе пластыри», «Нос, привезенный Наполеоном с собою из России в Париж», «Карантин для Наполеона по возвращении его из России», «Мыльные пузыри». Практически все карикатуры были изданы уже после войны, в 1813–1814 гг.

А. Г. Венецианов в своих карикатурах сатирически изобразил различные эпизоды войны: «Французы, голодные крысы, в команде у старостихи Василисы», «Изгнание из Москвы французских актрис», «Крестьянин Иван Долбила». Художник предпочитал не публиковать пояснительные описания к сюжетам, в его работах художественная сторона преобладает над текстовой. Конечно, карикатуры предназначались не для широких масс, однако многим из них старались придать вид именно народных картинок. «Яркие и схематичные истории, а также сопровождающие их иллюстрации или, наоборот, визуальные образы и прилагаемые к ним тексты они

¹Карикатуры времен Отечественной войны 1812 г. [Электронный ресурс]. URL: www.museum.ru. (дата обращения 03. 02. 2017).

легко запоминались и довольно быстро превращались в предания»¹. В условиях военного времени поддержание морального духа, целенаправленное сатирическое изображение противника было одной из главных задач. Народ мог разглядывать карикатуры на стенах, где они развешивались для всеобщего обозрения. Можно сказать, что именно на основе карикатурных изображений в России складывались первые формы визуальных коммеморативных практик, получивших широкое распространение в дальнейшем.

Особая роль в сатирическом изображении французской армии и Наполеона принадлежит знаменитым басням И. А. Крылова, написанным в ходе конкретных исторических событий в 1812 г. Карикатурно-сатирические образы военных действий через призму черного юмора несут в себе определенную смысловую нагрузку. И. А. Крылов создал своего рода цикл произведений об Отечественной войне 1812 г. (такие басни, как «Ворона и курица», «Щука и кот», «Обоз» и др.)². В образах вымышленных персонажей писатель иносказательно изображает М. И. Кутузова, Александра I, Наполеона, а также образ русского народа в целом. Творчество И. А. Крылова высоко ценилось современниками, находило широкий отклик в самых разных слоях общества. Следует отметить, что основные темы (Бородино, сдача Москвы, образ М. И. Кутузова), представленные в ряде поэтических и сатирических произведений, впоследствии стали определенными вехами в складывании исторической памяти о событиях 1812 г. Так, начали формироваться основные идеологемы и образы – военачальника М. И. Кутузова, Бородинского сражения, вступления французов в Москву. В дальнейшем центральные образы войны найдут свое отражение в различных формах коммемораций.

В 1813 г. очевидцами и современниками военных событий начали создаваться «места памяти» об Отечественной войне 1812 г., ставшие монументальными коммеморативными практиками. Концепцию «мест памяти» впервые разработал П. Нора. По его мнению, это места, «в которых сконцентрирована память нации»³. Ими могут

¹Вишленкова Е. А. «Метки на память»: сатирические образы войны 1812 г. // История и историческая память. 2012. № 6. С. 155.

² Крылов И. А. Басни / отв. ред. Ф. Я. Прийма. М.; Л., 1956. 635 с.

³ Нора П. Франция – память. С. 26.

быть могилы известных исторических деятелей, музеи, места знаковых сражений, памятники историческим личностям, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины важных событий, трактаты, протоколы, монументы, храмы и т. п. В России «места памяти» об Отечественной войне 1812 г. приобрели большую значимость в связи со знаковым влиянием этого события на мировоззрение практически всех слоев российского общества, побудившим к созданию все новых форм коммемораций как общественного, так и государственного уровня. Российская империя, в лице государства и общества, испытывала большую потребность в ритуализации и фиксации памяти о «грозной эпохе 1812 г.». По этой причине, еще в период боевых действий, были инициированы первые шаги в этом направлении.

Во время заграничных походов было создано одно из первых «мест памяти» эпохи 1812 г., посвященное одному из главных героев войны – князю М. И. Кутузову. Историк Е. А. Бочков проследил процесс ритуализации государством и обществом памяти о нем. «После кончины полководца его тело и сердце забальзамировали и в апреле 1813 г. отправили в Санкт-Петербург. Небальзамированные останки (внутренние органы) были захоронены в трёх километрах от Бунцлау в цинковом саркофаге на сельском кладбище»¹. На месте захоронения было воздвигнуто гранитное надгробие классической формы с венком, закреплённым на изломе колонны, символизировавшим почетное положение погребенного человека. Автором памятника был Ф. Бем-младший. К сожалению, когда летом 1813 г. войска Наполеона на короткий промежуток времени вновь захватили Бунцлау, обелиск был разрушен. Е. А. Бочков отмечает, что «после очередного освобождения города войсками союзников летом 1813 г., разрушенный монумент М. И. Кутузову посетил генерал-лейтенант Ф. В. Остен-Сакен, который пожертвовал 32 дуката на восстановление памятника. Спустя год на эту территорию приехала одна из дочерей полководца, посетившая дом, где скончался ее отец. Также она посетила место погребения и пожертвовала 24 дуката на реставрацию надгробного обелиска»². В

¹Бочков Е. А. Он спас отечество своё. Он открыл путь к избавлению народов // Военно-исторический журнал. 2013. № 4. С. 45.

² Там же. С. 46.

результате Ф. Бем начал работу по восстановлению монумента. В августе 1813 г. монумент был торжественно открыт вторично. Вскоре горожане приняли решение увековечить память о великом военачальнике солидным монументом. Закладка состоялась в мае 1819 г.

Таким образом, «заграничная усыпальница» М. И. Кутузова стала примером одной из первых форм монументальных коммеморативных практик по увековечиванию памяти героя войны, которая была предпринята на общественном уровне. Важно отметить, что существенную роль в создании этого «места памяти» сыграли не только представители России, но и общественность Пруссии. Кончина Михаила Илларионовича стала своего рода отправной точкой появления нескольких форм коммеморативных практик. Так, его имя уже воспевалось в произведениях поэзии, вследствие чего повсеместно стали использоваться нарративные коммеморативные практики. Место захоронения великого полководца дало начало применению монументальных форм коммеморативных практик. А тем временем в России по распоряжению Александра I 13(25) июня 1813 г. в Соборе Казанской иконы Божьей Матери в Санкт-Петербурге состоялись похороны князя М. И. Кутузова, что стало образцом применения особой церемониальной формы, получившей широкое распространение как в XIX, так и в начале XX в. Траурная повозка около месяца добиралась из Бунцлау до столицы. Похороны превратились в масштабную, тщательно продуманную государством церемониальную коммеморативную практику.

Была специально создана особая комиссия для организации церемонии прощания и захоронения. В ее задачи входило решение следующих вопросов: «финансирование всех расходов, связанных с погребением; разработка плана траурного церемониала; закупка различных материалов, необходимых для погребения; заключение договоров на выполнение работ по оформлению траурного зала и места погребения, подготовка места захоронения, подбор участников траурного церемониала и т. п.»¹ Вопрос о финансировании согласовывался лично с императором Александром I. На погребение князя М. И. Кутузова казна потратила внушитель-

¹ Бочков Е. А. Церемониал погребения М. И. Голенищева-Кутузова: неизвестные страницы. С. 223.

ную сумму – 79 тыс. руб. Церемониал погребения полководца был детально продуман. 11 (22) июня 1813 г. тело князя М. И. Кутузова перевезли из Троице-Сергиевой пустыни в собор Казанской иконы Божьей Матери. Маршрут передвижения церемониальной траурной процессии проходил по главным проспектам, улицам и площадям Санкт-Петербурга.

Очевидец траурной процессии Н. М. Лонгинов оставил описание похорон М. И. Кутузова: «Надо было видеть этот наплыв народа из города и окрестностей. Несмотря на настояния, просьбы и даже приказания властей, чтобы катафалк везли лошади, их выпрягли лишь за две версты от города и до Казанского собора не было недостатка в благонамеренных гражданах, чтобы нести гроб на плечах и двигать катафалк. Блеск и пышность церемонии не могли сравниться с этим трогательным зрелищем»¹. Е. А. Бочков справедливо заметил, что «это был большой спектакль, где каждому участнику в соответствии с его социальным статусом отводилась своя строго определенная роль. Каждый элемент церемониала должен был подчеркнуть траурный характер мероприятий, скорбь об усопшем и воздать должное его заслугам»². Передвижение похоронной церемониальной процессии по улицам Санкт-Петербурга стало кульминационным моментом данного мероприятия. Тело князя М. И. Голенищева-Кутузова находилось в соборе два дня. Погребение состоялось 13 (25) июня 1813 г. В собор допускались избранные лица, у которых было специальное приглашение. После установки гроба в склеп вход в него закрыли плитой, а в стену была вмонтирована мраморная рама с надписью: «Князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов Смоленский. Родился в 1745м годѣ. Скончался в 1813м в городе Бунцлау»³. Так, церемония захоронения героя войны способствовала тому, что могила М. И. Кутузова приобрела статус одного из первых «мест памяти» Отечественной войны 1812 г., став образцом комплексного применения монументальных и церемониальных коммеморативных практик.

¹Лонгинов Н.М. Письма к графу С. Р. Воронцову. (1803–1823) // Архив князя Воронцова. Кн. 23. М., 1882. С. 266–267.

²Бочков Е.А. Церемониал погребения М. И. Голенищева-Кутузова: неизвестные страницы. С. 223.

³ Там же. С. 241.

Возвращение российских войск из заграничных походов стало одним из самых важных событий 1814 г., в связи с чем в Санкт-Петербурге были построены Нарвские триумфальные ворота. Они были установлены непосредственно у границы города, вблизи Обводного канала. Возведение этого сооружения стало одним из первых актов применения монументальных коммеморативных практик.

Влияние Отечественной войны 1812 г. на российское общество было столь велико, что в 1814 г. в свет вышло 2-томное издание «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г.» в двух частях¹. Составитель – князь Николай Михайлович Кугушев, являвшийся участником итальянского похода А. В. Суворова, а также автором ряда литературных произведений разных жанров, чья деятельность пришлась на два первых десятилетия XIX в. На сегодняшний день, Н. М. Кугушев относится к числу забытых писателей второго ряда². Главной целью антологии являлось запечатление пока еще «живого образа» войны. В сборник вошли оды, стихотворения, песни, сюжетные линии которых затрагивают практически весь ход войны от первых вторжений до заграничных походов русской армии, включая характеристики ярких личностей – полководцев и героев войны. Современным исследователем В. С. Киселевым выделен ряд тематических блоков сборника: о сборе ополчения, полководце М. И. Кутузове, Бородинской битве, сдаче Москвы и т. п. Издание весьма ценно, поскольку являет собой первый опыт осмысления событий войны представителями разных социальных слоев. Это сказалось и на литературной репрезентативности собрания, включавшего как произведения известных авторов (например, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского), так и малоизвестных литераторов-дилетантов. В целом, издание характеризуется демократичностью в выборе авторов и тем произведений. Примером служат многочисленные солдатские песни, составляющие значительную часть собрания. «Собрание стихотворений включает в себя более 150 стихотворений

¹Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г. / сост. Н. М. Кугушев : в 2 ч. М., 1814.

²Айзикова И.А. Историко-литературное значение «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г.» // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г. Юбилейное издание под ред. И. А. Айзиковой, В. С. Киселева. М., 2015. С. 31–32.

и около 70 авторов. Произведения расположены без каких-либо тематических блоков, опубликованы практически без редакторской обработки, расположены хаотически, они являются мгновенными откликами на происходящие события», – отмечает В.С. Киселев¹. Их основным скрепляющим мотивом являлась живая память об этом пока еще недавнем грандиозном историческом событии.

Князю М. И. Кутузову посвящено более двух десятков произведений, которые складываются в поэтическую биографию жизни полководца². Возможно, такое количество упоминаний героической личности в собрании связано с тем, что после смерти полководца в апреле 1813 г. появились условия для мифологизации его образа – Михаил Илларионович умер на пике своей популярности в обществе. Судя по количеству произведений, посвященных кончине полководца, образ его личности в исторической памяти народа начал откладываться еще при жизни М. И. Кутузова. На наш взгляд, существенный вклад в процесс ритуализации образа полководца внесла масштабная церемония его захоронения в Санкт-Петербурге, когда российское общество прощалось с героем войны. Таким образом, блок, посвященный М. И. Кутузову, представлен большим количеством произведений, объединенных общей тематической направленностью, в которых он предстает в роли мудрого «седовласого» народного вождя. Еще одним тематическим блоком, представленным в собрании сочинений, является тема Бородинского сражения, ярче всего отраженная в стихотворениях Н. Д. Иванчина-Писарева и Д. П. Глебова³. Оба автора описывают бегство французских войск с Бородинского поля и указывают на бесспорную победу «россов». В историографии неоднозначны оценки итогов Бородинского сражения. Французы придерживаются точки зрения о победе

¹ Киселев В. С. Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г. (статья первая)» // Книга в контексте культуры. 2012. № 1. С. 37.

² Жуковский В. А. Князю Смоленскому; Горчачев Д. Стихи, на изгнание неприятеля, посвященные Его Светлости князю М. И. Кутузову-Смоленскому; Воейков А. В. Князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому; В. Л. Надпись к победам Его светлости князя Кутузова-Смоленского; Глинка С. Стихи на кончину Светлейшего князя Голенищева-Кутузова // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г. / сост. Н. М. Кугушев. М., 1814. Ч. 1. 247 с.

³ Писарев Н. И. Надпись на поле Бородинском // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г. С. 121; Глебов Д. П. Глас московского жителя на освобождение России от врагов // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г. С. 125.

наполеоновской армии, в России зачастую выдвигаются тезисы о гениальном замысле М. И. Кутузова и его полководческом таланте, о неоспоримой победе над Наполеоном. Так или иначе, в российской исторической памяти Бородинское сражение стало символом победы и олицетворением патриотизма российского народа.

Образ победоносного Бородинского сражения начал складываться уже в первые послевоенные годы, в том числе, благодаря его освещению в произведениях мемуаристов и поэтов. Занятие древней столицы оказало болезненное воздействие на российскую общественность. Это подтверждает факт наличия большого количества мемуарной литературы и произведений, посвященных данной теме. Поскольку собрание сочинений состоит из песен и стихов, созданных стихийно, еще в период описываемых в них событий, это позволяет говорить о значении вступления французов в Москву для русских¹. К 50 определена тенденция в смещении идеологических акцентов. В. С. Киселев справедливо отметил по этому поводу: «Заслуги по освобождению отечества автоматически переносились с подданных на царя. Эта тенденция стала вполне очевидной уже к октябрю 1812 г., когда на волне военных успехов необходимость во всенародной защите отечества стала менее острой, а затем и совсем пропала»². Жанровый состав стихов тоже начал меняться. Смысловые акценты сместились к персоналиям – к образу императора, а также к образам полководцев, символизировавших волю монарха.

В поэтических произведениях 1812–1814 гг. особое место принадлежит теме пожара в Москве. В 1812–1814 гг. она нашла отражение в произведениях Ф. Н. Глинки, Н. М. Шатрова, В. В. Капниста³. Пожар древней столицы воспринимался обществом

¹ Ламанский И. Ода на освобождение Москвы; Иванов О. На разрушение Москвы; Глебов Д. Глас московского жителя на освобождение России от врагов; Юшков С. Песня на освобождение царствующего града Москвы; Попов И. Певец среди московских граждан // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г. М., 1814. Ч. 2. 252 с.

² Киселев В. С. Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г. (статья первая) // Текст. Книга. Книгоиздание. Вып. 1. 2012. С. 49.

³ Глинка Ф. Н. Песнь русского воина при виде горящей Москвы // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 72–73; Шатров Н. М. Пожар Москвы в 1812 г. // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 32–35; Капнист В. В. Видение плачущего над Москвою россиянина, 1812 г. октября 28 дня // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 21–29.

как трагедия. Драматизм произведений усугублялся тем, что они были написаны очевидцами и современниками описываемого события либо в период войны, либо в первые годы после ее окончания, когда оценка произошедшего в 1812 г. рассматривалась еще крайне эмоционально. Таким образом, стихийное создание на полях сражений произведений поэзии и прозы, воспевающих сюжеты боевых действий, героизм российской армии во главе с ее полководцами, превратилось в масштабную нарративную коммеморативную практику, неосознанно инициированную прогрессивными слоями российской общественности.

Если В. А. Жуковский, Н. М. Кугушев, С. Н. Глинка, Ф. Н. Глинка, А. А. Шаховский и др., являясь участниками событий, находились в том возрасте, когда могли осознанно зафиксировать и осознать события с точки зрения зрелого человека, то память представителей следующего поколения формировалась иными путями. Их произведения представляют собой некий результат рефлексии и осознанной интерпретации событий, уже ставших не воспоминанием этих авторов, а историей. Одним из самых известных представителей этого поколения является А. С. Пушкин, чьи произведения, посвященные личности Наполеона, позволяют проследить эволюцию общественно-политических взглядов в XIX в. Ранний этап его творчества, так называемый «лицейский период», характеризуется ярко выраженным негативным отношением к деятельности Наполеона, вызванным впечатлениями юного поэта о трагических последствиях военного времени («Наполеон на Эльбе»¹). Здесь Наполеон предстает «губителем Европы», мечтавшим заковать ее в цепь. Это была весьма распространенная традиция в восприятии личности французского императора в первые годы после войны. Однако уже в 1821 г., в год смерти Наполеона, Пушкин пишет стихотворение «Наполеон»², в котором оценивает его как великую историческую личность и называет «великим человеком», завещавшем всему миру свободу «из мрака ссылки». Это было вызвано влиянием «наполеоновского мифа», создавшего в общественном сознании романтизированный образ полководца. Литературно-поэтические произведения первой четверти XIX в. представляют собой нарративную

¹ Пушкин А.С. Собрание сочинений в 17 т. Т. 1. М., 1994. С. 138.

² Пушкин А.С. Собрание сочинений в 17 т. Т. 6. М., 1995. С. 67.

форму коммеморации, инициированную российским обществом. В то же время в Российской империи появляются первые монументальные коммеморативные практики о войне. Широкое распространение получило использование как на государственном, так и на общественном уровнях церемониальных, монументальных и визуальных коммеморативных форм. Идея об увековечивании подвига российского народа возникла у ближнего окружения императора Александра I еще в период заграничных походов российской армии. Император загорелся идеей создания храма, которым бы воспел память об Отечественной войне 1812 г. Был обнародован манифест о конкурсе на проект церковного сооружения, по итогам которого в 1815 г. победил выпускник Петербургской академии художеств Карл Магнус Витберг.

Практика возведения монументов в целях увековечивания памяти героев Отечественной войны 1812 г. получила особое распространение во второй половине XIX в. Однако первые факты целенаправленного использования монументальной формы коммеморации восходят еще к 1814 г., когда впервые стали разрабатываться проекты установки памятника Александру I. В частности, по губерниям и уездам Российской империи были разосланы предписания главнокомандующего в Санкт-Петербурге С. К. Вязмитинова об организации сбора пожертвований на сооружение памятника Императору Александру и изготовлению медали в честь победы над наполеоновской Францией¹. Например, подобный сбор средств был организован в Казанской губернии в 1814 г. под общим руководством казанского губернатора Б. А. Мансурова². Исследователи Ю. В. Гусаров и А. А. Чибис отмечают, что «предписания содержали подробно расписанные указания о порядке сбора пожертвований на изготовление памятной медали и памятник императору. Сбор с дворян поручался уездному предводителю дворянства. С городских сословий сбор денег должен был осуществляться городскими головами»³. Отмечалось,

¹Гусаров Ю. В., Чибис А. А. Отечественная война 1812 г. Документы и материалы из фондов ГИА ЧР. Чебоксары, 2012. С. 317.

² ГИА ЧР. Ф. 81. Оп. 1. Д.3 80. Л. 146 об в сборнике–153.

³ Гусаров Ю. В., Чибис А. А. Отечественная война 1812 г. Документы и материалы из фондов ГИА ЧР. С. 317.

что пожертвования были относительно добровольными. В результате на базе уездов Казанской губернии были составлены списки купцов и мещан, пожертвовавших деньги на сооружение памятника и изготовление медали.

В 1817 г. Москва и вся Россия готовились торжественно отметить пятую годовщину победы в Отечественной войне 1812 г. Первый юбилей войны стал важной идеологической датой, инициировавшей практику целенаправленной актуализации событий 1812 г. на протяжении всего столетия. Важно подчеркнуть, что именно в этот период произошла апробация применения различных форм коммеморативных практик, а также были заложены основные традиции для дальнейших празднований юбилеев и памятных дат Отечественной войны 1812 г. В это время начинается формирование комплекса монументальных форм коммеморативных практик. Так, 12 декабря 1817 г. в Москве состоялось открытие Московского манежа, ставшего впоследствии одним из наиболее узнаваемых монументальных сооружений, созданных в столице после пожара 1812 г. В честь праздничного события из Санкт-Петербурга прибыл сводный гвардейский отряд героев войны и заграничных походов. Ветераны стали важной идеологической составляющей праздничного парада по случаю пятилетнего юбилея войны. Каждому из них вручались памятные медали. В общественном сознании манеж стал олицетворением победы русского оружия и одним из главных памятников в честь победы в Отечественной войне 1812 г. На мемориальной доске сооружения размещалась надпись: «Здание манежа построено в 1817 г. в ознаменование победы русского народа в Отечественной войне 1812 г.»¹

К первому юбилею победы государственный уровень использования коммеморативных практик стал активно выражаться в церемониальной форме. Память о войне стала сопровождаться официальными правительственными мероприятиями. 12 октября 1817 г., в пятую годовщину выступления французов из Москвы, состоялась торжественная церемония закладки храма Христа Спасителя на Воробьевых горах, на месте, получившем название «корона Москвы». П. И. Соколов, засвидетельствовавший торжество, так описал происходящее: «По обеим сторонам следования

¹ Смирнова А. А. Москва – героям 1812 г. М., 1981. С. 23.

процессии от Кремля до Воробьевых гор в четыре ряда в парадном строю были расставлены войска. В церемонии участвовало много духовных особ. По окончании литургии в Тихвинской церкви к месту заложения двинулся крестный ход во главе с духовенством, император шел в сопровождении придворных, военных и статских особ. Шествие сопровождалось колокольным звоном, полковой музыкой в присутствии 50-тысячного войска и более 400 тысяч жителей»¹. Строительство храма было рассчитано на 8 лет, однако планам не суждено было сбыться. Изначально строительные работы проходили достаточно энергично, но со временем темпы снижались. В 1825 г., когда на престол взошел император Николай I, строительство храма приостановилось. По официальной версии это было вызвано причиной ненадёжности почвы на территории Воробьевых гор². Вторая торжественная закладка храма состоялась лишь в 1839 г.

В 1820 г. Маргарита Михайловна Тучкова, вдова генерала А. А. Тучкова, увековечила память о героях Бородино, построив за свой счет на месте гибели любимого супруга церковь Спаса Нерукотворного. Этот храм стал центром монашеской пустыни, которая в 1838 г. по указу императора Николая I была преобразована в Спасо-Бородинский общежительный второго класса женский монастырь, а М. М. Тучкова, его основательница, стала первой настоятельницей, игуменьей Марией. После ее кончины в 1852 г. в доме, где она жила, по благословению митрополита Московского и Коломенского Филарета, все осталось так, как при ее жизни. Фактически он стал домом-музеем³.

Активизировались визуальные формы коммеморативных практик, посредством которых формировались образы героев войны, оставивших свой след в сознании российского общества. В этом важную роль сыграл процесс взаимовлияния нарративных и визуальных форм коммеморативных практик, т. к. на наш взгляд, поэтические про-

¹ Соколов П.И. Историческое описание торжества, происходившего при заложении храма Христа Спасителя на Воробьевых горах. М., 1818. С. 2.

² Мостовский М. С. История храма Христа Спасителя в Москве. М., 1883. С. 13–18.

³ История музея-заповедника Бородинское поле [Электронный ресурс]. URL: <http://borodino.ru/index.php?page=content&DocID=84> (дата обращения 08. 05. 2017).

изведения о событиях 1812 г., появившиеся в последующий период, сыграли большую роль в формировании художественно-образительного образа Отечественной войны 1812 г. Военная поэзия неоднократно демонстрировала поэтические портреты героев 1812 г., описывая поэтическим слогом их подвиги, характер и вклад в победу.

Образы приобрели живописный облик в 1826 г. с открытием в парадной части Зимнего дворца грандиозной военной галереи 1812 г. по проекту К. Росси. Она состоит из 332 портретов русских генералов, участвовавших в Отечественной войне 1812 г. Портреты написаны Джорджем Доу, а также его ассистентами. Стены галереи украшены 12 лепными лавровыми венками с названиями наиболее важных сражений 1812–1814 гг. Также появлялись произведения живописи, посвященные конкретным эпизодам военных сражений. Например, в 1828 г. Альбрехт Адам воспроизвел на полотне город Смоленск в конце августа 1812 г. В целом, в 1820-х гг. появлялось много живописных произведений неизвестных авторов (литография «Битва под Москвой»).

Таким образом, 5-летие победы в 1817 г. стало важным моментом начала традиции празднования годовщин победы в войне и памятных событий. Первый юбилей стал некой отправной точкой формирования и начала активного использования основных форм коммемораций. От произвольного, стихийного создания поэтических произведений во время войны произошел переход к целенаправленной практике использования церемониальных, монументальных, визуальных и нарративных коммеморативных практик. При этом важно отметить, что самой распространенной формой в первые послевоенные годы была нарративная. Это более эмоциональный и не требующий финансовых средств способ ритуализации события. Важную роль в этом сыграла быстрая реакция поэтов. Кроме того, к пятилетней годовщине победы стало больше возможностей запечатлеть память о войне в монументальных формах. Инициаторами коммеморативных практик было как государство, проводившее официальные мероприятия, так и само общество, которое испытывало потребность в осмыслении и фиксации памяти о 1812 годе. Осуществлялись они в основном на двух уровнях – государственном и общественном, приобретая при этом общерос-

сийские и региональные масштабы распространения. Государство стремилось всячески использовать память о войне в идеологических целях. По этому поводу современный ученый В. Н. Земцов заметил: «К началу 20-х гг. XIX в. началась усиленная монополизация властью памяти о 1812-м годе. К событиям войны стали относиться крайне избирательно. Победа стала трактоваться как чудесное спасение, дарованное свыше русскому народу за его благочестие»¹. Таким образом, пятилетний юбилей войны стал отличной возможностью для реализации и пропаганды официальной государственной идеологической политики.

§ 1.2. Роль юбилеев и памятных дат войны в формировании основных форм коммеморативных практик на общественном и государственном уровнях (1830–1870-е гг.)

В первые послевоенные годы инициаторами коммеморативных практик помимо государства выступали очевидцы и участники Отечественной войны 1812 г., желавшие запечатлеть войну «по ее живым следам». Несомненно, российское общество после этого колоссального потрясения испытывало потребность в самовыражении. В связи с этим общественные коммеморативные практики возникали стихийно, без воздействия «извне» со стороны властных структур. Чаще всего на первом этапе, в 1820-х гг., это происходило путем использования нарративной формы коммеморации в поэзии, мемуарной и исторической литературе.

В 1830-х гг. ситуация изменилась. Стихийная фиксация событий войны сменилась целенаправленной актуализацией военных событий в конкретных формах коммеморативных практик. Процесс этот был связан с празднованием в 1837 г. первого большого 25-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. В. Н. Земцов справедливо отметил по этому поводу, что «эксплуатация властью памяти о 1812–1814 гг. казалась делом чрезвычайно привлекательным. Тем

¹ Земцов В. Н. Память, убивающая прошлое (О праздновании юбилеев Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.) // Запад, Восток и Россия: историческая политика и политика памяти. Екатеринбург, 2014. С. 169.

более, что разразившееся в 1830–1831 гг. польское восстание стало искушать прямыми аллюзиями с событиями 1812 г. В связи с этим, 25-ю годовщину было решено отметить максимально широко»¹.

Необходимость упорядоченного и систематизированного празднования 25-летия победы объяснялось историческими условиями в России 30–40-х гг. XIX в., когда усилились консервативные тенденции в идеологическом духе «православия, самодержавия и народности». В этом отношении актуализация памяти о победе в Отечественной войне 1812 г. над Наполеоном, который стал ассоциироваться с Великой французской революцией, была необходима для укрепления правительственной идеологии. Эта победа стала одним из олицетворений идеалов самодержавной власти, поэтому государственные органы власти контролировали проведение официальных юбилейных мероприятий. В то же время еще были живы многие очевидцы, непосредственные участники и современники событий 1812 г. Именно ими инициировался другой уровень фиксации памяти – общественный, который выразился, прежде всего, в нарративных коммеморативных практиках. Ю. М. Проскурина отметила, что «в 1830-е гг. российская литература откликнулась на очередную годовщину войны, прежде всего поэзией и мемуарной прозой. Предпочтение этим жанрам диктовалось незабытым эмоциональным состоянием русского общества»². Появилось большое количество литературных произведений об Отечественной войне 1812 г.

К 1830-м гг. было опубликовано много мемуаров, авторами которых являлось поколение непосредственных участников и очевидцев событий войны 1812 г.³ Все эти произведения представляют собой типичный пример «живой истории в художественном контексте»⁴. Одним из мемуаристов стал известный в первой четверти XIX в.

¹Земцов В. Н. Память, убивающая прошлое (О праздновании юбилеев Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.). С. 170.

²Проскурина Ю. М. Важнейшие этапы в осмыслении события 1812 г. в русской литературе и литературной критике // Политическая лингвистика. 2012. № 2. С. 257.

³Любленков Н. Рассказ артиллериста о деле Бородинском. СПб., 1837. 78 с.; Шаховской, А. А. Москва и Париж в 1812 и 1814 гг.: Воспоминания, в разностопных стихах. СПб.: Тип. А. Смирдина, 1830. 51 с.; Лажечников И. И. Походные записки русского офицера. М., 2013. 208 с.; Давыдов Д. В. О партизанской войне // Современник. 1836. Т. 3. С. 138–158; Дурова Н.А. Записки Н.А. Дуровой, издаваемые Пушкиным А. С. // Современник. 1836. Т. 2. С. 53–132;

⁴Айзикова И. А. Сочинения об Отечественной войне 1812 г. в личной библиотеке В. А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. 2011. Вып. 4 (16). С. 77–78.

литератор и журналист С. Н. Глинка. Ему принадлежат знаменитые «Записки о войне 1812 года Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения», впервые опубликованные в 1836 г., а также изданные годом позже «Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 до половины 1815 г.». Для С. Н. Глинки, как и для многих его современников, Отечественная война 1812 г. стала центральным событием жизни. «В произведении представлена масса исторически достоверных материалов. Записки отличались личностным взглядом на картину войны»¹. Н. Н. Лупарева отмечает, что были «детально описаны сражения и движения войск, изображены подвиги русских воинов и полководцев, показаны людские судьбы в это непростое время, страдания обеих воюющих сторон»². С. Н. Глинка был ярким представителем консерватизма, в связи с чем его произведения проникнуты «ценностями консервативной идеологии. По мнению критика И. В. Евдокимова «Записки о 1812 году» явились одним из основных источников для написания знаменитого романа Л. Н. Толстого «Война и мир»³. Появление подобных произведений можно считать нарративной формой коммеморативных практик. В целом, под воздействием охранительной идеологии царизма общая тональность произведений поэзии и прозы, изданных к 25-летию войны, приобрела консервативные тенденции, в отличие от собрания стихотворений 1814 г., отличающегося демократичностью в выборе тематики и различным социальным происхождением авторов.

В 1839 г., к юбилею заграничных походов, в свет вышли «Очерки Бородинского сражения. Воспоминания о 1812 году»⁴ в двух частях Ф. Н. Глинки, старшего брата С. Н. Глинки, являвшегося в годы войны адъютантом М. А. Милорадовича. Центральное место в повествовании занимает осмысление Бородинского сражения. Главной фигурой здесь стал М. И. Кутузов, который, по мнению Глинки, является

¹ Айзикова И. А. Сочинения об Отечественной войне 1812 г. в личной библиотеке В. А. Жуковского. С. 71.

² Лупарева Н. Н. Историософия Отечественной войны 1812 Г. в сочинениях С. Н. Глинки // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. 2012. № 6. С. 24–25.

³ [Евдокимов И. В.] Сергей Николаевич Глинка (жизнь и деятельность). Исследование // РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Ед. хр. 121. Л. 5–6.

⁴ Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения. Воспоминания о 1812 году: в 2 ч. М., 1839.

великим полководцем, нравственную силу которого составляла народная поддержка. На «Очерки» Ф. Н. Глинки в 1839 г. появилось несколько рецензий. Большинство рецензентов отнеслось благосклонно к новой книге «автора писем русского офицера». Например, критиками отмечалось, что «автор сам участвовал в Бородинском сражении; он рассказывает, рисует его нам как очевидец, поэт и художник»¹. В журнале «Северная пчела» обращалось пристальное внимание на своеобразие стилистики книги: «Не следует смотреть на очерки как на военную историю, как на сочинение прагматическое и стратегическое, а это просто воспоминания, которые жили в уме воина – писателя о знаменитом событии: о годовщине Бородинской»². «Записки» С. Н. Глинки отражают впечатления штатского человека, вступившего в ряды войск по воле долга и совести, ввиду чего они значительно отличаются от «офицерских записок» его брата. Но в главном взгляды двух братьев сходятся: оба одинаково остро ощутили на себе величие и грандиозность происходивших на их глазах событий. Оба запечатлели наиболее значительные детали, портреты и общественные настроения. Каждое из этих мемуарных произведений – бесценное свидетельство эпохи 1812 г. и «живая» история в воспоминаниях. Таким образом, общественный уровень коммеморации 1830-х гг. активно выражался в нарративной форме посредством публикации мемуарной литературы.

Помимо мемуаристики, нарративные коммеморативные практики выразились в создании профессиональных исторических трудов, посвященных Отечественной войне 1812 г. Авторами первых попыток серьезных работ были в основном представители генералитета времен войны. У военных историков, большинство из которых являлись ее ветеранами, отчетливо прослеживалось стремление к осмыслению опыта 1812 г. с точки зрения официально-монархической направленности. В 1837 г. к празднованию 25-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г.

¹ Отзывы о книге «Очерки Бородинского сражения» (Выписки из журналов) // Русский инвалид. 1839. № 261 / РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

вышла в свет книга военного историка Д. П. Бутурлина «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г.»¹ Автор лично принимал участие в Отечественной войне и заграничных походах. Основными источниками стали официальные документы российского и французского военных штабов. Д. П. Бутурлин трактует события с точки зрения официально-охранительной концепции и выдвигает тезис «о единении всех сословий вокруг трона».

В это время в российской историографии продолжилась работа надписанием официальной истории войны 1812 г. Следующее анализируемое произведение имеет особое значение, так как именно в нем впервые в научной литературе был использован термин «Отечественная война». Важно отметить, что до 1837 г. самого концепта «Отечественная война» еще не существовало, он появился именно в 25-летний юбилей, тем самым актуализировав идею всеобщего единения российского общества. Автора 4-томного труда «Описание Отечественной войны в 1812 г.»², военного историка А. И. Михайловского-Данилевского, в отечественной историографии принято считать создателем первой официальной истории этого события. Первый том вышел в свет в 1839 г. Именно после этой книги войну 1812 г. стали называть Отечественной. Исследование было выполнено по «высочайшему повелению» императора Николая I в честь празднования 25-летнего юбилея и возвращения российских войск из заграничных походов. Этот труд был написан в духе официальной идеологии, и может быть классифицирован как проявление государственной политики использования коммеморативных практик. Труды профессиональных историков являются важными не только как источник по формированию нарративных коммеморативных практик. Они оказали существенное влияние на еще один источник нарративной формы – на создание учебников по истории России, по которым учились следующие поколения российского общества.

В течение XIX в. в России целенаправленно внедрялись учебники официально-охранительного направления. С середины столетия активно пропагандировалась так

¹ Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. СПб., 1837. 415 с.

² Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 г. В 4 т. СПб., 1839.

называемая «теория официальной народности», ставшая идеологией имперской России. В связи с этим изменения произошли, разумеется, в первую очередь в курсе преподавания истории. По этому поводу отечественный исследователь А. Н. Фукс отмечает: «Воспитательная функция истории играет одну из важнейших ролей в реализации одной из главных задач исторической науки и преподавания истории – формировании идейно-политического и нравственного мировоззрения подрастающего поколения. Правящие круги любой страны всегда осознавали идеологическую составляющую школьной истории и соответственно уделяли пристальное внимание содержанию учебников»¹. Наглядным и классическим образцом «официально-охранительного» учебника можно назвать учебник истории Н. А. Устрялова² (1839 г.), который стал своеобразным воплощением и хранителем идей имперской России. Издание было рекомендовано Министерством народного просвещения. Концепция «Самодержавие. Православие. Народность» стала основной смысловой составляющей учебника и основным руководством по преподаванию отечественной истории в учебных заведениях Российской империи.

Общественный уровень коммеморативных практик Отечественной войны 1812 г. характеризуется тем, что наиболее активно он проявляется в канун празднования юбилеев и памятных дат. В этом отношении можно отметить следующие исторические параллели. Например, тема 1812 г. активно затрагивалась А. С. Пушкиным непосредственно в годы празднования памятных дат. В 1831 г., незадолго до 20-летия победы в войне, он написал стихотворение «Перед гробницею святой», посвященное памяти полководца, героя Отечественной войны М. И. Кутузова. В 1835 г. это произведение сыграло заметную роль в оценке исторического значения личности М. И. Кутузова, в котором полководец предстает как «спаситель России», который и после смерти является образцом мудрости и спасения России. Далее А. С. Пушкин пишет стихотворение «Полководец»³ и посвящает его памяти

¹Фукс А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографическое явление // Преподавание истории в школе. 2007. № 7. С. 28.

² Устрялов Н. А. Начертание русской истории для средних учебных заведений. СПб., 1839. 317 с.

³ Пушкин А. С. Полководец // Современник. 1836. Т. 3. С. 192.

еще одного знаменитого полководца войны 1812 г. – М. Б. Барклай-де-Толли. Интересен тот факт, что Пушкин упоминает о Военной галерее Зимнего дворца с изображениями более 300 героев войны 1812 г.: «У русского царя в чертогах есть палата»¹. Пушкин был хорошо знаком с автором галереи – английским художником Доу и часто с ним общался. Здесь можно выявить взаимосвязи процесса рождения образов поэзии и изобразительного искусства, запечатлевших имена и лица героев. Военно-патриотическая тематика в поэзии А. С. Пушкина примечательна тем, что поэт имел уникальную возможность общения с непосредственными участниками войны, а также с их родственниками. Он общался с дочерью М. И. Кутузова Елизаветой Михайловной и его внучкой, дорожившими памятью о великом предке. Из этих встреч поэт многое узнал о полководце и о событиях 1812 г.

В сфере публикаторской деятельности 30–40-х гг. следует отметить особую роль журнала «Современник», главным редактором которого был А. С. Пушкин. По инициативе поэта в издании довольно часто публиковались различные материалы об эпохе 1812 г. Судьба свела А. С. Пушкина с участницей событий Отечественной войны Н. А. Дуровой-Александровой. В 1835–1836 гг. с предисловием А. С. Пушкина были напечатаны «Записки Н. А. Дуровой»², повествующие о героическом подвиге кавалерист-девицы, сражавшейся в уланском полку под именем Александра и ставшей затем ординарцем М. И. Кутузова.

Еще одним знаменитым представителем поколения, чье детство и юность были пронизаны героикой Отечественной войны 1812 г., является М. Ю. Лермонтов. Огромное воздействие на мировоззрение поэта в детстве оказали рассказы участников событий 1812 г., гостей и родственников их семьи. Отец поэта – Юрий Петрович Лермонтов, был офицером, вступившим канун в 1812 г. в ополчение. Юрий Петрович в рассказах часто упоминал имя одного из родственников Лермонтовых – мичмана гвардейского экипажа, которому Барклай-де-Толли приказал взорвать мост на р. Колоча. Со стороны

¹ Пушкин А. С. Полководец. С. 430.

² Дурова Н. А. Записки Н.А. Дуровой, издаваемые Пушкиным А. С. // Современник. 1936. Т. 2. С. 53–132.

бабушки поэта Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, урожденной Столыпина, также было много участников войны. Братья бабушки поэта – Дмитрий Алексеевич и Афанасий Алексеевич Стольпины – проявили себя на войне как храбрые и опытные военачальники. Рассказы его дядюшки и других близких родственников оказали огромное влияние на появление произведений М. Ю. Лермонтова, посвященных войне 1812 г.

Одним из ранних лермонтовских произведений, посвященных этому событию, было стихотворение «Поле Бородина»¹ (1831 г.), в котором поэт писал о героизме российской армии. В стихотворении наряду с поэтическим вымыслом нашли отражение реальные исторические события. Следует отметить, что данное произведение является своего рода «первым черновым наброском» работы над знаменитым «Бородино». В связи с этим можно отметить, что «Поле Бородина» – это предшественник данного шедевра². Военная тема продолжена М. Ю. Лермонтовым в произведении «Два великана». Патриотическая тематика и особое отношение к сдаче Москвы как никогда ярко прозвучали в поэме «Сашка», в которой поэт выразил степень своей любви к этому древнему городу. Особую взаимосвязь со старой столицей Лермонтов ощущал постоянно. Неизгладимое впечатление на поэта произвело лицезрение Москвы в 1819 г., все еще не оправившейся от пожара, но уже начинавшей восстанавливать свой величественный облик. Таким образом, можно сделать вывод, что М. Ю. Лермонтова с событиями 1812 г. связывают личные мотивы.

Особое отношение поэта к древней столице и к ее пожару побудило его создать масштабное произведение «Бородино», начавшееся вопросом, будоражившим все русское общество: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром, Москва, спаленная пожаром, французам отдана?»³ Стихотворение было написано в 1837 г., в честь празднования 25-летней годовщины событий войны. На написание этого произведения поэта вдохновило знакомство с мемуарами Алексея Афанасьевича Столыпина, ветерана Отечественной

¹ Сочинения Лермонтова, приведенные в порядок и дополненные С. С. Дудышкиным: в 2 т. СПб., 1860. Т. 2. С. 102–105.

² Киселева И. А. Роль событий войны 1812 г. в формировании имперских настроений русского общества первой трети XIX в.: к вопросу о патриотизме М. Ю. Лермонтова // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. № . С. 183.

³ Лермонтов М. Ю. Бородино // Современник. 1837. Т. 6. С. 207.

войны, находившегося в родственных отношениях с поэтом. Столыпин в какой-то степени выступает как прототип героя-рассказчика стихотворения, который представлен в произведении безымянным солдатом, мудрым участником военных событий. Сначала поэт дает предысторию сражения: продолжительное отступление русского войска, выбор места предстоящего сражения. Затем он подробно описывает длительность сражения при Бородино и обращает внимание на нравственно-психологическое состояние российской армии после завершения боя. Особое внимание М. Ю. Лермонтов обращает на образ рядового русского солдата, защищающего Отечество, и акцентирует внимание на мужестве всего поколения 1812 г.: «Да, были люди в наше время, могучее, лихое племя!»¹ В канун празднования 25-летнего юбилея тема Бородинского сражения стала одной из самых обсуждаемых и значимых. В этом отношении стихотворение «Бородино» стало неким олицетворением духа своего времени. Оно ярко выразило отношение российского общества к этому грандиозному событию, которое продолжало осмысляться даже спустя четверть века. Таким образом, первый «пик» возросшего интереса к Отечественной войне в литературе относится к 1830-м гг. в связи с первой юбилейной годовщиной войны.

Следует отметить, что 1839 г. так же как 1837 г. воспринимался обществом как юбилейный, т. к. ознаменовал собой 25-летие заграничных походов российской армии. В 1839 г. было опубликовано стихотворение В. А. Жуковского «Бородинская годовщина»². Здесь поэт поименно называет отличившихся героев Отечественной войны: М. И. Кутузова, М. Б. Барклай-де-Толли, П. П. Коновницына, Н. Н. Раевского, М. И. Платова, М. А. Милорадовича, Д. С. Дохтурова, П. А. Строганова, А. П. Торماسова, Д. П. Неверовского, Д. В. Давыдова, П. И. Багратиона. Так, помимо образа самого сражения, формировались образы самых ярких его участников.

В это же время началась активная работа художников по воссозданию ярких страниц Отечественной войны 1812 г. и образов ее героев, что способствовало формированию визуальных форм коммеморативных практик. Так, немецкий художник

¹ Лермонтов М.Ю. Бородино. С. 211.

² Жуковский В.А. Бородинская годовщина / РГАЛИ. Ф. 1346. Оп. 1. Ед. хр. 611. Л. 22–26 об.

Альберт Адам лично принимал участие в военных действиях в составе великой армии Наполеона. Он на протяжении всей кампании подробно фиксировал в рисунках и дневниковых записях ход событий, свидетелем которых он был. Уже после возвращения во Францию, он литографировал большую часть рисунков, которые ему удалось сохранить. В итоге появился целый альбом «Живописная картина военного похода от Вилленберга в Пруссии до Москвы в 1812 г.», публиковавшийся в течение шести лет. Альбом состоял из 100 листов с пояснительными текстами – отрывками из походного журнала самого художника. Целый цикл картин был создан им в канун 25-летия войны. Литография «На поле боя под Москвой 5 сентября 1812 г.» (1830-е гг.) изображает начало боя за Шевардинский редут и первую атаку французской кавалерии. Рисунок «В окрестностях Бородина 6 сентября» (1827–1833 гг.) изображает состояние французов накануне решающего сражения после внезапной атаки казачьих войск. «Битва под Москвой 7 сентября 1812 г.» (1830-е гг.) демонстрирует смерть графа Витгенштейна на фоне продолжающейся битвы. «Французская атака на батарею Раевского и смерть генерала Коленкура 7 сентября 1812» (1850-е гг.) запечатлела эпизод захвата редута французами, в ходе которого погиб генерал Коленкур и др. Альбом А. Адама представляет большой интерес, поскольку всесторонне отражает в визуальных образах самые разные события Отечественной войны 1812 г. в хронологическом порядке. Это «альбом свидетеля войны 1812 г.», отражающий французский взгляд на события 1812 г. и являющийся собой яркий пример визуальной формы коммеморативных практик.

Процесс визуализации войны продолжился в 30–40-х гг. XIX в. в литографиях немецкого художника Х. В. Фабера дю Фора, участника наполеоновских войн, прошедшего всю военную кампанию. Его рисунки, несмотря на ряд неточностей, представляют собой ценный источник о периоде наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 г. Художник изобразил события, свидетелем которых был он сам, что придает рисункам особую ценность. Литографии выполнены практически с фотографической точностью, многие из них были размещены на открытках. Например, литография «На берегу Немана 13(25) июня 1812 г.» изображает второй день переправы французских войск. Здесь видно большое количество солдат, лошадей, орудий и повозок.

Литография «Москва, 24 сентября 1812 г.» отобразила образ опустевшего, разрушенного древнего города. «На поле битвы на реке Москве (Бородино). 17 сентября 1812 г.» отображает момент затишья после захвата батареи Раевского французами. Поле сражения покрыто телами убитых солдат и лошадей. В целом серия охватывает обширный ряд эпизодов войны: «Москва. 12 октября 1812 г.»¹, «У Гжатской заставы. 5 сентября 1812 г.»², «У стен Смоленска. 18 августа 1812»; «Мост через Колочу у деревни Бородино. 17 сентября 1812 г.»; «На главной дороге между Можайском и Москвой. 21 сентября 1812 г.» и др. Серия стала широко известной уже в XIX в. благодаря тому, что была издана в 1831–1844 гг. в Штутгарте как альбом «С Наполеоном в России. 1812: Листы из моего портфеля»³. Эти литографии иностранных художников появились и в России, внося свой вклад в формирование визуальных образов войны в российском обществе. В это время появляются работы отечественных художников, обращающихся не к описанию батальных военных сцен, а прежде всего, к изображению героев из народа, например, работы Е. Р. Рейтерна, Карла Гампельна.

В 30–40-х гг. XIX в. получили дальнейшее развитие монументальные коммеморативные практики, пространственно закреплявшие память о военных событиях. В 1829–1834 гг. в Москве были сооружены Московские Триумфальные ворота (Триумфальная арка) по проекту «главного архитектора Москвы» О. И. Бове в честь победы русского народа в Отечественной войне 1812 г. Первоначально арка была установлена на площади Тверской заставы на месте деревянной арки, сооружённой в 1814 г. для торжественной встречи русских войск, возвращавшихся из Парижа после победы над французскими войсками. Утвержденная Николаем I надпись на арке гласила: «Благословенной памяти Александра I, воздвигшаго из пепла и украсившаго многими памятниками отеческаго попечения первопрестольный град сей, во время нашествия галлов и с ними двадцати языков, лета 1812

¹ Фабер дю Фор Х. В. Москва 12 октября 1812 г. Литография на открытке // РГАЛИ. Ф. 938. Оп. 3. Ед. хр. 79. Л. 2.

² Там же. Л. 1.

³ Бартошук Д., Володин В. Война 1812 г. глазами очевидца. Графика Х.В. фон Фабера-дю Фор [Электронный ресурс]. URL: http://www.artmuseum.by/ru/vyst/proshedshievystavki/arhiv_2012/vojna-1812goda-glazami-ochevidcza-grafika-xv-fon-fabera-dyu-fora (дата обращения 17. 02. 2016).

огню преданный»¹. В 1830–1834 гг. в Санкт-Петербурге в центре Дворцовой площади по проекту архитектора Огюста Монферрана была возведена Александровская колонна (фигура ангела выполнена скульптором Б. И. Орловским). Как и Триумфальная арка Главного штаба, памятник посвящён победам русского оружия в войне с Наполеоном.

В 30-х гг. XIX в., планируя широко отметить 25-летие победы в Отечественной войне 1812 г., Николай I распорядился принять ряд мер, целью которых была разработка комплекса коммеморативных практик по увековечиванию памяти об эпохе 1812 г. Император в первую очередь поставил задачу возведения монументов на местах главнейших сражений. Исследователь С. А. Малышкин отмечает, что император дал особое распоряжение Военному министерству, а также Министерству финансов разработать специальный план сооружения монументов на территории важнейших сражений Отечественной войны 1812 г. В процессе разработки плана было выделено 12 мест для памятников. Архитектором был назначен А. Адамини. «Избранные поля военных действий были разделены на два класса. Бородинское поле стояло в общем списке первого класса среди Тарутинского, Малоярославецкого, Красного и Студенок»². Центральным из них должен был стать Бородинский монумент. Также предполагалось, что при монументах будут состоять инвалиды-участники войны, служившие в лейб-гвардейских полках. После долгих подготовительных мероприятий по выбору места и проекта памятника 9 мая 1837 г. на Бородинском поле состоялась торжественная закладка Бородинского монумента.

1839 год стал знаменательной вехой в формировании ансамбля Бородинского поля. На этот год пришлось празднование 25-летней годовщины окончания заграничных походов российской армии. Летом 1839 г. в окрестностях Бородина и Можайска началась масштабная подготовка к торжественной церемонии. Неподалеку был размещен временный городок для пребывания гостей. В городе был снесен ряд ветхих зданий и отремонтированы дома. В Бородино была создана новая

¹Смирнов А. А. Москва - героям 1812 г. М., 1981. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museum.ru/1812/memorial/Arka/index.html> (дата обращения 05.06.2017).

²Малышкин С. А. Из истории музеефикации Бородинского поля 1839–1911 гг. Главный монумент // Бородинское поле. История, культура, экология. Вып. 2. Бородино, 2000. С. 168.

почтовая станция, а в Можайске был построен временный военный госпиталь на 2000 человек¹. По мнению исследователя А. В. Горбунова, «юбилей 1839 г. стал первым и неповторимым по масштабам опытом военно-исторической реконструкции Бородинского сражения... в 1839 г. была заложена основа для сохранения памяти о погибших, а также увековечения подвига российской армии»². Центральным событием юбилея стало торжественное мероприятие по открытию памятника на Бородинском поле, к проведению которого была организована тщательная подготовительная работа. Был подробно разработан маршрут следования Николая I и его свиты из Санкт-Петербурга в Москву и на Бородинское поле, включавший такие станции, как Ижора, Бронницы, Макарово, Химки и др.³ Вопросам церемониала открытия Бородинского памятника уделялось большое внимание. В целом можно отметить, что фактически праздновалось открытие памятника как такового. К этому времени появившиеся монументальные коммеморативные практики в виде памятников героям войны имели большое значение в формировании мировоззрения общества.

По поводу этой церемонии митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) писал следующее: «Памятник есть книга, которой не нужно искать в книгохранилище, потому что она лежит на пути; и таким образом читается и теми, которые не думали раскрывать ее. Приметив сие, мудрость государственная благоприятствует устройению памятников, дабы они в свою очередь внушили народу любовь к Отечеству, которая внушила мысль устроить их, дабы, возвещая добродетели и подвиги предков, к тем же добродетелям и подвигам поощряли потомков»⁴. Таким образом, зарождавшиеся государственные коммеморативные практик имели ярко выраженный характер активного взаимодействия светской и

¹ Болдина Е.Г. Из истории Бородинских торжеств 1839 г. (по документам Центрального исторического архива Москвы) // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы науч. конф. Бородино, 1997. С. 190–192.

² Горбунов А.В. Бородинское поле как уникальная историческая территория // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы науч. конф. Бородино, 1994. С. 8–9.

³ РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 186. Л. 97–97 об.

⁴ Сочинения Филарета митрополита Московского и Коломенского. М., 1877. Т. 3. С. 130.

православной мемориальной традиции¹. Православное духовенство играло одну из важнейших ролей в юбилейных церемониалах и мероприятиях.

Так, 26 августа 1839 г. в присутствии императора Николая I, перед строем 150-тысячного войска и в присутствии 200 участников Бородинского сражения, на Курганной высоте (Батарее Раевского) был торжественно освящен 27-метровый чугунный монумент. Бородинский монумент должен был стать центральным памятником, это отразилось на его размерах: среди прочих монументов, возведенных по проекту А. Адамини, Бородинский стал самым большим. Мероприятие началось рано утром с Божественной литургии в церкви Смоленской Божьей Матери. Помолившись, Николай I покинул церковь и вскоре в сопровождении свиты направился к памятнику. Войска выстроились с четырех сторон монумента на возвышениях. Отдельное место было предоставлено участникам Бородинской битвы. В 8 час. утра крестный ход двинулся от церкви к Бородинскому монументу. По воспоминаниям очевидца, «когда крестный ход приблизился к памятнику, Николай I скомандовал на молитву и все 120-тысячное войско опустилось на колени»². По ходатайству Д. В. Давыдова у подножия монумента погребли останки полководца князя П. И. Багратиона³. Так была заложена основа для дальнейшего превращения Бородино в центральное «место памяти» о событиях Отечественной войны, ставшее, самой масштабной государственной монументальной коммеморативной практикой XIX в.

Исследователь историко-культурного заповедника «Бородинское поле» А. В. Горбунов подробно проследил этапы превращения бывшего поля сражения в объект культурного наследия. Он отметил, что в честь 25-летия Бородинского сражения 26 августа 1837 г. императором Николаем I был подписан Высочайший Указ, предписывающий Департаменту уделов выкупить у местных помещиков на имя цесаревича Александра центральную часть Бородинского поля.

¹ Горбунов А.В. Бородинские торжества 1839 и 1912 гг. как образцы празднования исторических юбилеев в Российской империи // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2010. С. 153.

² Цит. по: Болдина Е. Г. Из истории Бородинских торжеств 1839 г. (по документам Центрального исторического архива Москвы). С. 191.

³ Просуществовал памятник в изначальном виде немногим более в. В 30-е гг. XX в. его взорвали.

Согласно купчей, датируемой 18 октября 1837 г., Елизавета Федоровна Воейкова за 150 тыс. руб. ассигнациями продала Великому князю Александру Николаевичу имение размером в 744 десятины¹. Напротив Батареи Раевского была построена сторожка для воинов-ветеранов, в которой, согласно Указу императора, должны были ухаживать за памятником и могилой Багратиона, вести Книгу записей посетителей, показывать приезжающим план сражения, находки с поля битвы. Для размещения царственных особ и свиты усадебный дом в селе Бородине был перестроен в двухэтажный деревянный дворец, интерьеры которого были украшены портретами генералов-участников наполеоновских войн, мебелью и предметами быта, привезенными из Санкт-Петербурга. Нашлось там место и для реликвий, связанных со сражением, книг и военных карт. Так родился музей Бородинского поля как яркий пример комплекса монументально-церемониальных коммеморативных практик. Таким образом, центральная часть Бородинского поля и село Бородино стали особо охраняемыми территориями объектов культурно-исторического наследия России, прообразом будущего музея-заповедника, старейшего в мире среди музеев, основанных на полях сражений.

Церемониальные коммеморативные практики стали важной частью торжественной закладки храма Христа Спасителя, состоявшейся 10 сентября 1839 г. на месте Алексеевского монастыря у Пречистенских ворот. Об этом событии вспоминает в своих записках Д. Н. Свербеев: «Через узенькую нашу речку наведен был пристойный, по возможности, плавучий мост с приличными украшениями. Все московское духовенство тянулось через него в своем белом торжественном облачении. . . император шествовал непосредственно за архипастырем, далее шли другие члены императорского дома, придворные, свита и т. д.»² Исторический источник наглядно демонстрирует характерные особенности складывания церемониальной формы коммеморативных практик: строгое соответствие регламентирован-

¹ Горбунов А.В. Бородинское поле как объект культурного наследия, 1839–1999 гг. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы науч. конф. Можайск, 2000. С. 6.

² Свербеев Д. Н. Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799–1826): 2 т. М., 1899. Т. 1. С. 208–209.

ного плана мероприятия, особая роль церкви, выраженная в активном привлечении священнослужителей, и самая важная часть церемонии – участие в ней российского императора как олицетворения всего государства.

Процесс формирования коммеморативных практик осуществлялся на государственном уровне не только посредством участия императорской семьи в церемониях различного рода, но и посредством государственного финансирования возведения целой серии монументальных сооружений. Так, с 40-х гг. XIX в. начали возводиться монументы, посвященные памяти сражений Отечественной войны 1812 г. по проекту знаменитого итальянского архитектора Антонио Адамини. Еще 24 января 1836 г. министр Е. Ф. Канкрин представил императору записку со списком мест для установки: Бородино (Московская губерния), Смоленск, Полоцк (Белоруссия), Ковно (нынешний Каунас в Литве), Малоярославец (Калужская губерния), с. Красное (Смоленская губерния)¹. Все эти места ожесточенных сражений войны 1812 г. были утверждены высочайшим повелением для установки памятников героям.

5 ноября 1841 г., в день освобождения Смоленска от французских войск, был открыт и освящен Смоленский памятник, имеющий официальное название «Памятник героическим защитникам Смоленска 4–5 августа 1812 г.». Чугунный монумент по высокому повелению был установлен на плац-парадном месте, близ Королевской крепости. Он был создан в Византийском стиле. На памятнике отмечены основные вехи сражения 4–5 августа в Смоленске и представлена его карта. Пушки по сторонам памятника были установлены значительно позже, в 1856 г. Это были остатки наполеоновского вооружения, которое было зарыто в Смоленске французами при поспешном отступлении. Участник торжественного акта открытия памятника Павел Елисеевич Никитин отметил: «Это был великолепный памятник во свидетельство грядущим векам о стяженной победоносным Русским войском славе в незабвенный 1812 год и в память храбрых сынов, положивших в стенах Смоленска свой живот»². П. Е. Никитин также оставил описание торжественного мероприятия

¹ Малышкин С.А. Из истории музеефикации Бородинского поля 1839–1911 гг. Главный монумент. С. 168.

² Никитин П.Е. История города Смоленска. М., 1848. С. 300–301.

по случаю открытия смоленского памятника, начавшегося в 8 утра со звона колоколов при Кафедральном соборе. Основные торжества были запланированы у Днепровских ворот, куда прибыл Епископ Смоленский Тимофей, во главе с духовенством, а также рота Алексапольского егерского со знаменем и музыкантами. Почетным гостем церемонии стал отставной генерал-майор А. И. Шембель как ветеран войны 1812 г., служивший ординарцем М. И. Кутузова, а также отставные ветераны войны из нижних чинов, проживавшие в Смоленске. «Торжество началось с литургии, по окончании которой началось шествие. Процессия шла по улицам города к месту открытия памятника. Затем Епископ Смоленский окропил смоленский памятник святой водой и произнес торжественную речь. Войска прошли мимо монумента церемониальным маршем, а затем разошлись. На этом закончилась официальная часть мероприятия. Во второй половине дня военным губернатором был дан большой обед для особо почетных участников из генералитета и гражданских чинов. Все войска, участники праздничного парада, а также ветераны Отечественной войны были угощены заблаговременно»¹. Открытие смоленского памятника является показательным примером церемониальной коммеморативной практики, инициированной властвующими структурами в целях актуализации событий 1812 г.

В 1844 г. был создан монумент славы в Малоярославце. Это была высокая (22 метра) пирамида, являющаяся восьмигранной конструкцией. На ней был установлен золоченый шестигранный крест. Саму пирамиду украшали рельефные мечи, отлитые из меди, лавровые венки – неперенные символы воинской славы. Между колоннами были укреплены медные розетки с изображением Всевидящего ока в лучах и с надписью: «1812 год», обрамленные лавровыми венками². В том же году такой памятник появился в литовском Ковно (ныне Каунас). Стоял он на Ратушной площади, и до 1935 г. его образ был запечатлен на гербе города. В 1915 г., во время Первой мировой войны, он был вывезен в Германию на переплавку. 21 мая 1847 г.,

¹ Никитин П. Е. История города Смоленска. С. LXII.

² Монумент славы. [Электронный ресурс]. URL: <http://maloyaroslavets.etowns.ru/about/history/monument-slavy.html> (дата обращения 03.06.2019).

в 35-летнюю годовщину ожесточенных боев с французами, в с. Красном, близ реки Лосьминка, на месте боев 1812 г. был установлен чугунный памятник. На задней стороне монумента имеется надпись: «Взято в плен неприятеля 26000 человек, отбито 116 орудий». Через дорогу от памятника был построен специальный кирпичный домик. Первыми здесь поселились и несли службу ветераны войны 1812 г. – участники этих боев¹. Так было положено начало созданию «мест памяти» Отечественной войны 1812 г. Инициатором их создания выступало государство, в связи с чем этот процесс можно охарактеризовать как государственную коммеморативную практику, своего рода государственный заказ, целью которого была актуализация памяти об Отечественной войне 1812 г.²

Наряду с реализацией монументальных коммеморативных практик продолжилась работа по созданию визуальных форм. В 1839 г. по приглашению императора Николая I немецкий художник П. Гесс посетил Россию, получил заказ написать для Зимнего дворца цикл картин о важнейших сражениях 1812 г. Вместе со знатоком униформы генералом Л. И. Килем П. Гессе совершил поездку по местам сражений 1812 г., сделал множество зарисовок, которые ныне хранятся в Мюнхене. Он был свидетелем юбилейных торжеств 1839 г. на Бородинском поле, во время празднования 27-летия войны. Итогом работы Гесса стал цикл батальных картин, написанных в 1840-х гг.: «Переправа через Березину 16 ноября», цикл «Сражения 1812 г.», «Сражение при Клястицах 19-го июля», «Сражение под Красным 2-го августа», «Сражение под Смоленском 5-го августа», «Сражение при Валутиной горе, 7-го августа», Сражение при Бородине, 26-го августа, Сражение при Тарутине, 6-го октября, Сражение при Лосьмине 6-го ноября³.

¹ В честь событий 1812 г. Памятник Героям краснинских боев в 1812 г. в Красном. [Электронный ресурс]. URL: http://naslediesmolensk.ru/pkns/index.php?Itemid=144&id=1583&option=com_content&task=view (дата обращения: 97.06.2019).

² Проекты памятников были осуществлены, но до наших дней сохранились лишь два: в Смоленске и в Полоцке.

³ Гесс П. Цикл полотен «сражения 1812 г.». [Электронный ресурс]. URL: <http://museum.ru/1812/Painting/gess/index.html> (дата обращения: 26.02.2017).

Таким образом, в 1830–1840 гг. инициаторами реализации коммеморативных практик выступало как общество, так и государство. В связи с этим в процессе увековечивания памяти об Отечественной войне 1812 г. можно выделить государственный и общественный уровни. Государственный уровень выразился в организации церемониальных масштабных мероприятий, в подготовке и финансировании празднования юбилеев войны в 1817, 1837 и 1839 гг., заказе на создание произведений живописи о войне, установке первых памятников, монументов, создании «мест памяти». При этом государственные властные структуры имели конкретную идеологическую цель – монополизацию памяти об Отечественной войне 1812 г. как о победе существующего режима в духе уваровской концепции «Православие. Самодержавие. Народность». В то же время присутствовал своеобразный «общественный заказ» на увековечивание событий 1812 г. Оба уровня, как государственный, так и общественный, так или иначе параллельно взаимодействовали друг с другом, оказывая влияние на процесс формирования исторической памяти о войне в российском общественном сознании. В рассматриваемый период получили развитие все основные формы коммеморативных практик: нарративная, визуальная, монументальная и церемониальная. Российское общество испытывало потребность в осмыслении событий военного времени при помощи поэзии, мемуарной литературы, живописи и устного народного творчества. Важно отметить, что коммеморативные практики 30–40-х гг. XIX в. приобрели не только общероссийское, но и региональное значение. Помимо торжественных церемоний и юбилейных мероприятий в Москве и Санкт-Петербурге, состоялись отдельные акты ритуализации памяти об Отечественной войне 1812 г. в губерниях и уездах. Это выразилось в установке памятников и проведении торжественных церемониальных актов на полях сражений и городах, на территории которых велись военные действия (Смоленск, Малоярославец, Ковно и т. д.).

В 50–60-х гг. XIX столетия начался новый этап в складывании коммеморативных практик. В 1850-х гг. коммеморативные практики на общественном уровне развивались, прежде всего, в период, когда получило развитие революционно-де-

мократическое движение, отстаивавшее интересы широких слоев населения, в особенности крестьянства. Основной политической силой этого движения стали не дворяне, а разночинцы – люди разных чинов и сословий. Яркими представителями этого движения стали В. Г. Белинский и А. И. Герцен, которые стали трактовать войну 1812 г. не как дворянскую, а как народную войну российского народа с французами. Так, в российской историографии впервые появился тезис о народном характере Отечественной войны 1812 г.

В. Г. Белинский отмечал, что «русскому народу был указан высокий жребий...Тризна Бородинская была во всем значении слова народным торжеством. Такие воспоминания великого события заставляют быстрее и огненнее обращаться кровь в жилах народа, заставляют сильнее биться народное сердце. Они роднят теснее народ с его историей и образуют в нем национальное самосознание»¹. Критик не только обращает внимание на народный характер войны, но и отмечает влияние исторической памяти об Отечественной войне 1812 г. на российское национальное самосознание. А. И. Герцен, исследуя развитие революционных идей в России, отмечал, что вторжение в Российской империи было главной ошибкой Наполеона, так как он поднял против себя весь народ, который решительно схватился за оружие. Публицист отмечал, что «до 1812 г. сомневались в силе народа и питали несокрушимую веру во всемогущество правительства... Дворяне и купцы протянули руку помощи правительству и выручили его из затруднения. А народ, не дожидаясь призыва, поднимался всей массой за свое собственное дело»². Тем самым подчеркивался народный характер войны. А. И. Герцен внес значительный вклад в развитие нарративных коммеморативных практик Отечественной войны 1812 г., включив в свое произведение «Былое и думы» воспоминания о пожаре Москвы 1812 г., а также оценочные суждения о наиболее известных участниках тех событий. Автором была сделана попытка оценить влияние эпохи 1812 г. на современное ему российское общество³.

¹ Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. / В. Г. Белинский. М., 1953–1959. Т. 13. С. 35.

² Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. Т. 7. М., 1956. С. 198.

³ Герцен А. И. Былое и думы. Ч. 1–5. М., 2001. 912 с.

На 1862 г. пришелся 50-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. Однако к этому времени общественно-политическая обстановка пореформенной России не располагала к проведению больших масштабных торжеств. На фоне двух грандиозных событий – отмены крепостного права в 1861 г. и празднования тысячелетия России в 1862 г – 50-летний юбилей войны прошел относительно незаметно. Анализ материалов периодической печати за 1862 г. подтверждает это¹. Большая часть публикаций затрагивает насущные для своей эпохи проблемы, связанные с крестьянским вопросом. В то же время общественность интересовалась юбилейной тематикой, посвященной 1000-летней годовщине российской государственности. Причем государством в проведении этого юбилея использовались уже апробированные к тому времени церемониальные коммеморативные практики.

В периодической печати публиковались свидетельства очевидцев торжественных мероприятий, повествующие о прибытии императора Александра II в Москву, где 21 августа 1862 г. он принял участие в открытии парада на Ходынском поле. Журнал «Отечественные записки» опубликовал следующую заметку по этому поводу: «Московским купечеством был дан торжественный обед войску, а вечером был организован фейерверк. За обедом государь пил за здоровье солдат. После обеда офицеры почти на руках внесли государя в экипаж, а драгунские офицеры сопровождали его до петровского дворца. В Петербурге, 8 сентября, в день празднования тысячелетия России, по высочайшему повелению был устроен для народа праздник с музыкой, песенниками и эквилибристами, а вечером – иллюминации. Расходы на этот праздник повелено отнести на счет городской казны»².

Праздничные юбилейные церемонии проводились также и на региональном уровне. Так, 11 сентября в «Отечественных записках» была опубликована депеша из Новгорода от 8 сентября, где происходило торжественное открытие памятника «Тысячелетие России»: «Стечение народа было огромное. После парада войскам

¹ Казанские губернские ведомости. 1862. № 30; Казанские губернские ведомости. 1862. № 35; День. 1862. № 25.

² Пановский А. О праздновании тысячелетия России // Отечественные записки. 1862. № 9. С. 36–37.

дан был обед от купечества. Повсюду их величества были приветствованы с восторгом»¹. «Казанские губернские ведомости» сообщали об активной деятельности Конторы металлических медалей, чеканившей особые юбилейные медали в память тысячелетия России и освобождения крестьян². В целом анализ периодики пореформенных лет демонстрирует в основном повышенный интерес к крестьянскому вопросу, что неудивительно, поскольку отмена крепостного права 1861 г. стала одним из центральных и поворотных событий в Российской истории.

Таким образом, на государственном уровне 50-летие Отечественной войны 1812 г. не отмечено значимыми церемониалами. Все внимание правящих кругов было направлено на юбилей тысячелетия российской государственности. Тем не менее юбилей 1862 гг. способствовал публикации нового комплекса мемуарной и военной литературы, в которой прослеживается процесс осмысления событий войны. 50-летний юбилей 1862 г. актуализировал интерес русского общества к событиям начала XIX в., выразившийся, в первую очередь, в нарративных коммеморативных практиках.

В 1859 г. вышло в свет крупное историческое исследование военного историка М. И. Богдановича «История Отечественной войны 1812 г.»³ Его труд стал новой «официальной историей» событий 1812 г. Возможно, именно полувековой юбилей войны побудил историка к исследованию военной истории 1812 г. Этому могла способствовать также и государственная политика России, целью которой было закрепление в общественном сознании официальной истории Отечественной войны 1812 г. М. И. Богданович первым предпринял попытку осветить военно-экономическую подготовку России к войне, при этом его труд отличается более критическим подходом к исследуемым событиям. В своей работе автор использовал как отечественные, так и зарубежные источники. Это третий масштабный отечественный исторический труд о войне 1812 г., которую уже все называли Отечественной. М. И. Богданович подчеркивает

² Казанские губернские ведомости. 1862. № 35. С. 344–345.

³ Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. СПб., 1859. 588 с.

важную роль его предшественников – Д. П. Бутурлина и А. И. Михайловского-Данилевского – в исследовании данной проблемы, но также отмечает, что этим авторам на момент написания их трудов были доступны далеко не все исторические документы. Кроме того, Богдановичем была предпринята попытка создать историю войны, основанную на критическом анализе событий и поиске причинно-следственных связей между ними. Труд Богдановича является примером официально-охранительной историографии того времени. Работа, несомненно, обладала исследовательской новизной, потому что историк под иным углом зрения подошел к объяснению многих концептуальных положений и особенно к анализу военных действий. После монографии М.И. Богдановича, вплоть до начала XX в., крупных исследований не появлялось. Однако история войны оставалась в фокусе внимания публицистов, писателей и т.д.

Особого внимания заслуживает публицистическая деятельность Н. С. Лескова, посвященная проблеме Отечественной войны 1812 г.¹ В статье «Пятьдесят лет назад» автор обращает особое внимание на русский народ, «долгое время оставшийся в тени, не признаваемый властями и официальной литературой творцом истории, будущего России и Европы»². Н. С. Лесков отмечает по этому поводу: «Пятьдесят лет прошло от «вечной памяти двенадцатого г.», многое разъяснилось и растолковалось»³. Автор говорит об изменениях, произошедших в российском обществе спустя пол века, когда на волне «крестьянского вопроса» изменились взгляды на основные движущие силы в Отечественной войне 1812 г.

Новый идеологический этап в осмыслении российским обществом Отечественной войны 1812 г. связан с появлением романа–эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир», первая публикация которого состоялась в 1865 г. Творческое наследие Л. Н. Толстого

¹ Лесков Н. С. «Пятьдесят лет назад» (1862), «Русское общество в Париже» (1863), «Популярные русские люди»: «Граф Михаил Андреевич Милорадович» (1869) и «Алексей Петрович Ермолов» (1869), «Герои Отечественной войны по гр. Л. Н. Толстому «Война и мир» (1869)» / Н. С. Лесков. Полное собрание сочинений: в 30 т. М., 1998.

² Баранова Н. С. Отечественная война 1812 г. и публицистика Н. С. Лескова // Вестник Чувашского университета. 2011. № 2. С. 347–348.

³ Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М., 1997. С. 345.

сыграло огромное значение в складывании коммеморативных практик на общественном уровне, т. к. на наш взгляд, основные исторические образы 1812 г. в обществе складывались именно под воздействием данного романа. Это произведение буквально потрясло российское общество. Такого романа никто не ожидал – последний большой юбилей Отечественной войны прошел в 1862 г., вся страна была занята Великими реформами, а также осмыслением их исторического значения¹.

В процессе работы над романом Л. Н. Толстой подробно изучил исторические источники в целях наиболее объективного освещения исторических событий. Им были тщательно проанализированы подлинные документы: распоряжения, приказы, диспозиции, письма, планы сражений и т. д. Более того, одним из самых интересных пластов источников при написании романа стали многочисленные произведения мемуарного характера, появившейся в период с 1812 по 1830-е гг. XIX в. Это «Записки о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения», являющиеся одним из основных источников при работе над романом, мемуары Н. Любленкова «Рассказ артиллериста о деле Бородинском». В «Сочинениях Дениса Васильевича Давыдова» Л. Н. Толстой обнаружил подробности о борьбе партизан, которые легли в основу описаний партизанских сцен в романе; в «Записках Алексея Петровича Ермолова» писатель нашел важные свидетельства о русских войсках в период их заграничных походов 1805–1806 гг. Ценную информацию писатель обнаружил в записях В. А. Перовского, повествующих о пребывании в плену у французов. Используя эти воспоминания, писатель создал панорамную картину жизни российского общества того времени. Писатель также неоднократно обращался к историческому труду А. И. Михайловского-Данилевского «Описание Отечественной войны в 1812 г.».

Л. Н. Толстой лично посетил Бородинское поле. В статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» он писал: «Везде, где в моем романе говорят и дей-

¹Катков М., Камаева Ю. «Война и мир» Л.Н. Толстого // Война 1812 г.: хроника. Спецпроект православного журнала «Нескучный сад». [Электронный ресурс]. URL:<http://1812.nsad.ru/199>. (дата обращения: 25.09.2017).

ствуют исторические лица, я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека книг...»¹. Так Лев Николаевич ответил на вопросы критиков в журнале «Русский архив» в 1868 г. Современный исследователь О. Ю. Пищулина, анализируя социально-психологические характеристики героев романа отмечает, что «Колорит военных событий 1812 г. Толстой также мастерски передаёт, используя язык официальных документов, деловой стиль канцелярских бумаг, архаический эпистолярный стиль, военную лексику»².

Семь лет Л. Н. Толстой провел в работе над книгой. Без преувеличения можно сказать, что роман «Война и мир» впитал в себя все лучшие литературные традиции военно-патриотической темы Отечественной войны первой половины XIX в., представив наиболее яркие образы той эпохи. Более того, именно художественные образы, созданные великим писателем, стали основой складывания исторических образов и исторической памяти о войне 1812 г. «Половина действующих лиц романа списана с реальных деятелей того времени, изменены лишь их имена и взаимные отношения, а рядом проходит целая галерея невымышленных, исторически-верных портретов полководцев, генералов, государственных людей»³ – отмечали литературоведы в 1912 г. К моменту создания романа в произведениях мемуарной литературы, прозе и поэзии были сформированы основные тематические блоки в освещении войны. Это, прежде всего, темы Бородинского сражения, сожжения Москвы и формирования образов, наиболее транслируемых в памяти российского общества исторических деятелей – М.И. Кутузова, императора Александра I, Наполеона, героя партизанской войны – Д. В. Давыдова и др. В своем романе Л. Н. Толстой больше всего внимания, с точки зрения характеристики, уделил личности М. И. Кутузова. Из всех исторических деятелей именно этого полководца писатель выдвигает на первое место как по-настоящему народного героя.

¹ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. М., 1982. Т. 8. С. 262–263.

²Пищулина О. Ю. Способы создания социально-психологической характеристики героев (на примере романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир») // Филологос. 2009. № 1–2 (5). С. 110.

³ События 1812 г. в художественных образах и картинах по роману «Война и мир» гр. Л. Н. Толстого / сост. И. В. К. СПб., 1912. С. 4.

Можно отметить, что Л. Н. Толстой описывает уже устоявшийся к тому времени в исторических произведениях образ М. И. Кутузова. Однако идеализация полководца коснулась прежде всего его личностных качеств, но не описания внешности. Тем не менее писатель внес черты художественного вымысла в портретную его характеристику. А. В. Гулин отмечает, что писатель отбрасывал от прототипа лишние, на его взгляд, черты, не соответствующие логике разработанного образа. При этом оставшиеся действительные черты дополнялись вымышленными. По этой причине образ полководца, созданный в романе, является результатом аналитической и художественной работы¹. Л. Н. Толстой идет на осознанную мифологизацию М. И. Кутузова. Таким образом, в российском обществе к 60-м гг. XIX в., под воздействием многочисленных произведений художественной литературы, сформировался образ седовласого, мудрого полководца М. И. Кутузова, который к началу XX в. трансформировался в один из ключевых образов победы в Отечественной войне 1812 г.

На волне обсуждения «крестьянского вопроса» Л. Н. Толстой в своем романе значительное внимание уделил роли народа и простого солдата в победе над французами. Он отвергал точки зрения дворянских историков первой половины XIX столетия о том, что это была война двух императоров. На страницах романа тема народа предстает в образах самобытных персонажей, например, таких как Платон Каратаев. Ярко отражена народная тема в эпизодах, освещающих партизанское движение: в образе Москвы, захваченной французами, и тех, кто остался в городе. Вклад российского народа в дело общей победы весьма емко отметил генерал Н. Н. Раевский известной фразой: «Мужики более чем войска, победили французов»². Л. Н. Толстой одним из первых в русской и мировой литературе описал сцены народной партизанской войны и ее важнейшее значение в войне 1812 г. В действиях партизанских отрядов 1812 г. писатель увидел ту высшую форму единения народа и армии, которая коренным образом изменила самое представление о войне³.

¹ Гулин А. В. Исторические источники в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». М., 1992. С. 7.

² Раевский Н. Н. К чести России. Из частной переписки 1812 г. / сост. М. А. Бойцов. М., 1988. С. 158.

³ Ломунов К. Н. Народная героическая эпопея («Война и мир» Л. Н. Толстого). [Электронный ресурс]. URL:// <http://gramma.ru/BIB/?id=3.91> (дата обращения: 17. 08. 2018)

Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в некотором роде является итогом осмысления событий 1812 г. в течение всего XIX в. Данную гипотезу подтверждает то, что в романе отражены многочисленные факты и характеристики, основанные на исторических источниках и произведениях мемуарной литературы. Однако реальное перемешано здесь с художественным вымыслом настолько тесно, что многие исторические факты отошли на второй план и прочно вошли в несколько измененном виде в историческую память российского народа.

Пореформенная эпоха, отличающаяся распространением либеральных взглядов, оказала определенное воздействие на все сферы жизни российского общества. Эту тенденцию можно проследить и в содержании учебных пособий по истории России того времени. Было подготовлено много различных учебников. В них, как и в обществе, были консервативные и либеральные элементы, конкурировавшие между собой. Время от времени какая-либо линия одерживала победу. «Соответственно, и для школьной исторической литературы можно выделить консервативное и либеральное направления»¹. Во второй половине XIX в. большую популярность приобрел учебник Дмитрия Иловайского «Краткие очерки русской истории». Впервые это учебное пособие вышло в 1860 г. и за последующие 55 лет переиздавалось 44 раза. Необходимо отметить, что Иловайского традиционно в отечественной историографии считают историком дворянско-охранительного направления. Популярность учебника и концепция автора подтверждает, что, несмотря на либеральный дух правления Александра II, главный курс императорской России – это несомненная поддержка и охранение существующего монархического режима. «Учебник переиздавался десятки раз, переживая войны и правителей, и удерживал популярность вплоть до столетнего юбилея Отечественной войны... Мир стремительно менялся, но текст оставался неизменным, гарантируя стабильность и порядок»².

¹ Багдасарян В. Э. Школьный учебник истории и государственная политика. М., 2009. С. 201.

² Потапова Н. Дидактика конфликта: Война 1812 г. в школьных учебниках истории // Новое литературное обозрение. № 118 (6/2012). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2893> (дата обращения: 15. 03. 2015)

Ряд историков либерального направления склонны были считать, что огромная популярность учебников Д. И. Иловайского была связана с их консервативным духом. На современном этапе многие ученые оспаривают данную точку зрения, объясняя успех его учебной литературы тем, что «на определенном этапе общественного развития его консервативная и патриотическая интерпретация русской истории наиболее соответствовала общественным ожиданиям и запросам»¹. Более того, Д. И. Иловайский по ряду вопросов имел и свой оригинальный взгляд. Таким образом, 60-е гг. XIX столетия ознаменовались масштабным переосмыслением роли и сущности народа. На волне исторического значения отмены крепостного права, на фоне великих реформ победа в войне 1812 г. стала оцениваться не только с точки зрения действий двух императоров и полководцев, но и с точки зрения огромного вклада в эту победу российского народа.

Анализируемый этап хронологически охватывает 70-е гг. XIX в. Однако в ходе исследовательской работы информации о реализации коммеморативных практик в данный период не было обнаружено. Вероятно, это связано с тем, что в 1870-х гг. важные исторические события, такие как отмена крепостного права и празднование тысячелетия российской государственности, вытеснили память об Отечественной войне 1812 г. из повестки актуальных проблем

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что к 1830–1860-м гг. XIX в. практика празднования круглых дат и юбилеев Отечественной войны 1812 г. приобрела завершенные формы и стала своего рода традицией. Важно обратить особо пристальное внимание на то, что юбилеи инициировали появление самых разнообразных коммеморативных практик: от нарративных, выразившихся в публикации произведений мемуаристики и поэзии, визуальных, отразившихся в произведениях живописи, до особых – монументальных и церемониальных форм коммемораций. В этот период применение коммеморативных практик становится основным механизмом сохранения исторической памяти о событиях 1812 г. При этом факты прове-

¹Фукс А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографическое явление // Преподавание истории в школе. 2007. №7. С. 204.

дения официальных церемоний применялись от случая к случаю, при праздновании отдельных событий. Таким образом, роль церемониальных коммеморативных практик существенно возросла к концу XIX в. и в полной мере получила всероссийский масштаб в последующий период – в начале XX в.

Анализируя общую структуру коммеморативных практик на первом этапе их формирования (1812 г. – 1870-е гг.) следует отметить, что они инициировались как обществом, так и государством, и имели при этом общероссийский масштаб. Региональный и локальный уровень в данный период еще не получили широкого распространения. Что касается формы выражения, обращаем внимание на то, что с 1812 г. по 1860-е гг. получили распространение все основные формы коммеморативных практик. Нарративная форма коммеморации выразилась в произведениях литературы, поэзии, историографии и учебной литературе. При этом следует учесть, что значительное влияние на трактовку военных событий оказали исследования историков, а также учебники Российской империи. Учебные издания в основном относились к официально-охранительному направлению, в котором внедрялись идеи идеологии имперской России. В то же время в период «великих реформ» Александра I издавались пособия либерального направления. Соответственно, учебники можно подразделить на два основных типа – консервативные и либеральные. Визуальные формы коммеморации нашли свое отражение в произведениях живописи, сатирических карикатурах, коллекционных тематических альбомах. Монументальные коммеморативные практики, выразились в архитектурных сооружениях, памятниках и скульптурах. Важная роль придавалась церемониальной форме коммеморации, которая подразумевала проведение торжественных памятных церемоний в период празднования исторических юбилеев.

ГЛАВА 2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В ПРОЦЕССЕ УВЕКОВЕЧИВАНИЯ ПАМЯТИ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г. (1880-е гг. – 1912 г.)

С конца XIX в. в России начали формироваться негативные тенденции, связанные с обострением социально-экономических противоречий, что особо ярко проявилось к началу XX в. Тяжелое поражение в Русско-японской войне, революционные потрясения 1905–1907 гг. привели к острому кризису в стране, обострению социально-экономических противоречий. В этой ситуации царскому правительству было необходимо сгладить «острые углы», сплотить общество, несмотря на социальные противоречия и рост оппозиционных настроений. В период социальных потрясений общество нуждалось в общих для всей страны нравственных ориентирах. Ими могли стать героические страницы истории, способствующие консолидации всего народа на фоне негативных внешних факторов. Появилась потребность обратиться к образам великого прошлого Российской империи.

В начале XX в. в Российской империи было достаточно много поводов для обращения к славным страницам истории государства. В статье, опубликованной 29 апреля (12 мая) 1912 г. в еженедельной монархической газете «Патриот», указывалось: «Вообще у нас все национальные праздники, исторические дни, годовщины великих событий выделяются из будней только для небольшой сравнительно части населения. Между тем, народ настоятельно нуждается в оживлении интереса к своему прошлому, и юбилейный год дает прекрасную возможность для того, чтобы хоть на одно мгновение воскресить в памяти серых миллионов героической, национальный подвиг, объединивший Русскую землю от дворца до бедной избы»¹.

27 июня 1909 г. в России отмечали 200-летие победы в Полтавской битве. Современниками это событие воспринималось практически как празднование 200-

¹Цит. по: Бочков Е. Н. Придать юбилею отечественной войны значение всенародного торжества»: деятельность высших и центральных органов власти и управления российской империи по организации праздничных мероприятий, посвященных 100-летию Отечественной войны 1812 г. // Новейшая история России. 2012. № 3 (5). С. 7.

летия боевой славы и российского самодержавия. В рамках программы велась подготовка юбилейной брошюры, посвященной 200-летию Полтавской битвы, Российским военно-историческим обществом был опубликован сборник новых документов и исследований, относящихся к периоду Северной войны. На полях Полтавского сражения было установлено 11 обелисков, проводились торжественные службы и молебны, шла работа по благоустройству ландшафта, на месте которого находилось Полтавское поле¹. В дни юбилея, 26 и 27 июня 1909 г., император Николай II принимал активное участие в праздничных памятных церемониях и мероприятиях. Празднование юбилея Полтавской битвы послужило неким ориентиром для грядущего празднования юбилея Отечественной войны 1812 г., так как идеологический посыл двух юбилеев был схожим – обе даты символизировали героические страницы истории Российской империи и использовались в целях укрепления авторитета императорской власти.

Стоит заметить, что в праздновании 200-летия Полтавской битвы также применялись основные формы коммеморативных практик. Однако они в данном случае не получили столь широкого распространения, по сравнению с последовавшим в 1912 г. 100-летним юбилеем Отечественной войны 1812 г. Возможно, это связано с тем, что память о событиях 1812 г. была на тот момент достаточно свежей, по сравнению с событиями 200-летней давности. Все еще живы были ветераны и очевидцы военного времени, которые являлись живым олицетворением масштаба победы над Наполеоном.

¹ Павленко В. В. Торжества в России, посвященные 200-летию Полтавской битвы // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 6 (86). С. 229–231.

§ 2.1. Российское общество как субъект реализации коммеморативных практик Отечественной войны 1812 г. (1880-е гг. – 1912 г.)

В конце XIX в. в России продолжилась общественная деятельность по созданию коммеморативных практик с целью увековечивания памяти об Отечественной войне 1812 г. Важно отметить, что в данный хронологический период как общественные, так и государственные инициативы были тесно взаимосвязаны, предполагали совместное участие общественности и государственной власти. В этом отношении продолжились традиции XIX в., когда оба уровня также развивались, взаимно дополняя друг друга. В отличие от скромного празднования 50-летней годовщины, к 75-летнему юбилею подготовка началась задолго до памятной даты.

Большое внимание уделялось монументальным коммеморативным практикам. В 1883 г., после многолетнего строительства, был, наконец, освящен храм Христа Спасителя в Москве. Церковное сооружение является коллективным кенотафом воинам российской армии, погибшим в войне с Наполеоном. На стенах были начертаны имена офицеров, павших в Отечественной войне 1812 г., а также в заграничных походах. Церемония освящения ознаменовала собой завершение многолетней работы, ведь сама идея строительства появилась еще в 1812 г. По войскам, расположенным в Москве и ее окрестностям, был издан приказ № 19¹, регламентировавший порядок проведения парада в честь освящения храма, запланированного на 26 мая 1883 г. Согласно «Приказу по войскам в Москве и ее окрестностям» от 20 мая 1883 г., все части, назначенные для участия в параде, должны были иметь при себе все знамена и штандарты. Войска были выстроены в порядке, определенном заранее, и прибыли к назначенным им местам к девяти утра. В церемонии освящения храма принимали участие члены императорской семьи, при приближении которых войска отдавали честь по команде их начальников. Священнослужители шли следом. Процессия в составе представителей импера-

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2122. Л. 84–87.

торской семьи направилась к храму и расположилась по наружной стороне круговой деревянной эстрады, приготовленной для крестного хода вокруг собора. Архивные данные свидетельствуют о том, что «в процессе всего крестного хода вокруг храма, артиллерия производила учащенную пальбу, а при возглашении многолетия их императорским высочествам салютовала 101-им выстрелом»¹. Весьма показательно, что в торжественном освящении приняли участие ветераны Отечественной войны 1812 г.² Можно отметить, что мероприятие было организовано по уже сложившейся на тот момент традиции применения церемониальных коммеморативных практик.

В конце XIX в. визуальные формы коммемораций нашли свое отражение в полотнах живописцев. Новым стало то, что внимание художников было обращено также и на «закулисье» боевых сражений. Примером может служить картина Алексея Кившенко. «Военный совет в Филях в 1812 г.» (1882 г.). Художественные образы военных событий получили дальнейшее выражение в издании альбома «Иллюстрированная Отечественная война 1812 г.»³ Это издание, появившееся в 1887 г. с «Высочайшего соизволения Его Императорского Величества», было приурочено к 75-летию событий Отечественной войны 1812 г. Оно представляет собой иллюстрированный рассказ о нашествии наполеоновских войск в Россию – от начала войны до битвы при Березине, после которой отступление французской армии превратилось в бегство. В основе альбома – 12 фотогравюр с картин П. Гесса, которые хранились в императорском Зимнем дворце. Альбом включает в себя живописную летопись и хронологию битв и сражений: «Подвиг генерала Неверовского под Красным», «Сражение под Смоленском», «Битва при Бородино» и т. п.

В 1887 г. в России праздновался 75-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. Мероприятия прошли в основном на территории Бородинского поля. Так, в юбилейный год на месте сгоревшей «Избы Военного совета» по ходатайству Общества хоругвеносцев московскому генерал-губернатору В. А. Долгорукову, было

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2122. Л. 84.

² Там же. Л. 82.

³ Альбом «Иллюстрированная Отечественная война 1812 г.». СПб., 1887. 27 с.

специально построено деревянное здание, на базе которого был открыт музей «Кутузовская изба»¹. 21 июня 1887 г. в Покровской церкви в Филях была совершена литургия, а затем крестный ход отправился к месту закладки, где отслужили молебен с водосвятием. Уже через полтора месяца бревенчатая изба была готова. Открытие музея было приурочено к 75-летию юбилею Отечественной войны 1812 г. Третьего августа, в день торжественного открытия, епископ Михаил Дмитровский провел литургию в Покровском храме, по завершении которой крестный ход направился к мемориалу, где была освящена «Кутузовская изба». Она открылась как «музей», материальное обеспечение которого осуществлялось за счет средств вышеупомянутого Общества². Его экспозиция рассказывала о событиях военного времени и, в первую очередь, о Военном совете в Филях, а также о личности князя М. И. Кутузова. Это был один из первых в стране музеев, посвященных эпохе 1812 г.

Находит место взаимовлияние живописи и литературных традиций. Так, в 1893 г. вышел «Альбом акварелей по роману графа Л. Н. Толстого «Война и мир». Альбом представляет собой антикварный сборник акварельных рисунков русских художников Н. Каразина, Л. Пастернака и А. Кившенко, созданных по мотивам романа. Он распространялся как бесплатное приложение к журналу «Север». Альбом является ярким примером того, как уже сложившееся образное восприятие войны 1812 г. приобретает свое законченное выражение при помощи произведений художественной культуры. Важно отметить то, что именно художественные образы придают эмоциональную окраску исторической памяти. В альбоме запечатлены самые разные страницы из истории 1812 г., такие как «Расстрел французами поджигателей в Москве», «Кутузов на Поклонной горе перед военным советом в Филях» и др.³

¹ Ашик В. А. Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в войнах 1812, 1813 и 1814 годов и в память императора Александра I: Снимки памятников, медалей и гравюр. СПб., 1913. С. 43–44.

² Кеслер М. Отечественная война 1812–1814 гг., запечатленная в памятных сооружениях. [Электронный ресурс]. URL:<http://adenisov.ru/news/0/1291> (дата обращения: 23. 06. 2017).

³ Альбом акварелей по роману графа Л.Н. Толстого «Война и мир» // Бесплатное приложение к журналу «Северь». 1893. [Электронный ресурс]. URL:<http://russiahistory.ru/al-bom-akvarelej-k-romanu-grafa-l-n-tolstogo-vojna-i-mir-1893-g/> (дата обращения: 23.11.2016).

Важным подтверждением того, что память о войне стала народным достоянием, является появление общественных инициатив «снизу». Так, в 1902 г. у группы служащих Московско-Брестской железной дороги появилась идея создания экспозиции, посвященной памяти Отечественной войны 1812 г. на станции Бородино. Они обратились к начальнику дороги полковнику Ф. Ф. Мец и начальнику службы движения К. А. Чаплину со своим предложением, которые поддержали его и выделили необходимые для создания музея денежные средства. С. Н. Селедкина отмечает, что «новость о создании музея быстро распространилась среди служащих дороги и частных лиц, поддержавших затею. Вскоре начали поступать заявления о желании пожертвовать те или иные исторические предметы и документы, а представители технических служб дороги выразили готовность исполнить некоторые поделки для музея»¹. Скромная церемония открытия состоялась 11 февраля 1903 г. Начальник станции П. П. Богданович стал первым хранителем музея. Он же передал в дар собственную коллекцию личных вещей, оружия и портретов участников Отечественной войны 1812 г., ставшую основой экспозиции². Так в России появился музей, созданный по инициативе общественных активистов, увековечивших память о великой Бородинской битве. Ввиду исторического значения Бородинского поля у создателей музея возникла идея выпуска фотографического альбома, не имевшего аналогов в начале XX в. В итоге был издан альбом «Бородинское поле сражения. Его прошлое и настоящее 1812–1902 гг.»³, включавший около 100 фотоснимков Бородинского поля и его окрестностей. Фотографический альбом стал важным проявлением визуальной формы коммеморации.

В 1909 г. среди жителей Москвы начался сбор пожертвований на сооружение в Москве Музея 1812 г. Для этой цели был создан Высочайше утвержденный особый комитет по устройству музея. В своих воззваниях и информационных письмах

¹Селедкина С. Н. Установка главного монумента на Бородинском поле и создание музея на станции Бородино (в документах РГИА) // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2010. С. 87–88.

²Тростьевский С. Станция Бородино. [Электронный ресурс]. URL:http://www.planetadorog.ru/r/stancija_borodino/ (дата обращения: 15.06.2017).

³Бородинское поле сражения. Его прошлое и настоящее 1812–1902 гг. [Альбом]. М., 1902. 60 с.

Комитет отмечал, что «большинство москвичей, сохранивших память и уважение к героям Отечественной войны, пожелает принять участие в пожертвовании. Только при общем участии каждого по своим силам, можно создать памятник, достойный наших славных предков»¹. Помимо сбора пожертвований Комитет вел работу по сбору экспонатов для музея. Например, в 1909 г. им было направлено письмо Наталье Михайловне Соллогуб с просьбой о предоставлении экспонатов для выставки 1812 г., так как в ее распоряжении находились памятники эпохи². В качестве подготовительного мероприятия уже в 1909 г. была организована небольшая выставка памяти Отечественной войны 1812 г., открывшаяся в Потешном дворце Московского Кремля.

В 1910 г. начала активную работу общественная организация «Московский кружок ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г. при Московском отделе Императорского Русского Военно-исторического Общества». Сохранился «Очерк возникновения и деятельности кружка», на основе которого можно проанализировать его разностороннюю деятельность. Деятельность общества была тесно связана с Музеем 1812 г. в Москве и включала такие задачи, как:

- восстановление следов эпохи на территории «мест памяти»;
- сбор всякого рода уцелевших памятков и пополнение Музея 1812 г. в Москве;
- организация собраний, публичных лекций, выставок, поездок и чтения, относящиеся к памяти Отечественной войны 1812 г.;
- создание отделений кружка в других местах, в целях сохранения памятников славной эпохи в других регионах империи³.

В начале XX в., в десятилетие перед 100-летним юбилеем, образы Отечественной войны 1812 г. нашли яркое художественное воплощение в творчестве художника В. В. Верещагина, работы которого стали важной частью визуальных

¹ РГАЛИ. Ф. 561. Оп. 2 Ед. хр. 53. Л. 76.

² РГАЛИ. Ф. 453 Оп. 1 Ед. хр. 1162. Л.1.

³Кружок ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г. при Московском отделе Императорского Русского военно-исторического Общества: очерк возникновения и деятельности в первое пятилетие его существования / сост. М. В. Панов. М., 1915. С. 37–38.

коммеморативных практик (см приложение 9–10). Василий Васильевич Верещагин (1842–1904) – один из крупнейших русских художников-реалистов. В истории мирового искусства за ним прочно закрепилась слава знаменитого живописца-баталиста. 75-летний юбилей войны 1812 г. побудил художника обратиться к истории этого события. В 1887–1904 гг. художником была создана грандиозная серия картин, посвященная эпохе 1812 г. Двадцать полотен, порой с неожиданных позиций, раскрывают различные эпизоды военного времени. К сожалению, в 1904 г. художник умер, так и не завершив работу. И тем не менее творческое наследие В. В. Верещагина является важной вехой в формировании исторической памяти об Отечественной войне 1812 г.

В ходе работы над серией полотен, В. В. Верещагин отнесся к задаче с большой ответственностью и проделал огромную исследовательскую работу, изучив целый комплекс исторических источников и мемуаров, написанных на нескольких европейских языках. «Художник до самых мелких деталей изучил ход и итоги Бородинского сражения. Он лично исследовал Бородинское поле битвы, ознакомился с многочисленными памятниками эпохи, создал большое количество этюдов и зарисовок»¹. Сам В. В. Верещагин писал об этом цикле следующее: «Цель у меня была одна – показать в картинах великий национальный дух русского народа, его самоотверженность и героизм в борьбе с врагом. Было желание еще свести образ Наполеона с того пьедестала героя, на который он внесен. Но это второстепенно – для меня самое важное было лишь первое»². В 1911 г., в преддверии юбилея, был издан альбом «Нашествие Наполеона. Отечественная война 1812 г.»³, включающий картины художника и пояснительные записки к ним.

Серия картин о 1812 годе представляет собой монументальную эпопею о русском народе, его самоотверженности и преданности Отечеству. Картины В. В. Верещагина заняли особое место в мировом изобразительном искусстве историче-

¹ Лебедев А. К., Солодовников А. В. Василий Васильевич Верещагин. Л., 1987. С. 75.

² Верещагин В. В. Пояснение автора к картине «Наполеон и маршал Лористон. Мир во что бы то ни стало!». [Открытка]. СПб., 1909.

³ Нашествие Наполеона. Отечественная война 1812 г. Альбом / под ред. И. Н. Божеярова. СПб., 1911.

ского жанра, благодаря правдивому изображению событий, основанном на документальных данных. Произведения художника глубоко, реалистично, масштабно и эмоционально отразили все трагические страницы 1812 г. Таким образом, творчество В. В. Верещагина стало неким итогом визуально-художественного оформления образов войны, формировавшихся в России на протяжении XIX столетия.

Благодаря техническому прогрессу в начале XX в. визуальная форма коммеморации была представлена не только живописными полотнами, но и кинематографическими лентами. В честь 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. двумя крупными фирмами в области издательского дела «Братья Патэ» и «Ханжонков и К^о» начались параллельные съемки ленты, посвященной событиям 1812 г. К. И. Кийченко и А. С. Сычёва по этому поводу отметили: «В год 100-летнего юбилея войны фильмы о событиях 1812 г. появились по двум причинам: во-первых, у кинематографистов появилось искреннее желание воплотить на экране ключевые события истории своей страны и своего народа. В то же время, у них было стремление сделать коммерчески успешный фильм, который позволит зрителям пережить яркие эмоции и позволит продолжить кинопроизводство и немного укрепить свой капитал»¹. Таким образом, выпуск кинематографических лент можно считать общественной инициативой. Причем следует отметить, что такая потребность была не только у российского, но и у французского общества. Типография братьев Патэ являлась московским отделением французской кинематографической фирмы, выразившей большое желание запечатлеть историю 1812 г., актуальную в этот период и во Франции.

Обе фирмы получили со стороны правительства разрешение на съемки. Однако, как отмечают исследователи К. И. Кийченко и А. С. Сычёва, «французам было отказано в предоставлении войсковых частей, и разрешение на съемки они

¹Кийченко К. И., Сычёва А. С. Социокультурное значение кинематографических реконструкций событий Отечественной войны 1812 г. // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2014. Вып. 1. Т. 6. [Электронный ресурс]. URL:<http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnoe-znachenie-kinematograficheskikh-rekonstruktsiy-sobytiyotchestvennoy-voyny-1812-goda>. (дата обращения: 07. 05. 2017).

получили только при соблюдении условия исключения из картин изображения Императора Александра I, поскольку в дореволюционной России было категорически запрещено воплощать на экране ряд царственных особ. Кроме того, запрещалось использование эпизодов, которые могли представить в нежелательном освещении деятельность российской армии, а также задеть религиозное чувство русского народа»¹. Съёмками российской версии фильма руководил потомственный дворянин, отставной офицер А. А. Ханжонков. В итоге между двумя фирмами, снимающими фильм об Отечественной войне 1812 г., развернулась жесткая конкуренция, в результате которой Московское отделение фирмы «Братья Патэ» и «Ханжонков и К°» пришли к соглашению и приняли решение о выпуске совместного фильма под названием «1812 год» (см. приложение 11). При съёмках фильма особое значение придавалось достоверности используемых костюмов, оружия и прочих предметов быта эпохи Отечественной войны. Целью создателей фильма не была абсолютная историческая истина, однако они стремились запечатлеть наиболее значимые события и сражения 1812 г. Журнал «Огонек» за 1912 г. поместил заметку о фильме: «Снимки делались так же в Кремле, в Петровском и в Нескучном дворцах, сцены грабежа снимались в доме барона Боде, на Поварской, сто лет назад действительно разграбленном французами. Сценарий для картин составлен по точным историческим данным, проверен и утвержден полковником генерального штаба, знатоком истории 1812 г., академиком Афанасьевым»². Интерес представляет заключительная часть фильма, в которой А. А. Ханжонков использовал яркий художественный прием – представил изображения очевидцев войны 1812 г. Поочередно на экране появлялись пожилой мужчина – крестьянин деревни Шавелька Витебской губернии С. В. Жук 118 лет, и пожилая женщина – крестьянка поселка Ириновка Могилевской губернии Е. И. Жерносенкова, которой на момент съёмок было 115 лет. Однако у современников достоверность их сопричастно-

¹ Кийченко К. И., Сычёва А. С. Социокультурное значение кинематографических реконструкций событий Отечественной войны 1812 г. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnoe-znachenie-kinematograficheskikh-rekonstruktsiy-sobytiy-otechestvennoy-voyny-1812-goda>

² Наполеон в России в изображении кинематографа // Огонек. 1912. № 31. Л. 14.

сти к событиям войны вызывала сомнения, так как выглядели они весьма молодо. Исследователи К. И. Кийченко и А. С. Сычёва исходя из этого, сделали вывод о возможной фальсификации финального эпизода с участием ветеранов.

Издательство «Сельского Вестника» принимало заказы на приобретение кинематографической ленты о событиях Отечественной войны. Его главный редактор отмечал, что «костюмы, вооружения и вся прочая обстановка сделаны для этой ленты по образцам, хранящимся в музеях. Большинство картин воспроизведено по произведениям известных художников, запечатлевших эпизоды незабвенной эпохи. Фигуры и грим для изображения Императора Александра I, Наполеона, Кутузова и других участников войны сделаны по портретам лучших художников»¹. Лента продавалась по цене 63 коп. за метр и рекомендовалась для приобретения губернаторам для показа фильма в губерниях и уездах. Помимо съемок, в 1912 г. велась документальная хроника юбилейных событий 1912 г. Встречу Николая II и ветеранов войны 1812 г. в Бородино запечатлели сотрудники французской компании «Гомон».

Общественный заказ на фиксацию памяти об эпохе 1812 г. выразился и в других сферах. В июне 1912 г. по инициативе Кружка ревнителей памяти Отечественной войны из Германии был перенесен и торжественно захоронен на Южной Багратионовой флешки прах героя войны, генерал-лейтенанта Д. П. Неверовского, убитого в 1813 г. под Лейпцигом. Журнал «Исторический вестник» в 1912 г. опубликовал заметку об этой церемонии: «На станции Бородино Московско-Брестской железной дороги прах встретили и сопровождали до могилы: приехавшие из Москвы генерал П. А. Плеве, московский губернатор В. О. Джунковский, московский губернский предводитель дворянства А. Д. Самарин, члены императорского военно-исторического общества и др. Гроб из вагона был перенесен генералитетом, установлен на лафет. Когда гроб опустили в склеп, части войск произвели троекратный залп. На могилу были возложены венки. Полковник В. Н. Афанасьев по распоряжению командующего войсками обратился к частям войск с речью о

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 128809. Т. 2. Л. 74.

заслугах Д. П. Неверовского»¹. Таким образом, торжественные церемонии в честь 100-летнего юбилея начались еще до официального празднования.

Примером интеграции общественных и государственных коммеморативных практик явилось разрешение воинским частям и соединениям на собственные средства установить памятники предкам – героям Бородинской битвы. Предполагалось установить их в тех точках, где находились воинские части во время битвы. Мону-менты устанавливались в память полкам, дивизиям, артбригадам². Было установлено 8 монументов: 1-й гренадерской дивизии генерала П. А. Строганова, 1-й конной бата-рее лейб-гвардии артиллерийской бригады капитана Р. И. Захарова, 1-му и 19-му егер-ским полкам, 1-му кавалерийскому корпусу генерала Ф. П. Уварова, 2-й гренадерской дивизии генерала К. Мекленбургского и 2-й сводно-гренадерской дивизии генерала М. С. Воронцова, 2-й кирасирской дивизии генерала М. И. Дуки, 3-й пехотной дивизии генерала П. П. Коновницына, 3-му кавалерийскому корпусу, бригаде генерала И. С. Дорохова, 4-й пехотной дивизии генерала Е. Вюртембергского, 4-му кавалерийскому корпусу генерала К. К. Сиверса, 7-й пехотной дивизии генерала П. М. Капцевича, 12-й батареинной роте на Шевардинском редуте и др.³ В начале XX в. Россия и Франция являлись союзниками, что отразилось и на ходе торжеств. В 1912 г. в юбилейных торжествах на Бородинском поле участвовала делегация Французского военного министерства⁴. Ею было инициировано сооружение памятника в честь павших в бою французских воинов, что стало важной вехой в истории российско-француз-ских взаимоотношений в области историко-культурного взаимодействия.

К 1912 г. получили широкое распространение альбомы, иллюстрировав-шие различные события военного времени. Например, в 1912 г. по специальному заказу книготоргового товарищества «Культура», в Париже был издан альбом «За Веру, Царя и Отечество. Отечественная война 1812 г. в картинах». Издание

¹ Похороны праха генерал-лейтенанта Д. П. Неверовского // Исторический Вестник. 1912. № 8. С. 772–773.

² Музей-заповедник «Бородинское поле». [Электронный ресурс]. URL: http://www.mozhaysk.su/?tr=04_0borod/30museum (дата обращения: 14.09.2016).

³ Списки памятников, поставленных на Бородинском поле и в его окрестностях в 1912 г., юбилейных памятников в других городах, памятников участникам войны / РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 11. Ед. хр. 138. Л. 15–18.

⁴ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 415. Л. 4.

содержит 56 картин и портретов на отдельных листах, защищенных тонкой пергаментной бумагой. Каждая репродукция сопровождалась пояснительным текстом. Представлены портреты Александра I, Николая II, князя П. И. Багратиона, М. Б. Баркляя-де-Толли и др.¹

Отечественная война 1812 г. не могла не оставить след в памяти москвичей. Весьма своеобразный пласт народной устной культуры – это так называемые московские городские легенды. Этот фольклорный материал является богатым историческим источником, ярко отражающим исторические представления москвичей о государстве в целом и отдельных исторических деятелях, в том числе и о Наполеоне. Отечественная война 1812 г. упоминается в легендах из коллекции Е. З. Баранова. Речь в одной из них идет не о войне, а об обустройстве Александром I Александровского сада вблизи Кремля. Сам составитель сборника московских легенд Е. З. Баранов повествует о том, как услышал впервые о легенде, связанной с личностью Наполеона. Следует отметить, что хронологически дата записи легенд не относится к изучаемому периоду, однако само существование этой легенды вполне могло относиться и к началу века².

Весной 1928 г. прогуливаясь в Александровском саду, Е. З. Баранов заметил группу из трех – четырех маляров. Они стояли перед каменным столбом, рассматривая чугунные украшения на верхней части его, изображающие арматуру. Один из них, глядя на один из столбов, предположил, что это должна быть «наполеоновская работа». Эти две фразы заинтересовали исследователя³. Он решил проверить, имеются ли в творчестве низов какие-либо указания на связь имени Наполеона с Александровским садом, начал сбор устных материалов о нем, как одном из памятников московской старины. В ходе работы исследователь узнал об интересной легенде, повествующей историю создания сада, основателем которого считают императора Александра Первого. Е. З. Баранов отмечает, что «свое название сад получил по воле самого императора, так как тот считал себя главным виновником

¹ За веру, царя и отечество. Отечественная война 1812 г. в картинах. Париж: Издание И. С. Лапина, 1912. 190 с.

² Московские легенды, записанные Евгением Барановым / под ред. Ю. М. Буртина. М., 1993. 302 с.

³ Там же. С. 59.

изгнания французов из Москвы»¹. В первую очередь был интересен вопрос о возможной роли Наполеона в украшении садовых ворот. Ответы респондентов получались неопределенные, что неудивительно, поскольку вышеупомянутая легенда лишь допускает вероятность того, что «железки», то есть чугунные украшения на воротах «прибил Наполеон». Например, некий «Лукьяныч» рассказывал по этому поводу следующее: «А про эти железки, про которые говоришь, будто Наполеон к воротам прибил, ничего не знаю. Может и прибил. А что думаешь? На него похоже. В кулак шептать не любил, а сказал “сделаю и сделает”. Вот, может, взял и прибил эти дощечки: дескать, как я был в Москве, так вот чтобы память осталась. А может, и не так, кто же это знает? Дело темное»². Необходимо отметить, что в данном случае интерес представляет не столько вопрос о причастности Наполеона к постройке Александровского сада, сколько то, как события 1812 г. отразились в памяти народа.

Юбилеи значимых мероприятий всегда актуализируют конкретное историческое событие. 1912 г. стал знаковым в процессе обращения к проблеме Отечественной войны. Любопытно, что церемониальные мероприятия нашли свое отражение в воспоминаниях простых обывателей, когда в 1938 г. исследователь Е. З. Баранов занимался «сбором» московских легенд. Один из его информаторов, которому на тот момент исполнилось 70 лет, рассказал о своем восприятии церемониальных мероприятий 1912 г.: «Это – как сто лет сравнялось после Наполеона, приезжал Николай в Москву, в двенадцатом году. «Ура! Ура» – кричат, а он пулей пролетел в треклятом автомобиле и нельзя было рассмотреть, какой-то царь Николай. Ну, понятно, бомбы боялся. Ну вот»³.

В юбилейный год тема Отечественной войны нашла широкое отражение в периодической печати. Общественно-политические журналы живо откликнулись на 100-летие войны большим количеством публикаций источников по истории 1812 г., новых исследований по этой проблеме, критикой издаваемых научно-

¹ Московские легенды, записанные Евгением Барановым. С. 61.

² Там же. С. 64.

³ Там же. С. 65–66.

популярных изданий. Анализ периодической печати очень важен, ведь информация, появляющаяся на страницах журналов и газет, «помогает людям разобраться в событиях, значение которых остается национальной ценностью» для общества¹. Совокупность этих журналов, ориентированных на образованное общество, представляла собой весь спектр политических взглядов российской интеллигенции. Для анализа материалов периодической печати был выбран ряд различных по направленности общественно-политических журналов: «Русская старина», «Русский архив», «Вестник Европы», «Исторический вестник», «Современный мир». У каждого из журналов были свои особенности в освещении проблем по истории Отечественной войны 1812 г. Все эти журналы можно отнести к типу так называемых «толстых журналов». О. Г. Шильникова отмечает, что данный тип журналов характеризовался существованием в двух социокультурных сферах (литература и журналистика)².

«Русская старина» и «Русский архив» в основном публиковали неизданные, малоизвестные источники в области исторической науки. Журнал «Исторический вестник» относят к типу консервативно-охранительных изданий. Здесь в основном публиковались статьи, посвященные проблемам отечественной истории, русской литературы, географии, а также источники мемуарно-эпистолярного жанра. Особое место в общественной жизни России принадлежало журналу «Вестник Европы», придерживавшегося либеральных взглядов, ввиду чего статьи не носили жестко-регламентированный охранительный характер. Особняком среди перечисленных изданий стоит журнал «Современный мир», который стал преемником запрещенного цензурой издания «Мир божий» и имел ярко выраженную демократическую направленность. Журналы отличались не только разной идеологической направленностью, но и тематикой издаваемых статей. Публикации «Русского архива» и «Русской старины» представляли собой обзор военной стратегии периода войны 1812 г., а авторы «Вестника Европы» и «Современного мира» опираясь на

¹ Соловьев А. В. Отечественная война 1812 г.: два взгляда на одно историческое событие // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3. С. 429.

² Шильникова О. Г. Типологический алгоритм «толстого» журнала в России XIX–XX вв. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8. 2008. № 7. С. 65.

источниковедческий материал, пытались проанализировать не просто ход военных действий, но в первую очередь причинно-следственные связи произошедших событий, дать оценку последствий внутренней и внешней политики России накануне войны. Авторы этих изданий пытались осмыслить, какое влияние война оказала на современное им общество.

Несмотря на различные подходы, во всех журналах можно отметить повышенное внимание к освещению трех основных проблем. Первая проблема – длительное отступление российской армии от Немана к Москве. Тактика уклонения от генерального сражения очень остро воспринималась обществом как в 1812, так и в 1912 г. В период военных действий эта тактика воспринималась крайне негативно, вызывала в обществе массу недовольства, военная стратегия Барклай-де-Толли подвергалась жесточайшей критике. Однако, 100-летний рубеж позволил более взвешенно подойти к анализу проблемы. М. М. Ковалевский, опираясь на исторические источники, приходит к выводу о том, что «тактика уклонения» вовсе не была чем-то неожиданным: «Я хочу отметить только то, что еще месяца за три до начала похода, в апреле 1812-го, в Данциге распространен был слух, что русский император будет избегать открытого сражения»¹. Но, судя по всему, причины подобных слухов были связаны с тем, что «уже вскоре после заключения мира в Тильзите Барклай-де-Толли высказывался о необходимости при оборонительной войне вовлечь неприятеля непрекращающимся отступлением вовнутрь страны», – отмечает ученый². Таким образом, данную тактику оценивают как заранее продуманный стратегический ход.

Военный историк Б. М. Колюбакин также отмечает целесообразность тактики уклонения на раннем этапе войны. Он выдвигает гипотезу о возможности дальнейшего уклонения от генерального сражения в целях отдалить неприятеля от Москвы. Однако это было невозможно в тех условиях. По мнению историка, время для генерального сражения наступило, когда в психологическом плане это стало

¹ Ковалевский М.М. 1812 год. Посвящается памяти моего отца, прапорщика в армии Кутузова // Вестник Европы. 1912. № 7. С. 214.

² Там же. С. 215.

насушным желанием общества. «Эта потребность в решительном, наконец, сражении настолько созрела в общем сознании, в сознании массы, а постоянное отступление настолько осуждалось, и даже чуть не проклиналось, что было почти невозможно требовать от войск продолжения отступления с обещанием сражения в будущем»¹. М. И. Кутузов, понимая общий психологический настрой армии и всего общества, принял решение дать генеральное сражение на Бородинских полях. Б. М. Колюбакин отмечает, что это решение было «неизбежно – необходимо, а, следовательно, было правильно»². Так, историк приходит к выводу о том, что, несмотря на целесообразность дальнейшего отступления, в стратегическом плане это было невозможно ввиду сложившейся общественно-психологической атмосферы.

Тактика отступления анализируется в статье Б. Б. Глинского «Торжество России в борьбе с Наполеоном», где отмечена необоснованность обвинений о целесообразности стратегии военачальника Баркляя-де-Толли. Система отступления вглубь страны вплоть до Москвы, в результате которой ослабла армия Наполеона, осуждалась российским обществом, требовавшим генерального сражения и скорейшего изгнания французов. Вследствие этого Баркляя-де-Толли обвиняли в том, что его стратегия привела к тяжелым последствиям в виде захвата Москвы Наполеоном. Б. Б. Глинский приходит к выводу, что история и общественное мнение недооценили деятельность полководца: «Тактика Баркляя не была справедливо и достойно оценена ни войском, ни обществом. Против него сыпались обвинения в трусости, невежестве, неспособности проникнуться традиционным духом мужества русской армии. Но, конечно, во всех этих обвинениях не было и тени справедливости. Система Баркляя была единственной, которая могла дать в руки русской армии одоление Наполеона»³. Таким образом, автор статьи с новых позиций оценивает историческую роль М. Б. Баркляя-де-Толли в войне 1812 г. и его «тактики уклонения» в целом.

¹ Колюбакин Б. М. Избрание Кутузова главнокомандующим надо всеми армиями, проезд его в армию и первые дни его деятельности // Русская старина. 1912. № 7–9. С. 30.

² Там же. С. 31.

³ Глинский Б. Б. Торжество России в борьбе с Наполеоном. К столетнему юбилею Отечественной войны // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1912. Т. СХХІХ. С. 37.

Российский историк и политический деятель Н. Рожков в своей статье, опубликованной в демократическом журнале «Современный мир», довольно резко высказался по этой проблеме. Он отметил, что негативное отношение к тактике уклонения от генерального сражения было в основном среди дворянских кругов. А их взгляды были обусловлены «кичливо-шовинистическим легкомыслием» высшей прослойки общества: «Дворяне с легкомысленной настойчивостью требовали наступления русских войск и генерального сражения с превосходящими силами неприятеля, тогда как компетентные военные авторитеты справедливо полагали, что отступление было необходимо и неизбежно именно вследствие огромных сил, двинутых Наполеоном на Россию»¹. Весьма вероятно, что под «военным авторитетом» историк подразумевал именно М. Б. Барклая-де-Толли. Таким образом, в осмыслении памяти, оставшейся после Отечественной войны 1812 г., появились новые оценки и пересмотр уже устоявшихся точек зрения. Если в начале XIX в. тактика уклонения и личность полководца Барклая-де-Толли воспринималась крайне негативно, то к началу XX столетия была предпринята попытка по достоинству оценить его историческую роль в победе над наполеоновским войском.

Вторая проблема, остававшаяся актуальной как в течение всего XIX в., так и в начале XX – оценка личности главнокомандующего М. И. Кутузова, героический образ которого к 1912 г. стал мифом. В то же время ряд статей поднимают вопрос о полководческих качествах М. Б. Барклая-де-Толли, П. И. Багратиона, как о героях войны, оставшихся как бы в «тени» личности М. И. Кутузова. Историк Б. М. Колюбакин посвятил личности полководца отдельную статью «1812-й год. Избрание Кутузова главнокомандующим над всеми армиями, проезд его в армию и первые дни его деятельности». Автор придерживается мнения, что в условиях кризисной точки военных действий «назначение общего главнокомандующего над всеми армиями стало неотложным мероприятием. На кандидатуру

¹ Рожков Н. А. Двенадцатый год и его влияние на современное ему общество // Современный мир. № 7. С. 210.

Кутузова указывало общественное мнение России»¹. По мнению историка, полководец на тот момент воспринимался как народный избранник, призванный спасти страну. Исследователь представляет выдержки из заседания Комитета для избрания главнокомандующего, где отмечали, что назначение Михаила Илларионовича вызвано не только его личными качествами и знанием военного дела, но, прежде всего, общественным мнением всей России. Автор публикует фрагменты-письма Александра I, в котором император отметил, что Кутузов «вообще в большом фаворе у общества»². Существуют мнения, что император Александр весьма неблагоприятно относился к Кутузову. Тем не менее, главнокомандующим стал Михаил Илларионовича. Выбор этот объясняют строки из писем императора: «Зная этого человека, я сначала противился его назначению... но, он указывает, что – вся Москва желает, чтобы Кутузов командовал армией... Мне оставалось только уступить единодушному желанию и назначить Кутузова»³. Свой выбор император также аргументирует в письме к Барклаю-де-Толли, в котором причиной назначения Кутузова считает то, что «Москва и Петербург единодушно указали на князя Кутузова, как на единственного человека, могущего, по их словам, спасти отечество»⁴. Статья Б. М. Коллюбакина демонстрирует уже устоявшийся образ Кутузова как единственно возможную, лучшую кандидатуру на пост главнокомандующего всеми русскими армиями войны 1812 г.

Существовали иные точки зрения, на то, что в 1812 г. были и другие достойные кандидатуры на роль «главного героя войны». Автор военных книг Л. Н. Белькович следом за Коллюбакиным разместил в «Русской старине» статью, посвященную еще одному яркому деятелю эпохи войны – князю П. И. Багратиону. Л. Н. Белькович считал, что «кому же, как не ему (Багратиону) талантливейшему ученику военной школы и тонкому знатоку, и ловцу душ человеческих было стоять во главе одной из наших армий»⁵. Автор, характеризуя личные качества полководца, отметил, что Багратион был

¹ Коллюбакин Б. М. Избрание Кутузова главнокомандующим надо всеми армиями, проезд его в армию и первые дни его деятельности. С. 3.

² Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной / публикатор Великий князь Николай Михайлович. СПб., 1910. С. 82.

³ Там же. С. 87.

⁴ Коллюбакин Б.М. Избрание Кутузова главнокомандующим надо всеми армиями, проезд его в армию и первые дни его деятельности. С. 7.

⁵ Белькович Л. Н. Князь П. И. Багратион // Русская старина. 1912. № 7–9. С. 46.

человеком, способным пожертвовать личными амбициями для общего дела: «22 июля Багратион привел свою армию в Смоленск и тут, несмотря на то, что он был старше Баркляя по службе, все же добровольно подчинился ему, сознавая, что он недостаточно осведомлен в общем ходе действий. Кто не оценит этого поступка, говорящего о величии души нашего славного вождя»¹. Л. Н. Белькович обращает внимание на историческую роль полководца Багратиона, отмечает его личные заслуги, глубокий профессионализм и преданность своему делу.

На страницах «Русского архива» тоже поднимается проблема выбора М. И. Кутузова главным военачальником. В «Депеше графа Жозефа де-Местра Сардинскому королю о нашей Отечественной войне 1812 г.» обстоятельства назначения главнокомандующего трактуются иначе: «Стали громко и настоятельно требовать смещения Баркляя, и Государь должен был сдаться. Но ему очень было трудно удовлетворить общественному мнению, так как оно указывало на Кутузова, к которому он не скрывал своего отвращения, упрекая его, по крайней мере, про себя, за его лукавство, эгоизм и гнусные нравы»². Автор данной депеши высказывает следующее мнение: «Так как, по общему мнению, Барклай был настоящим главнокомандующим в битве при Бородино, то Кутузов его возненавидел и причинил ему столько неприятностей, что вынудило его, наконец, покинуть свою должность»³. Подобное мнение противоречит устоявшемуся положительному образу Михаила Илларионовича: «У русских при Бородино осталось сто пушек без действия, что непростительно. В эту достопамятную битву Кутузов находился в трех от нея верстах. Я знаю, что главнокомандующий не то, что какой-нибудь гренадер, но на все есть мера... только план битвы был составлен Кутузовым, но и его сильно критиковали». Граф прямо обвиняет Кутузова в трусости и непрофессионализме, отмечая, что настоящими полководцами-героями войны были П. И. Багратион и М. Б. Барклай-де-Толли.

¹ Белькович Л. Н. Князь П. И. Багратион. С. 53.

² Депеша графа Жозефа де-Местра Сардинскому королю о нашей Отечественной войне 1812 г. // Русский архив. 1912. № 1–4. С. 47.

³ Там же. С. 47.

В то же время редакторы журнала «Русский архив» стремились представить альтернативные точки зрения. Следом за публикацией депеши графа Жозефа де-Местра идет «Письмо неизвестного лица о донесении Местра Сардинскому королю». Неизвестный автор опровергает содержания депеши королю Сардинскому. Отмечает, что «своими несвязными рассуждениями де Местр хотел подорвать славу Русского народа и князя Кутузова»¹. Автор письма критические замечания графа в адрес Кутузова объясняет его русофобией: «Так и сквозит через это сплетение ошибочных мнений, перемешанных с игрою слов определенная ненависть автора к русским»². Депеша весьма субъективна, однако данная точка зрения важна, т. к. отражает мнение иностранца о событиях Отечественной войны, существенно отличавшееся от устоявшихся в России трактовок. В исторической памяти российского общества сложился однозначно положительный образ Кутузова. Он воспринимался как мудрый, талантливый военачальник, который, благодаря полководческому таланту и мудрости, провел победоносную кампанию 1812 г. Но спустя столетие началась переоценка исторического значения и роли полководцев М. Б. Барклая-де-Толли и П. И. Багратиона, которые оставались в тени М. И. Кутузова. Дискуссии, развернувшиеся в периодической печати, говорят о том, что устоявшиеся в памяти общества образы и стереотипы подвергались переосмыслению.

Третья проблема, являвшаяся одной из самых болезненных – сдача Москвы и последующий пожар в городе. Оставление древней столицы неоднозначно воспринималось обществом даже спустя столетие. Общество задавалось вопросами: «Как это допустили?», «Стоило ли отдать такую большую цену за победу?», «Нужна ли победа такой ценой?». Б. М. Коллюбакин считал, что изначально Кутузов не намерен был сдавать Москву. Подтверждает свое мнение историк письмом Кутузова градоначальнику Москвы графу Ф. В. Растопчину, в ответ на его вопрос о судьбе древней столицы: «, По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря

¹ Письмо неизвестного лица о донесении графа Местра Сардинскому королю // Русский архив. 1912. № 1–4. С. 62.

² Там же. С. 63.

России»¹. Тем не менее историк подвергает сомнению слова полководца, отмечая, что искренность этих высказываний весьма сомнительна и вызвана желанием успокоить градоначальника Москвы графа Растопчина. Историк пришел к выводу, что сдача Москвы была неизбежна. Одну из причин этого он видит в отсталости русской армии по сравнению с французской: «Русская армия уступала французской в боевой подготовке армии в широком значении слова и в тактической подготовке, в частности. И наконец, уступала в управлении войсками по сравнению с таковым величайшим гением»². Кроме того, М. Б. Колюбакин указывает и на то, что неизбежность оставления Москвы усугублялась поздним назначением М. И. Кутузова, когда кроме решающего сражения ничего нельзя было сделать. Автор отмечает также слабость военного командования: «Кутузов не имел в органах управления (в старших начальниках) вполне гибких и послушных орудий, как то было в армии его гениального противника»³.

В статье, опубликованной под инициалом «В», обращается пристальное внимание на проблему целесообразности оставления Москвы: «Москву оставили и сожгли. А была ли необходимость ее оставления? Лучшие генералы выговорили против этой ужасной меры»⁴. По мнению автора, этот вопрос так и остался весьма спорным, однозначного ответа на него нет. Он склонен обвинять М. И. Кутузова. Главнокомандующий якобы сказал, что оставление Москвы стало неизбежным следствием сдачи Баркляем Смоленска. Тем самым Кутузов как бы обвинял именно Баркляя в таких ужасных последствиях. Граф так пишет об этом: «Какая низость! Какая гнусность! Оставление Смоленска мало повело к оставлению Москвы. Если бы Кутузов постарался завершить Бородинскую битву полной победой, конечно, Москва еще была бы цела»⁵.

Помимо научных статей публиковались воспоминания участников событий 1812 г., например, это письма И. П. Оденталю к А. Я. Булгакову о петербургских

¹ Колюбакин Б. М. Избрание Кутузова главнокомандующим надо всеми армиями, проезд его в армию и первые дни его деятельности. С. 11.

² Там же. С. 13

³ Там же. С. 14.

⁴В]. Приезд императора Александра I в Москву // Русская старина. 1912. № 7–9. С. 47.

⁵ Там же. С.48.

новостях и слухах. Автор писем в октябре 1812 г. рассуждает о целесообразности сдачи Москвы: «Судя по-человечески, взятие Москвы остается загадкой. Посмотрим теперь, что выйдет из той великой жертвы...»¹. Весьма примечательно, что Оденталь даже после начала отступления французов писал следующее «О великий Растопчин! Ты знал дух русского народа. Кабы тебя послушались, то из-под Москвы в начале сентября постиг бы настоящий жребий супостата, который сам не понимает, как впустили его туда, где бы долженствовала быть его могила со всей сволочью»². Решение о сдаче Москвы воспринималось неоднозначно как во время войны, так и в период векового юбилея. Кроме того, ряд оппозиционных журналов России публиковал заметки об отторжении частью общества «навязанного сверху» празднования. Журнал «Современный мир» опубликовал статью И. Ларского «Патриотические темы 1912 г.», в которой автор отмечает, что в 1912 г. в России обсуждались три основные темы: выборы в IV Государственную думу, международная напряженность и 100-летний юбилей войны. Автор отметил, что тема «великой памяти 1812 г. звучит с громом, звоном и фанфарами», что в условиях нестабильного, напряженного времени начала в. тема 1812 г. «спасает все, утешит, что бы там ни случилось»³. Характеризуя общую обстановку в стране и обществе, автор обращается к сравнению 1812 и 1912 гг.: «И снова, как сто лет тому назад, только в неизмеримо больших еще размерах, раскрывается картина резкого расхождения стремлений правящих сфер с реальными потребностями страны»⁴.

Н. А. Рожков трактует государственные церемониальные коммеморативные практики как «казенный патриотический трафарет, требующий изображения горячего и единодушного подъема патриотических чувств во всех слоях русского общества»⁵. Автор не только критически характеризует современные ему тенденции трактовки памяти о войне, но и весьма сомнительно относится к высокому уровню

¹ Долгов С. О. Сто лет назад. Письма И.П. Оденталю к А. Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах // Русская старина. 1912. № 10–12. С. 12.

² Там же. С. 16.

³ Ларский И. Патриотические темы 1912 г. // Современный мир. 1912. № 2. Февраль. С. 251.

⁴ Там же. С. 252.

⁵ Н. Рожков. Двенадцатый год и его влияние на современное ему общество. С. 210.

патриотизма еще в 1812 г., тем самым ставит под сомнение «патриотический трафарет» исторической памяти об Отечественной войне. Таким образом, спектр проблем, поднимавшихся на страницах периодических изданий, был весьма широким. Следует отметить, что периодическая печать в России всегда играла важную роль в общественной жизни. Общественно-политические журналы и газеты стали особенно актуальны в начале XX в., богатому на ряд знаковых исторических событий. Прогрессивная общественность испытывала потребность в выражении своего мнения. В этом отношении редакции периодических изданий стали благодатной почвой для развития общественно-политических и исторических дискуссий.

В 1912 г. празднование столетнего юбилея Отечественной войны стало одной из важнейших и дискуссионных тем в обществе. Вновь актуализировалось обращение к ярким страницам истории 1812 г. Анализ дискуссий, развернувшихся на страницах журналов, показал, что даже спустя столетие российское общество волновали такая проблема, как роль М. И. Кутузова в победе над Наполеоном. Продолжилось обсуждение военачальников, оставшихся в тени М. И. Кутузова. Впервые под иным взглядом начали рассматривать целесообразность недооцененной современниками тактики Барклай-де-Толли, а также несправедливое к ней отношение в XIX в. Пересматривались итоги Бородинского сражения. Одной из самых болезненных и дискуссионных продолжала оставаться тема целесообразности сдачи Москвы и т. п.

Отечественная война 1812 г. являлась столь значимым событием, что и в начале XX в. в российском обществе продолжали осмысляться те или иные эпизоды войны, возникла потребность запечатлеть и сохранить ее в исторической памяти. Общественный уровень нашел отражение в разных ипостасях: в деятельности своего рода общественных организаций, способствовавших увековечиванию памяти об эпохе 1812 г. (Общество хоругвеносцев, Московский кружок ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г.); в сборе пожертвований среди москвичей на создание Музея 1812 г. в Москве; в дискуссиях на страницах периодической печати.

§ 2.2. Подготовка и празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. как определяющий фактор реализации коммеморативных практик на государственном/общероссийском уровне (1907–1912 гг.)

Актуализация памяти об Отечественной войне 1812 г. в конце XIX – начале XX в. в России проходила на двух основных уровнях: государственном и общественном, приобрела при этом как региональный, так и всероссийский масштаб. Остановимся подробнее на характеристике государственной идеологической политики, осуществляемой в процессе подготовки и празднования 100-летнего юбилея с точки зрения государства как субъекта инициирования коммеморативных практик.

Государственный уровень выражался в финансировании и организации официальных торжественных церемоний, реконструкции места памяти – Бородинского поля, проведении работ по координации празднования юбилея повсеместно, во всех губерниях России. Кроме того, министерством народного просвещения проводилась целенаправленная политика по внедрению конкретных представлений о событиях 1812 г. как в обществе в целом, так и в сети учебных заведений страны. Создание популярной литературы об истории Отечественной войны 1812 г., рассчитанной на массового читателя, стало первым из направлений государственной политики в ходе подготовки к празднованию 100-летнего юбилея. Брошюры предназначались для распространения среди широких масс, поскольку стоили недорого (от 3 до 25 коп.)¹. С. А. Серова отмечает, что издаваемые «работы популяризаторского характера были весьма разнообразны, представляли собой краткие рассказы, в доступной форме излагающие важнейшие события войны 1812 г., подчеркивающие ее значимость и связывающие ее с современностью. Издавались они для широких кругов народа, для учащихся начальных и средних учебных заведений, а

¹ ГИА ЧР. Ф. 208. Оп. 1. Д. 56. Л. 85.

также для распространения в войсковых частях»¹. Кроме того, в них публиковались мемуары участников событий 1812 г., изучались архивные материалы, издавались сборники стихов, посвященных войне и т. д. На официальном уровне издавались распоряжения по их распространению, прежде всего, в учебных заведениях страны. Учащимся эти брошюры предоставлялись бесплатно. В итоге было создано большое количество так называемых «юбилейных брошюр» самой разной тематики. В архивах сохранились документы с их наименованиями. Например, министерство народного просвещения официально представило список юбилейных изданий «Сельского Вестника», рекомендованных учебно-окружным управлениям ввиду предстоящего празднования юбилея Отечественной войны.

Издания носили ярко выраженную популяризаторскую функцию. Чтобы заинтересовать как можно более широкие слои общества, они были снабжены многочисленными иллюстрациями. Это были карикатуры, лубочные картины, портреты, в которых формировался визуальный образ основных событий войны, и который, несомненно, воздействовал и на формирование исторической памяти о данном событии. Министерством были разработаны рекомендации для изучения конкретной брошюры для учащихся определенного возраста. Для раздачи воспитанникам старших классов средних учебных заведений рекомендовались брошюры: «Отечественная война» (автор – А. Г. Елчанинов); «Император Александр I, его жизнь и царствование» (автор – Н. П. Дучинский); «На память об Александре и 1812 годе» (автор – Н. П. Михневич); альбом «Портреты императора Александра и главнейших героев войны»². Для воспитанников младших классов средних учебных заведений и учащихся в городских низших и народных училищах рекомендовались следующие издания: «На память об Александре и 1812 годе» (автор – Н. П. Михневич); «Столетие назад» (автор – В. Послянин); «Двенадцатый год на Руси» (автор – Н. П. Дучинский). Для учащихся старших классов рекомендовались: «Император Александр I Богословенный и Отечественная

¹ Серова С. А. 100-летие отечественной войны: юбилейная литература и публикаторская деятельность // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 43.

² ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 3. Д. 6668. Л. 39.

война» (автор – Н. П. Дучинский); «Благословенный царь» (автор – Н. П. Дучинский); «Тимошкина команда» (автор – А. Е. Зарин); альбом «Портреты Александра I и Кутузова»¹. Для распространения в женских учебных заведениях предлагалась брошюра «Женщины – героини в 1812 г.» (автор – А. Е. Зарин). Для бесплатной раздачи народу были выбраны следующие книги: «За веру, царя и Родину» (автор – Е. Н. Поселянин); «Благословенный царь» (автор – Н. П. Дучинский); «Народная война и герои из народа в 1812 г.» (автор – А. Г. Елчанинов); «Герои – солдаты в борьбе русского народа с Наполеоном» (автор – В.В. Жерве)². Эти юбилейные брошюры подвергались критике на страницах периодической печати. Что вполне обоснованно, так как большинство из них были созданы в короткие промежутки времени, без должной редакторской и научной правки. В 1911–1912 гг. историко-литературными журналами начали публиковаться рецензии на юбилейные издания на них.

Особой популярностью по всей России пользовалось 7-томное юбилейное издание «Отечественная война и русское общество», созданное большим коллективом авторов (К. А. Военский, М. В. Довнар-Запольский, И. М. Катаев, Б. М. Коллюбакин, Н. П. Михневич, В. И. Семевский). Издание было неоднозначно оценено критиками. Рецензенты отмечали, что «большинство подобных изданий заставляет отнестись к ним несколько подозрительно уже по одному тому, что они – юбилейные, т. е. будучи подготовлены к заранее назначенному сроку, нередко носят на себе следы спешной работы и не вполне законченной обработки». И далее они пишут, что «настоящее издание также не свободно от недостатков, но среди множества других, появившихся в продаже, оно является пока наилучшим»³. 7-томник был коллективным трудом многих авторов, из-за чего можно заметить некое противоречие в ходе освещения событий войны. Тем не менее, как положительный момент критики отметили попытку последовательного изложения событий данного периода. В то же время редакция журнала пытается объективно подойти к оценке

¹ ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 3. Д. 6668. Л. 39 об.

² ГИА ЧР. Ф. 208. Оп. 1. Д. 56. Л. 85.

данного издания, отмечая, что при всех достоинствах издания «этот труд не претендует на значение исчерпывающей работы, которая во всеоружии критического анализа дала бы ответ на все вопросы»¹.

Впрочем, ряд юбилейных изданий подверглись более жесткой критике, т. к. большинство брошюр не отличались хорошим слогом и точностью выражений. Сохранился отзыв директора Казанской третьей гимназии о брошюре «Подъем народного духа в эпоху Отечественной войны». Рецензентом отмечен ряд недостатков: «Обстоятельного знакомства с источниками, требуемого даже при кратком конспективном изложении, в брошюре не находим: опущен ряд общеизвестных фактов. Даже нет указаний о действиях партизан; встречаются неточности освещения описываемых событий»². В частности, критике подверглись описания событий пожара и голода в Москве. Кроме того, рецензент отмечает: «В брошюрах не наблюдается и определенного плана, т. к. приводимые факты сообщаются без должной связи, что можно было объяснить, пожалуй, спешностью работы. Этим объясняется и случайный выбор прилагаемых в конце брошюры стихотворений, далеко не лучших в своем роде»³. Несмотря на указанные недостатки, подобный тип литературы был интересен широкому кругу читателей. Особое внимание уделялось их распространению в учебных заведениях Российской империи. Легкий слог, простота изложения и обилие иллюстраций способствовали пробуждению интереса к событиям войны 1812 г. среди подрастающего поколения и населения в целом. Основной целью подобных изданий была популяризация государством памяти об Отечественной войне 1812 г. в литературе, рассчитанной на массового читателя.

Государственная власть ставила своей задачей создание целостной, всесторонней картины Отечественной войны 1812 г. в обществе. В этом отношении одной публикаторской деятельности было мало. К началу XX в. образ Бородинского сражения стал коммеморацией – объектом ритуализации. Л. Л. Ивченко справедливо отметила по этому поводу, что «Бородинское сражение стало объектом и научного

¹ Отечественная война и русское общество. С. 270.

² ГИА ЧР. Ф. 208. Оп. 1. Д. 56. Л. 83.

³ Там же. Л. 83.

исследования, и художественного осмысления, и даже ритуального почитания. Уже военачальники и участники сражения в своих воспоминаниях, письмах и первых военно-научных описаниях битвы стремились придать своим толкованиям канонический облик...образ Бородинской битвы приобрел статус традиции, некоторые из этих толкований действительно превращались в каноническую концепцию, все более склонявшуюся к мифу о поле Бородинского сражения»¹.

Понимая важнейшую роль главного «места памяти» Отечественной войны 1812 г., российский император Николай II в 1907 г. заказал художнику-баталисту Францу Рубо живописную панораму Бородинского сражения. Создание масштабной картины «Панорама Бородинского сражения» стало важнейшей визуальной коммеморативной практикой (см. приложение 21). В. Н. Земцов отметил, что «в основании исторической памяти россиян об Отечественной войне 1812 г. лежат три «кита»: «Москва, спаленная пожаром», роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир» и образ Бородино, воплотившийся в знаменитой панораме «Бородинская битва» Ф. А. Рубо»².

Мысль о написании живописной панорамы «из истории наших побед» 1812 г. была впервые озвучена 31 октября 1909 г. В этот день на заседании Императорского Русского военно-исторического общества (ИРВИО) выступал Г. С. Габаев. «Устройство художественных панорам» он назвал «прекрасным способом увековечения исторических событий»³. Создание живописного полотна оказалось теснейшим образом связано с деятельностью ИРВИО. «На заседаниях Совета общества, на страницах Журналов ИРВИО периодически обсуждались вопросы, связанные с написанием полотна. Ф.А. Рубо (один из членов Общества) приступил к работе задолго до формального подписания (март 1911 г.) договора о создании панорамы»⁴.

¹Ивченко Л. Л. Бородинское сражение: историография, источники, проблемы исторической реконструкции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 1–2.

²Земцов В. Н. Панорама Ф. А. Рубо «Бородинская битва»: история одного национального мифа // Вопросы Всеобщей истории. 2012. Т. 14. С. 36–56.

³Данченко В. Г. Габаев Г. С. // Отечественная война 1812 г. и освободительный поход Русской армии 1813–1814 годов: энцикл.: в 3 т. М., 2012. Т. 1. С. 415.

⁴Герасимова Г. И. Великая картина великого подвига. Панорама «Бородино» по материалам коллекций ГПИБ // Чертковские чтения: сб. материалов. М., 2013. С. 65.

1 апреля 1910 г. Франц Алексеевич впервые отправился на Бородинское поле, изучил его, осмотрел оставшиеся флешы и редуты, посетил созданный в 1903 г. небольшой музей на станции Бородино, Тучковский монастырь, сторожку инвалидов.

Одним из главных военных консультантов стали военные историки Б. М. Колюбакин и В. Ф. Афанасьев. Императору Николаю II «было благоугодно преподать профессору Рубо условие, чтобы он в изображении сражения руководствовался указаниями специалиста сражений Наполеоновской эпохи генерал-лейтенанта Колюбакина, посему последний естественно является ответственным за изображение сражения с точки зрения возможной правдивости и соответствия с требованиями военно-исторического исследования»¹. Появлению панорамы предшествовало описание сражения в одах и стихах, мемуарах участников, великом романе «Война и мир», картинах и литографиях, появлявшихся в течение столетия со дня битвы. В каком-то смысле эта картина стала некой завершающей визуальной коммеморативной практикой в процессе конструирования образа Отечественной войны 1812 г., вошедшей в историю России как символ патриотизма и героизма российской армии и народа.

Панорама была открыта 29 августа в 1912 г. в специально построенном павильоне на Чистых прудах в Москве в присутствии Императора и членов царствующей фамилии. «29 августа 1912 г. Его Императорское Величество Государь Император вместе с Августейшими Дочерьми Великими княжнами Ольгой, Татьяной и Марией Николаевнами, изволил посетить панораму Бородинской битвы на Чистопрудном бульваре... Громадное здание панорамы было красиво убрано флагами и транспарантами с государственными гербами. При осмотре панорамы императором, пояснения давал Ф. А. Рубо и генерал Б. М. Колюбакин»². Картина запечатлела ряд эпизодов Бородинской битвы: «Командный пункт генерала Д. С. Дохтурова», «Гвардейские полки отражают атаки французской кавалерии», «Схватка русских гренадер с дивизией Фриана», «Семеновское (Багратионовы) флешы», «Командный пункт Наполеона», «Атака саксонских кирасир», «Кавалерийский бой

¹Цит. по: Герасимова. Г. И. Великая картина великого подвига. Панорама «Бородино» по материалам коллекций ГПИИБ. С. 67.

² Высочайшее посещение панорамы «Бородино» // Московские ведомости. 1912. № 200.

во ржи», «Подвиг неизвестного героя», «Горки – командный пункт русского главнокомандующего фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова», «Раненого генерала П. И. Багратиона увозят с поля битвы». Каждый из этих эпизодов был столь мастерски и тщательно прорисован, что мог стать сюжетом для отдельного полотна. В. Н. Земцов отметил, что «Панораму «Бородинская битва» следует воспринимать как художественное произведение, не просто воскрешающее прошлое, но призванное отразить общественные, нравственные, государственно-патриотические и прочие идеи автора и его заказчиков»¹. Все сюжетные линии как единое целое создают масштабное визуальное изображение образа Бородинского сражения, складывавшегося на протяжении XIX в. в российской мемуаристике, поэзии, исторической науке и художественной культуре. Произведение отразило в себе идеалы самоотверженности русского духа. Таким образом, Ф. А. Рубо в своем полотне воплотил своего рода «русский национальный миф о Бородинском сражении». Панорама заняла центральное место в комплексе визуальных коммеморативных практик в период празднования юбилея войны, инициированной лично императором Николаем II.

Начало XX столетия ознаменовалось подготовкой к предстоящему масштабному празднованию юбилея победы. Большую значимость в период юбилейных мероприятий приобрела монументальная форма коммеморации – строительство памятников и монументов, посвященных памяти о войне 1812 г., что воплотились в создании огромного комплекса так называемых «мест памяти» войны 1812 г. Центральным стало Бородинское поле, ритуализация которого началась еще в 1839 г., при торжественном освящении монумента в память доблестных защитников. Активное благоустройство мемориального комплекса происходило в 1912 г. при поддержке государственных структур. Восстановительные работы на Бородинском поле производились под общим руководством московского губернатора В. Ф. Джунковского,

¹ Земцов В. Н. Панорама Ф. А. Рубо «Бородинская битва»: история одного национального мифа// Вопросы всеобщей истории. 2012. Т. 14. С. 40.

оставившего в своих мемуарах ряд заметок о планировании празднования 100-летнего юбилея¹. Основой для подготовки поля к торжествам стал проект полковника Генерального штаба В. П. Никольского по восстановлению важнейших укреплений и шоссе. Важной частью плана стал процесс установки обелисков. Всего на Бородинском поле было сооружено 35 монументов.

Памятник Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову по проекту П. А. Воронцова-Вельяминова был сооружен в 1912 г. на средства государственной казны, вблизи от села Горки. Монумент был установлен на месте, где М. И. Кутузов руководил войсками в день Бородинской битвы. Над барельефом располагается фраза из рапорта Кутузова Александру I об итогах Бородинского сражения: «Неприятель отражен на всех пунктах»². На подъезде к Спасо-Бородинскому монастырю расположился памятник «Благодарная Россия – своим защитникам», построенный в 1912 г. по проекту архитектора С. К. Родионова. На одной из сторон памятника цитата императора Николая II: «Содеянные вами подвиги неизгладимо будут жить в памяти благородного Отечества». Большинство памятников Бородинского поля были установлены в год празднования 100-летия Бородинской битвы, в 1912 г. Но были и более ранние, и более поздние монументы. В 1913 г., с согласия императора, на Бородинском поле был установлен памятник «Мертвым Великой армии» («Павшим Великой армии»). Монумент находится на месте командного пункта Наполеона в день генерального сражения, близ Шевардинского редута, установлен в честь памяти о французских солдатах, генералах и офицерах, погибших в ходе легендарного сражения.

Так на Бородинском поле появлялись обелиски, часовни, колонны, гранитные глыбы с крестами и двуглавыми орлами. На памятниках наносились информативные надписи, в которых указывались название воинской части, численность, по-

¹ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 50.

² Анфилатов В. Памятник Кутузова. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mozhaysk.su/tr=04_0borod/04_2monum/01_kutuz (дата обращения: 06. 06. 2016).

тери соединения в Бородинской битве, а также добавлялись слова о значении подвига павших. Так были реализованы предложения 76 воинских формирований, принимавших участие в организации установки памятников.

Продолжались работы по облагораживанию поля именно как Бородинского музейного комплекса. Прежде всего необходимо отметить постройку шоссе между станцией железной дороги, деревней Семеновской и Бородинским дворцом, затем – между деревней Семеновской и монастырем, станцией и Утицким курганом. Дорога от деревни Горки к Масловским укреплениям во многих местах была замощена, проведены трубы и мост. Московское губернское земство осуществляло общее руководство рабочим процессом. Хотя шоссе строилось наспех, дождливые дни 22–24 августа показали его надежность. Кроме дорожных работ саперы восстановили Шевардинский редут и 3 левую флешь¹. В 1912 г. к 100-летию Бородинского сражения по проекту архитектора В. Воейкова была перестроена сторожка инвалидов у Батареи Раевского, в которой открылась юбилейная экспозиция. Были отреставрированы Шевардинский редут, Южная Багратионова флешь, Масловские флешы. Кроме территории Бородинского поля, в течение всего 1912 г. памятники устанавливались в самых разных городах и регионах. Например, обелиск русской славы (Памятник 55-му пехотному Подольскому полку), установленный в приднестровском городе Бендеры, монумент на территории Двинской (Динабургской) крепости в Латвии. В честь празднования 100-летней годовщины войны в Риге также был установлен памятник Барклаю-де-Толли.

Таким образом, юбилей победы в Отечественной войне 1812 г. способствовал благоустройству и окончательному закреплению за Бородинским полем звания «центрального места памяти» об Отечественной войне 1812 г., а также его становлению как масштабного музея-заповедника под открытым небом. Кроме того, появились монументы в местах основных сражений. Следует отметить, что наиболее ярко и полно государственный уровень формирования коммеморативных практик

¹ Никольский В. П. Бородинская битва и ее 100-летний юбилей. 24–26 августа 1812–1912. М., 1913. С. 30.

отразился в 1912 г. в процессе организации и финансировании юбилейных торжественных мероприятий, сопровождаемых участием императорской семьи, высокопоставленных гостей и общественности.

Празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. изначально планировалось как всенародное торжество, призванное сгладить социально-экономические противоречия, возникшие в начале XX в. на фоне революции и поражения в Русско-японской войне. Г. Н. Ульянова отметила, что «в процессе подготовки к масштабной церемонии войны можно выделить несколько узловых пунктов: подготовку Бородинского поля как основного места праздника, разработку церемонии как массового народного действия, презентацию императора и власти в целом во время торжеств»¹. Таким образом, юбилей войны 1812 г. должен был превратиться в демонстрацию незыблемых устоев императорской власти в целом и семьи Романовых в частности.

Всю координацию по подготовке к предстоящим торжествам взяло на себя Военно-историческое общество под председательством генерала Владимира Гавриловича Глазова. Сохранилось большое количество циркуляров, посвященных планированию и проведению юбилейных торжеств, в которых подчеркивается исключительное значение этого знаменательного события: «Предстоящему юбилею высочайше повелено придать характер общенародного торжества. В соответствии с сим, к участию в предстоящих торжествах должны быть привлечены обширные слои общества и населения государства. Празднование юбилея имеет быть организовано повсеместно как в Петербурге, так и в других более или менее крупных центрах России при широком ознакомлении подрастающего поколения и народа со значением празднуемого события для России»². При этом подчеркивалась преемственность традиций празднования юбилеев этого события: «Празднества явились, как бы, продолжением празднеств 1839 г., когда император Николай освящал монумент на батарее Раевского и маленький домик для инвалидов»³.

¹Ульянова Г. Н. Юбилей Бородинской битвы и проблема трансформации исторической памяти: историография и периодизация // Эпоха 1812 г. в судьбах России и Европы. С. 504.

² ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 842. Л. 4.

³ Никольский В. П. Бородинская битва и ее 100-летний юбилей. 24–26 августа, 1812–1912. С. 29.

Планирование юбилея также необходимо проанализировать с точки зрения уровня распространения коммеморативных практик и масштабов их реализации. В этом отношении именно в праздновании 100-летия победы в войне можно на наглядных примерах проследить общероссийский и региональный уровни. Центральным местом празднования торжества стала Москва, а также Бородинское поле (см приложение 11–18). Подобный выбор логичен: Москва является главным городом памяти о войне 1812 г., а Бородино – главное «место памяти». Как для двух столиц, так и для губерний Министерство народного просвещения разработало примерно одинаковый план проведения торжества, включавший следующие пункты:

1. Проведение церковно-религиозных мероприятий (торжественные панихиды, благодарственные молебны и заупокойные литургии).

2. Проведение крестного хода.

3. Проведение военных парадов.

4. Проведение народных чтений священниками и преподавателями школ.

5. Организация поучительных бесед, тематических чтений и лекций о значении Отечественной войны 1812 г. в учебных заведениях страны.

6. Показ «туманных картин» (т.е. изображений, полученных с помощью аппарата для проекции).

7. Пение народных гимнов и патриотических песен с раздачей брошюр и картин из истории Отечественной войны 1812 г.

8. Иллюминация городов и селений, украшение флагами и транспарантами;

9. Организация народных гуляний ¹.

Проведение всех основных мероприятий было запланировано на 25–26 августа 1912 г.

Следует отметить большую роль церковного богослужения в юбилейных программах. Это пример того, как воспоминания о прошлых событиях превраща-

¹ ГИА ЧР. Ф. 211. Оп. 2. Д. 138. Л. 9–9 об; Ф. 207. Оп. 1. Д. 842. Л. 4–5.

ются в объекты религиозного почитания. «Заупокойные, молебны, панихиды придавали памяти о трагических событиях и героях прошедшей войны некий сакральный, ритуализированный характер»¹.

К началу торжеств была проведена тщательная подготовительная работа. Задолго до августа 1912 г. по всей России губернаторами были сделаны запросы о наличии живых свидетелей войны 1812 г. В. П. Никольский отметил, что таких свидетелей «оказалось всего 25 человек, каждый из которых на тот момент был в возрасте более 110 лет. Исключением был очевидец сражения под Клястицами И. Машарский, которому на тот момент было 108 лет. Самому старшему из этих стариков А. И. Винтонюку, в годы войны служившего фельдфебелем, шел 123-й год. Он был слаб настолько, что не мог ходить без посторонней помощи»². Никольский отмечает, что на торжества смогли прибыть только пятеро из ветеранов.

В древней столице Москве, основные торжественные мероприятия прошли на Бородинском поле в присутствии императорской семьи. В ожидании прибытия Николая II на поле было сосредоточено 16-тысячное войско. Генерал-майор Владимир Павлович Никольский, начальник Штаба Отдельного корпуса жандармов оставил подробное описание Бородинских торжеств, на основе которых можно реконструировать весь ход мероприятий практически по часам. Торжественная императорская процессия началась 25 августа с посещения Николаем II и членами царской семьи Спасо-Бородинского монастыря, с объездом войск, а затем дома инвалидов. К этому времени к императорской семье подошел крестный ход из Колоцкого монастыря со Смоленской иконой Божьей матери. Затем крестный ход во главе с императором направился к батарее Раевского, где Московским митрополитом была совершена панихида по императору Александру I и всем павшим в войну. Там были выстроены воинские части, предки которых участвовали в Бородинском сражении. У могилы Багратиона ожидали начала торжеств генералы, адмиралы, а

¹ Дмитриева О. О. Празднование 100-летнего юбилея отечественной войны 1812 г. в учебных заведениях чувашского края // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения). Сб. ст. Чебоксары, 2014. С. 156.

² Никольский В. П. Бородинская битва и ее 100-летний юбилей. 24–26 августа 1812–1912. С. 31–32.

также офицеры и представителей различных ведомств. По окончании панихиды состоялся торжественный обнос иконы вдоль войск в сопровождении Николая II и великих князей¹. Закончив объезд, император в сопровождении свиты подошел к старикам-ветеранам. Он беседовал с ними, подходил к каждому, спрашивал о прежней службе, о жизни. И когда кто-то из них пытался встать, государь запрещал это делать. Великие князья стояли тут же, перед старыми ветеранами². В. Ф. Джунковский в своих мемуарах отмечал, что эти старики «мало что помнили и давали довольно неопределенные показания»³, а временами и вовсе малодостоверные, довольно комичные.

Позже император принял участие в открытии памятника кавалергардов и конной гвардии, по завершении которого направился к восстановленной Семеновской флешки и поблагодарил солдат 3-й роты Гренадерского саперного батальона за работу по восстановлению территории Бородинского поля. Николай II в дневниках оставил свои впечатления о предъюбилейных мероприятиях 25 августа: «В 10 час. приехали на станцию Бородино... В 2 часа поехали в Спасо-Бородинский монастырь. Осмотрев все интересное отправились к месту знаменитой батареи Раевского... затем направились к зданию Бородинского музея. В саду поговорил с участником сражения, которому было 122 г. и с несколькими очевидцами Отечественной войны... Все это было очень торжественно и красиво»⁴ (см. приложение 22). Особое впечатление на царя произвела встреча с ветеранами, о которой он писал своей матери: «Удалось привезти несколько стариков, помнящих нашествие французов, но самое главное между ними находился один участник сражения, бывший фельдфебель Витонюк 122 лет. Подумай только – говорить с человеком, который все помнит и рассказывает всякие подробности боя!»⁵ К вечеру территория Бородинского

¹ Никольский В. П. Бородинская битва и ее 100-летний юбилей. 24–26 августа 1812–1912. С. 30.

² Кузнецов А., Чепурнов Н. Медаль «В память 100-летия Отечественной войны 1812 г.». [Электронный ресурс]. URL: Rusempire.ru (дата обращения: 27.11.2017)

³ Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 18–19.

⁴ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 259. Л. 1–2.

⁵ Цит по: Хрусталева В. Бородино сто лет тому назад // Журнальный зал. 2012. № 9. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2012/9/h10.html>. (дата обращения: 23. 11. 2016).

поля была красочно иллюминирована: электрические огни освещали Спасо-Бородинский монастырь и домик инвалидов, военный прожектор бросал электрический свет во все стороны поля.

Официальное чествование на Бородинском поле началось 26 августа 1912 г. в 7 час. утра пятью пушечными выстрелами первой гренадерской артиллерийской бригады. День был солнечным. В. П. Никольский подробно описывает день торжества: «В Спасо-Бородинском монастыре началось богослужение, после чего был совершен крестный ход и благодарственное молебствие, по окончании которого министром императорского двора вручил императору Николаю юбилейную золотую медаль. Такую же медаль возложили к могиле Багратиона»¹. Затем состоялся высочайший объезд войск императором и церемониальный марш войск. По завершении официальной торжественной части император и приглашенные гости направились в летний Бородинский дворец, где был устроен торжественный завтрак для офицеров, участников парада и приглашенных деputationей. Николай II отметил: «Парад был очень красив по разнообразию форм одежды... Впечатления от пережитого самые отрадные»². По окончании завтрака император направился на объезд Бородинского поля. Он посетил памятник М. И. Кутузову, монументы Семеновской флешки, а затем на автомобиле отправился на Шевардинский редут. Когда стемнело, император отбыл в свою ставку. Вечером здание Спасо-Бородинского монастыря, памятники поля также были ярко иллюминированы и освещены.

Одновременно праздничные мероприятия проходили и в Москве. При подготовке московских торжеств учитывался тот факт, что Бородинское поле, ввиду географических особенностей, не представляет возможным разместить продовольствие и расположить большое количество гражданских лиц. Поэтому мероприятия в Бородино были в основном церковной и военной тематики. Высочайше утверждённая межведомственная комиссия по подготовке торжеств сочла, что в отличие от Бородинских, московские торжества будут иметь общенародный характер, при

¹ Никольский В. П. Бородинская битва и ее 100-летний юбилей. 24–26 августа 1812–1912. С. 33–34.

² ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 259. Л. 4–5.

участии дворянства, земства и городского управления¹. Основные мероприятия в Москве начались уже после Бородинских. Утром 27 августа народ собрался возле Кремля. Крыльцо у Соборной площади застелили красными коврами. Императорская семья въехала в Кремль через Спасские ворота. «Выход всей царской семьи в Успенский собор сопровождался звоном колоколов. Свиту Государя встречал митрополит Владимир. Императорская чета, поклонившись народу, прошла в Успенский собор. Из собора были вынесены ставшие ветхими боевые знамена 1812 г., когда-то обожженные и простреленные пулями на поле сражений. Началась служба и молебен с коленопреклонением к боевым реликвиям»². Продолжились торжества 29 августа в стенах храма Христа Спасителя, в котором собралась вся высшая государственные сановники. А. А. Кузнецов, Н. И. Чепурнов отмечают, что «правую сторону заняли места для лиц императорской фамилии, позади находились лица из государственной свиты. Также по правую сторону стояли военные в мундирах, по левую сторону – сановники. На клиросе – синодальные певчие в белых с синим кафтанах. Митрополит Владимир с епископами Анастасием Серпуховским и Василием Можайским в белых серебряных облачениях совершили торжественную литургию»³. После императорская семья отправилась на выставку 1812 г. в Историческом музее, а также посетила панораму Ф. Рубо.

Юбилейные мероприятия, состоявшиеся 30 августа 1912 г. на Красной площади, были завершающими. Они включали крестный ход под звон московских колоколов и гром пушек с Кремлёвской стены. Был зачитан высочайший императорский манифест, совершен благодарственный молебен под пение московских духовных хоров. После обеда крестный ход направился в Успенский собор. В это время войска и народ стали расходиться под звуки музыки. На этом завершилась торжественная неделя в честь столетнего юбилея победы 1812 г.⁴ Николай II так охарактеризовал заключительное мероприятие: «...30-го августа – последний день в

¹ ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 3. Д. 6667. Л. 42.

² Никольский В. П. Бородинская битва и ее 100-летний юбилей. 24–26 августа 1812–1912. С. 35.

³ Кузнецов А. А., Чепурнов Н. И. Наградная медаль. М.: Патриот, 1992. С. 219–220.

⁴ Русское духовенство и Отечественная война // Кормчий. 1912. № 35–37.

Москве – пошли в Успенский собор...Толпа на площади была громадная, целое море голов – тишина и спокойствие полные»¹.

Таким образом, центральными местами празднования 100-летия Отечественной войны 1812 г. стали Москва и Бородинское поле. Однако не менее важен анализ празднований, прошедших в столице Российской империи – г. Санкт-Петербурге. О столичных юбилейных мероприятиях мы можем судить на основе сохранившихся архивных документов. Был создан особый «Высочайше утвержденный порядок торжественного празднования 100-летия Отечественной войны 1812 г. в Санкт-Петербурге», благодаря которому возможно воссоздать и проанализировать порядок празднований. «Основные торжества начались, как и по всей территории страны, 25 августа 1912 г. в 10 утра у Петропавловского собора, архиерейским служением была совершена заупокойная литургия и панихида по императору Александру I и павшим в бою вождям и воинам. По окончании службы на гробницу императора Александра I была возложена особая юбилейная медаль в память о войне»².

Архивные документы подробно описывают состав приглашенных на торжество гостей: «На заупокойную литургию и панихиду в Петропавловский собор были приглашены: члены Святейшего Синода; члены Государственного Совета, главноуправляющие, сенаторы, статс-секретари; Первые и Вторые Чины Высочайшего Двора, Придворные Кавалеры и Кавалеры Великокняжеских Дворов, имеющие придворное звание; особы из свиты его императорского величества, их императорские высочества Великие Князья; генералы и адмиралы, штаб и обер-офицеры Гвардии, армии и флота; С.-Петербургские Градоначальники и Губернатор; уездные предводители Дворянства С.-Петербургской губернии; Председатели Губернской и Уездных Земских Управ С.-Петербургской губернии; С.-Петербургский Городской Голова и Представители С.-Петербургского городского общественного Управления; Городские Головы и равнозначные им лица прочих городов С.-Петербургской губернии; волостные старшины, а также находящиеся в С.-Петербурге

¹ Цит по: Хрусталева В. Бородино сто лет тому назад // Журнальный зал. 2012. № 9. [Электронный ресурс]. URL:<http://magazines.russ.ru/october/2012/9/h10.html> (дата обращения: 12. 12. 2017)

² ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д. 415. Л. 1–1 об.

потомки генералов, штабов и обер-офицеров, участвовавших в Отечественной войне 1812 г.»¹ В тот же день в Казанском Соборе была совершена заупокойная литургия и панихида. В военно-учебных заведениях столицы, в частях войск и в морских командах петербургского гарнизона и на расположенных на Неве военных судах, после вечерней зари, состоялись чтения, сопровождавшиеся показом световых картин о Бородинском сражении и об историческом значении Отечественной войны².

Двадцать шестого августа, в 8 час. утра, пятью пушечными выстрелами Санкт-Петербургской крепости столице было возвещено о том, что в этот день состоится торжественное празднование 100-летия Отечественной войны. На Неве, по распоряжению морского начальства, между Троицким и Николаевским мостами, расположились эскадренные миноносцы, а ниже Николаевского моста – крейсера. Суда были расцвечены флагами. В 9 час. утра из Исаакиевского Кафедрального Собора во главе с Преосвященным Архиепископом по Адмиралтейскому и Невскому проспектам в направлении Казанского Собора последовал крестный ход, который по прибытии был встречен крестным ходом Казанского Собора. В Казанский Собор на божественную литургию собираются в 9 час. утра приглашенные гости: члены Святейшего Синода, члены Государственного Совета, главноуправляющие, сенаторы, свита его императорского величества, великие князья, потомки генералов и офицеров, участвовавших в Отечественной войне и другие приглашенные гости торжеств³.

По вступлении крестного хода в Казанском Соборе была совершена архиепископским служением божественная литургия с пастырским поучительным словом. По ее окончании на гробницу фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского в Казанском Соборе была возложена медаль в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. Такая же медаль по распоряжению военного начальства была возложена на находящуюся в Лифляндской губернии могилу фельдмаршала князя Барклая-де-Толли. Затем крестный ход из Казанского собора вышел на дворцовую площадь к Александровской колонне и прошел по Невскому проспекту и Морской улице. Ко

¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 415. Л. 1.

² Там же. Л. 1об.

³ Там же. Л. 2.

времени его прибытия на Дворцовой площади по распоряжению военного начальства уже были расположены военно-учебные заведения и войска. Там же располагались воспитанники и учащиеся учебных заведений столицы и Санкт-Петербургской губернии. По прибытии крестного хода к Александровской колонне был совершен благодарственный молебен. В это время находящиеся в строю войска отдали честь, а с Петропавловской крепости и расположенных на Неве военных судов была произведена пальба из орудий. Протодьякон провозгласил многолетие державе российской, всероссийскому воинству и всем верноподданным¹. После отбытия крестного хода перед фронтом войск начальниками частей был прочитан высочайший приказ армии и флоту по случаю 100-летия Отечественной войны. Войска прошли церемониальным маршем перед Александровской колонной, затем воспитанники и учащиеся учебных заведений столицы прошли перед Александровской колонной. В этот день во всех учебных заведениях столицы были устроены торжественные акты с раздачей книг и брошюр, относящихся к событиям Отечественной войны 1812 г. Для учащихся и народа устраивались чтения о событиях войны, концерты и театральные представления. Санкт-Петербург был украшен флагами, а вечером столица и расположенные по Неве военные суда были иллюминированы² (см. приложение 19). Таким образом, торжественные церемонии стали одной из важнейших форм коммеморативных практик в 1912 г. Они были типовыми, проводились по заранее разработанному шаблону. Тем не менее они важны для анализа церемониальной формы коммеморации, проводившейся в этот период повсеместно. При этом важная роль в осуществлении церемониальных сценариев отводилась Николаю II и членам императорской семьи.

Значительное число юбилейных мероприятий проходило в московских учебных заведениях. В циркулярах неоднократно указывалось, что мероприятия должны проводиться при «широком ознакомлении подрастающего поколения со значением празднуемого события для России». В этом отношении роль учебных

¹ ГАРФ. Ф.601. Оп. 1. Д. 415. Л. 2об.–3.

² Там же. Л. 3об.

заведений в процессе празднования была очень высока. Мероприятия в них проходили по общему плану, разработанному Министерством народного просвещения:

«1. Совершение молебнов 25–26 августа (накануне и в день Бородинского боя).

2. Проведение торжественного акта 26 августа, открываемого речью начальника учебного заведения или учителя и посвященного «разъяснению вопроса о значении Отечественной войны». При этом приветствовалось чтение литературных произведений о войне 1812 г., демонстрация хоровых и музыкальных пьес. Обязательной была раздача учащимся специальных юбилейных брошюр, художественных картин о войне 1812 г., а в заключение – исполнение народного гимна.

3. Организация участия потешных рот или классов в военном параде (при наличии таковых в школах).

4. Украшение зданий учебных заведений национальными флагами, гирляндами (по возможности, иллюминация), установка на особых возвышениях портретов или бюстов императора Александра и его знаменитых соратников.

5. Оснащение библиотек литературными и историческими произведениями о событиях Отечественной войны 1812 г.

6. Организация образовательных экскурсий в города и местности, связанные с воспоминаниями об Отечественной войне, а также посещение музеев, галерей и исторических собраний, где хранятся реликвии 1812 г.

7. Учреждение при учебных заведениях «особых стипендий с присвоением таковым наименований событий и лиц, особо прославленных в указанную выше войну»¹. При этом министерство подчеркнуло, что на местах возможны отступления от общей программы, если в заведениях отсутствуют средства и возможности для проведения всех пунктов плана.

Попечитель Московского учебного округа А. А. Тихомиров в циркуляре директорам мужских и женских учебных заведений рекомендовал провести юбилейные мероприятия в течение августа 1912 г. «В округе была образована юбилейная

¹ О порядке и форме празднования по учебному ведомству 100-летнего юбилея Отечественной войны // Русская школа. 1912. № 3. С. 6–7.

Комиссия, составившая рекомендательный перечень мероприятий в школах в рамках готовящихся торжеств. В частности, целесообразными были названы: создание в учебных заведениях потешных рот, устройство ученических хоровых коллективов, бесплатная раздача учащимся иллюстрированных юбилейных брошюр»¹. Особое значение А. А. Тихомиров придавал организации внеклассных и внешкольных занятий. Циркуляр от 14 января 1911 г. рекомендовал в целях устройства экскурсий в Москве и пригороде создавать в школах экскурсионные комиссии из состава педагогических кадров². В целом, попечитель отмечал: «чтобы участие воспитанников казенных учебных заведений в юбилейных торжествах выразилось как можно ярче и полнее, для чего желательно, чтобы ученики были обучены военному делу, чтобы из них были образованы отряды потешных войск. Кроме того, желательно чтобы ученики приняли участие в Бородинских торжествах»³. В итоге, совещание по подготовке юбилея, состоявшееся 13 января 1912 г. постановило, что учебные заведения должны создать отряд в 30 человек, обученных военному строю и ружейным приемам⁴.

Для выработки общей программы московских мероприятий в средних учебных заведениях 11 августа 1912 г. состоялось заседание представителей педагогических советов и начальниц женских гимназий Московского учебного округа. В итоге в августовских торжествах приняли участие ученицы женских гимназий для исполнения музыкальных номеров «Гимн-марш» и «Славься»⁵. Кроме того, для наиболее полного привлечения учащихся учебных заведений было решено отменить учебные занятия с 26 августа по 1 сентября. А занятия, приводившиеся до 26 числа, должны были закончиться до 11 час., чтобы ученицы могли присутствовать на репетиции торжеств при учебных заведениях⁶.

Исследователь Н. С. Ватник обращает внимание на то, что первоначально «главным событием для московских учебных заведений должна была стать «большая

¹Ватник Н. С. Средние учебные заведения Москвы в праздновании 100-летия отечественной войны 1812 г. // Грамота. 2012. № 10 (24). С. 59.

² ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 3. Д. 6286. Л. 48.

³ ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп.3. Д. 6667. Л. 9об.

⁴ Там же. Л. 242.

⁵ ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 3. Д.6666. Л. 165.

⁶ Там же. Л. 165об.

прогулка» учащихся по маршруту движения российских войск в Филях в 1812 г. В прогулке должны были принять участие около 7000 воспитанников гимназий и училищ города Москвы, что говорит о большом размахе запланированного совещанием мероприятия. Прогулка приурочивалась ко дню начала учебных занятий после летних каникул (т. е. в середине августа) и следовало предварить её ознакомительными лекциями и беседами о смысле торжеств»¹.

В июне было принято решение о проведении императором высочайшего смотра представителей учебных заведений в Московском Кремле, запланированного на 29 августа 1912 г. Этот парад должен был стать важной частью общегосударственных торжеств. Планировалось прибытие более 600 представителей уездов. В этом мероприятии самое многочисленное участие приняли учащиеся московских заведений. В циркуляре Министерства народного просвещения к попечителю Московского учебного округа отмечено: «Необходимо озаботиться составлением из числа отличнейших по успехам, примерному поведению и безукоризненным нравственным качествам учеников старших классов особой депутации до 100 человек. Во главе депутации должен стоять директор одного из учебных заведений. Форма одежды должна быть установленного образца»². Таким образом, участие в этом параде должно было стать знаком отличия и особой честью. В целом можно отметить большую подготовительную работу среди учащихся.

Двадцать второго августа в учебных заведениях были организованы мероприятия, получившие название «литературное утро». В программу входило выступление преподавателей истории по поводу значения событий 1812 г. «Большая ученическая» прогулка состоялась 23 августа 1912 г. в Москве. Это была важная коммеморативная практика, направленная на патриотическое воспитание молодежи. В 9 час. утра, учащиеся в сопровождении педагогов собрались на Царской площади Кремля. Каждая школа сформировала роту. Образовавшаяся колонна че-

¹ Ватник Н. С. Средние учебные заведения Москвы в праздновании 100-летия отечественной войны 1812 г. С. 60

² ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 3. Д. 6667. Л. 36.

рез Боровицкие ворота, Арбат и Дорогомиловскую заставу направилась к Кутузовской избе. Здесь в полдень отслужили панихиду, по окончании которой учащиеся направились к Шелапутинскому парку, куда заблаговременно были доставлены съестные припасы. Отдохнув, они организованно возвратились в город. Директором императорского лицея был подготовлен отчет о ходе прогулки. Он отметил, что «все воспитанники были в вагонах городского трамвая и после пересадки у Дорогомиловского моста благополучно были доставлены в учебные заведения к вечеру»¹. С 25 августа окружные делегации для проведения всероссийского парада учащихся начали съезжаться в столицу. На вокзалах их встречали представители московских учебных заведений, а затем провожали в гостинцы и школы. Высочайший смотр состоялся 29 августа в Кремле, на Царской и Сенатской площадях. В нем приняли участие 650 учащихся, делегатов от учебных округов империи, почти 3000 воспитанников московских учебных заведений².

Учебные заведения активно содействовали в проведении московской части празднования 100-летия победы в Отечественной войне 1812 г. В мероприятии было задействовано более 6 тыс. человек. Газета «Московские ведомости» писала по этому поводу: «Высочайшие смотры учащимся – дело у нас совсем новое, недавно зародившееся и едва начинающее прививаться; но это – дело великого значения. Это Высочайшая проверка того, что делается для оздоровления юношества»³. Участие учеников учебных заведений в юбилейных праздничных мероприятиях стало самостоятельным направлением государственной молодежной политики в России. Это вполне объяснимо, так как привлечение подрастающего поколения к общероссийскому торжеству на государственном уровне являлось важной задачей в процессе формирования исторической памяти об эпохе 1812 г. среди молодежи.

Таким образом, в начале XX в., в процессе празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г., особое значение приобрела церемониальная форма ком-

¹ ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 3. Д. 6666. Л. 103.

² Ватник Н. С. Средние учебные заведения Москвы в праздновании 100-летия отечественной войны 1812 г. С. 61.

³ Московские ведомости. 1912. № 200. С.1.

меморативных практик. Необходимо особо подчеркнуть, что инициатором их реализации выступали государственные органы власти, курировавшие процесс как на региональном, так и на общероссийском уровне. Процесс осуществления мероприятий был четко регламентирован еще на подготовительных этапах. В связи с этим общая тональность в праздновании 100-летнего юбилея войны имела некий формалистский оттенок. В то же время официальные юбилейные церемонии привлекали внимание общественности к событиям вековой давности, а также вновь актуализировали память об Отечественной войне 1812 г. Можно сделать вывод, что, во второй половине XIX – начале XX в. Отечественная война 1812 г. воспринималась как одно из ключевых событий российской истории. Важнейшей особенностью данного периода является то, что к 1912 г. в России сформировалась четкая структура коммеморативных практик, что проявлялось в трех основных направлениях:

1) в наличии субъектов инициирования коммеморативных практик на групповом, общественном и государственном уровнях. Например, групповой уровень проявился в деятельности служащих Московско-Брестской железной дороги по созданию тематической военной экспозиции на станции Бородино, возведению памятников героям Бородинской битвы на средства воинских частей и т. п. Отечественная война 1812 г. оказала большое влияние на российское общество. Масштабное празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. стало апофеозом применения коммеморативных практик государственного уровня, когда именно от государственной власти исходила инициатива по осуществлению и финансированию юбилейных торжеств;

2) в четком выявлении использования коммеморативных практик на общероссийском и региональном уровнях. Особенность анализируемого периода заключается в том, что как никогда ранее губернии и уезды в начале XX в. приняли самое активное участие в праздновании 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г.;

3) в активном использовании на всех уровнях основных форм коммеморативных практик (нарративных, визуальных, монументальных, церемониальных).

**ГЛАВА 3. РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ТОРЖЕСТВ В ЧЕСТЬ 100-ЛЕТНЕГО
ЮБИЛЕЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.
(НА ПРИМЕРЕ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ И АЛАТЫРСКОГО
УЕЗДА СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

В XIX в. формировались три основных уровня реализации коммеморативных практик: общероссийский, региональный и локальный. При этом общероссийский масштаб выражался в осознании российской общественностью важности событий Отечественной войны 1812 г. и в деятельности государства по актуализации памяти о ней. Региональный уровень предполагал целенаправленное использование коммеморативных практик на территории всех губерний и уездов Российской империи.

На региональном уровне в XIX в. можно было отметить отдельные случаи использования коммеморативных практик. Яркий тому пример – деятельность уроженца Алатыря, участника Отечественной войны 1812 г. генерал-майора П. А. Кикина. Он известен тем, что одним из первых высказал мысль о необходимости сохранения памяти в честь победы над Наполеоном посредством возведения величественного храма¹. Кроме того, в XIX столетии на территории Казанской губернии можно отметить отдельные проявления актуализации памяти 1812 г., что выразилось в фактах сбора пожертвований на изготовление памятной медали и памятник императору с дворян и городских сословий². Однако отдельные эпизоды не дают возможности проанализировать региональный уровень в полной мере.

В целях анализа регионального уровня коммеморативных практик была выбрана Казанская губерния. Еще в XIX в. здесь сложились предпосылки формирования мемо-

¹Скрипин М. С. Петр Андреевич Кикин. Воин-гражданин-меценат / Кочетков В. Д., Гусаров Ю. В., Скрипин М. С. Жизнь во славу Отечества. Город Алатырь в Отечественной войне 1812 г. Чебоксары, 2013. С. 133.

² Гусаров Ю. В., Чибис А. А. Отечественная война 1812 г. Документы и материалы из фондов ГИА ЧР. Чебоксары, 2012. С. 317.

риальной традиции. Уроженцы губернии приняли непосредственное участие в событиях Отечественной войны 1812 г. В начале XX в. память о них глубоко чтилась в общественном сознании губернии, что ярко отразилось в ходе масштабной работы по поиску оставшихся в живых ветеранов войны. Выбор Казанской губернии в качестве объекта для изучения коммеморативных практик был обусловлен ее региональными особенностями, выражающимися в многонациональном и многоконфессиональном составе населения.

Исследование фондов Национального архива Республики Татарстан (НА РТ), а также Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР) позволило ввести в научный оборот комплекс источников по данной теме и охарактеризовать общую картину празднований в Казанской губернии и ее уездах. Документы включают: циркуляры по Казанскому учебному округу; переписку попечителя Казанского учебного округа с директорами подведомственных учебных заведений по вопросам подготовки и организации юбилейных мероприятий; донесения и отчеты предводителей дворянства, городских глав и директоров учебных заведений о проведенных торжествах, протоколы совещаний, посвященных подготовке юбилея. С целью выявления воздействия на учащиеся проанализирован процесс подготовки и празднования юбилея в учебных заведениях Казанской губернии. Комплекс документов позволяет детально восстановить картину празднования не только в Казанской губернии, но и в уездных городах Чувашского края.

§ 3.1. Подготовка и празднование 100-летия Отечественной войны 1812 г. в городах и уездах Казанской губернии и в Алатырском уезде Симбирской губернии

Органами государственной власти был четко регламентирован порядок и характер проведения юбилея, как в столичных регионах, так и в провинции. Важным пунктом по подготовке стало региональное направление – подготовка юбилейных торжеств по заранее разработанному плану во всех губерниях и уездах Российской империи. Министерство народного просвещения составило типовую программу, на

которую ориентировались губернские власти и администрация, в связи с чем проводимые провинциальные юбилейные торжества были довольно схожи. Тем не менее в каждом из уездов городов и селений торжество проходило по своей, заранее утвержденной программе, учитывающей этноконфессиональные особенности.

Задолго до юбилея в губерниях и уездах неоднократно проводились особые совещания, на которых обсуждались варианты проведения празднования. Например, уже в апреле 1911 г. в Казани было организовано совещание представителей учебно-окружного управления, администрации, военного округа, различных учреждений и обществ, а также начальников и начальниц средних мужских и женских учебных заведений по поводу празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. и 300-летия царствования дома Романовых¹. Подобные совещания проходили также в уездах на территории Чувашского края².

Общая программа празднований подразумевала:

- проведение религиозных шествий, богослужений, литургий;
- организацию военных парадов, при условии возможности их проведения;
- привлечение учебных заведений и их учащихся: проведение школьных тематических мероприятий (беседы, лекции, показ туманных картин, литературные чтения и т. п.), пение народных гимнов, раздачу юбилейных брошюр³. Уже сама общая программа акцентировала внимание на том, что юбилей проводится в целях укрепления «в сознании народа тех начал и устоев, которыми когда-то спаслась Русь»⁴.

Общепринятую программу юбилейных мероприятий в городах и уездах Казанской губернии можно разделить на несколько основных блоков:

1. Праздничное украшение города.
2. Проведение церковно-религиозных мероприятий (литургии, панихиды, молебствия и крестные ходы).
3. Проведение военных парадов.

¹ ГИА ЧР. Ф. 211. Оп. 2. Д. 138. Л. 29–32.

² ГИА ЧР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 69; Ф. 307. Оп. 1. Д. 97.

³ НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12810. Л. 40–40 об.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 69. Л. 57.

4. Произнесение должностными лицами речей о значении победы в Отечественной войне 1812 г.

5. Показ туманных картин с использованием «волшебного фонаря» (аппарат для проекции изображений).

6. Организация народных гуляний. Запуск фейерверка.

В каждой губернии празднованию 100-летнего юбилея предшествовал длительный подготовительный этап, включавший различные направления. Например, особое внимание уделялось чествованию ветеранов Отечественной войны 1812 г. По всем губерниям начали активную поисковую работу, разыскивая доживших до 1912 г. участников войны. Казанская губерния в этом отношении не стала исключением. Министр внутренних дел А. А. Макаров в телеграфном распоряжении Казанскому губернатору отметил, что сведения обо всех живущих в губернии ветеранах и бывших в сознательном возрасте современниках-очевидцах Отечественной войны 1812 г. следует собрать безотлагательно¹. При этом необходимые сведения должны были включать следующую информацию: указание звания (солдат или ополченец), имя, фамилия, возраст, в каких сражениях 1812 г. участвовал, либо очевидцем какого события являлся. Эти сведения были необходимы для организации участия ветеранов войны в Бородинских торжествах.

В циркуляре Министерства внутренних дел от 31 мая 1912 г.² отмечалось, что необходимо разыскать на территории Казанской губернии прямых потомков участников Отечественной войны 1812 г. среди дворян. Поисковая работа началась еще в 1910 г. О. О. Федотова отмечает, что «Многие документы, в частности формулярные списки о службе, были утеряны. Их не оказалось не только в Дворянском собрании, но и в семейных архивах. Некоторые дворяне неуверенно писали, что их дед или дядя вроде бы воевали с французами или должны были воевать, так как были соответствующего возраста или служили в армии. У кого-то обнаруживалась

¹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5095. Л. 31.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12809. Л. 1.

какая-то награда или трофейная французская шпага»¹. Нужные сведения удалось восстановить, на основе чего был сформулирован список потомственных дворян-участников войны 1812 г. (см. приложение 23).

Поиски ветеранов и очевидцев войны начались во всех уездах губернии, были разосланы соответствующие циркуляры казанскому полицеймейстеру и уездным исправникам Казанской губернии с указанием собрать все необходимые сведения о вверенной им местности². Однако в своем рапорте казанский полицеймейстер сообщил что: «Очевидцев-современников Отечественной войны 1812 г. в Казани никого не оказалось»³. О том же свидетельствуют рапорты чебоксарского уездного исправника, а также казанского уездного исправника: «Ветеранов и бывших в сознательном возрасте современников-очевидцев в Казанском уезде не имеется»⁴. Таким образом, ветеранов и очевидцев Отечественной войны 1812 г. на территории Казанской губернии в 1912 г. выявить не удалось. Однако важным следствием поиска было создание списка участников войны. При проведении данной работы уделялось внимание созданию определенной преемственности, связи поколений в сохранении исторической памяти о войне.

Вторым направлением стал поиск потомков участников Отечественной войны 1812 г. среди дворянского населения. В мае 1910 г. губернаторам и губернским предводителям дворянства было разослано распоряжение высочайшей межведомственной комиссии по всестороннему обсуждению всех вопросов, связанных с предстоящим торжеством, в котором содержалось «пожелание собрать сведения о существующих потомках лиц, участвовавших в войне 1812 г., в видах возможности оказать им милости»⁵. Документы указывают на то, что уже в 1910 г. через губернаторов стали поступать многочисленные ходатайства от лиц, считавших себя

¹ Федотова О. О праздновании в Казанской губернии 195-летия Отечественной войны 1812 г. // Гасырлар авазы – эхо веков. 2007. № 1. [Электронный ресурс]. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2007_1/07/07_1/ (дата обращения: 17. 05. 2016)

² НА РТ. Ф.1. Оп. 4. Д. 5095. Л. 32.

³ Там же. Л. 34.

⁴ Там же. Л. 37.

⁵ НА РТ Ф.1. Оп. 4. Д. 5095. Л. 48.

потомками участников событий 1812 г., которые передавались в управление главного штаба, сосредоточившем делопроизводство юбилейной комиссии. Сроки подачи этих прошений ограничивались окончанием празднеств в августе 1912 г. В прошении должны были быть представлены доказательства родства, а также, «о каких именно особых милостях просит проситель во внимание к заслугам его предков»¹. Однако большинство этих ходатайств были отклонены. Особое внимание уделялось прямым потомкам генералов и офицеров, принимавших участие в Бородинском сражении. Им предоставлялось право принять участие в юбилейных торжествах в Москве. Канцелярия Казанского губернатора получила телеграмму от министра внутренних дел, в которой оговаривался порядок участия представителей губернии в торжественном праздновании в Бородино: «В конце августа 1912 г. от Казанской губернии в торжествах примут участие: губернский предводитель дворянства, один волостной старшина от всей губернии и не более 5 представителей инородческого населения, являющихся потомками участников Отечественной войны»². Был четко регламентирован порядок участия представителей губернии. В качестве волостного старшины от Казанской губернии был избран Бетьковский волостной старшина Александр Гаврилович Муравьев. В документах отмечается, что «волостной старшина должен прибыть в Москву 22 августа, где должен заявить о своем прибытии московскому градоначальнику и получить билет на торжества в Москву. Во время пребывания в Москве и в Бородино помещение для проживания и содержание старшины будет представлено Министерством внутренних дел»³.

В телеграмме московскому градоначальнику отмечалось, что «в качестве приглашенного гостя на московские торжества поедет потомственный дворянин, отставной коллежский секретарь Николай Николаевич Терлецкий, являвшийся прямым потомком по мужской линии офицера, принимавшего участие в Отечественной войне 1812 г.»⁴ В качестве подтверждающего документа, разрешающего

¹ НА РТ. Ф.1. Оп. 4. Д. 5095. Л. 50.

² Там же. Л. 65.

³ НА РТ. Ф.1. Оп. 4. Д. 5095. Л. 63–63.

⁴ Там же. Л. 76.

принять участие в праздничных мероприятиях, выдавалось специальное свидетельство, предъявляемое по прибытию в столицу. В свидетельстве Н. Н. Терлецкого указывалось, что «он внук по мужской линии полковника Антона Тимофеевича Терлецкого, в чине прапорщика, принимавшего участие в Бородинском бою. Во время войны офицер Терлецкий был ранен пулей на вылет и был пожалован орденами Святой Анны 2 класса и Святого Владимира 4 степени»¹. Об участниках делегации от Казанской губернии упоминается также в телеграмме, адресованной в управление московско-казанской железной дороги². К 22 августа на юбилейные торжества из Казани в Москву планировалось отправить делегацию в составе: Казанского губернского предводителя дворянства действительного Статского советника Сергея Сергеевича Толстого – Милославского, Казанского городского головы Сергея Андреевича Бекетова, председателя Казанской Губернской земской управы, одного волостного старшины – Александра Гавриловича Муравьева. К сожалению, в ходе исследовательской архивной работы не были обнаружены данные об их непосредственном участии в торжественных мероприятиях.

Следующим направлением подготовительного этапа являлась государственная наградная политика. Активное участие представителей местного самоуправления и интеллигенции в организации и проведении юбилейных торжеств активно поощрялось государством посредством представления к государственной награде – награждению особыми юбилейными медалями. Исследователь наградной системы Российской империи в начале XX в. Д. В. Шуняков выделяет особый период 1905–1914 гг., характеризующийся учреждением большого количества медалей, посвященных юбилею какого-либо знакового события из истории России: «50 лет Севастопольской обороны. 1855–1905 гг.»; «200 лет Полтавской победы. 1709–1909 гг.»; «25 лет существования церковно-приходских школ. 1884–1909

¹ НА РТ. Ф.1. Оп. 4. Д. 5095. Л. 78.

²Там же. Л. 111.

гг.»; «100 лет Отечественной войны. 1812–1912 гг.»; «В память 300-летия дома Романовых. 1613–1913 гг.»¹.

Медаль «В память 100-летия Отечественной войны 1812 г.» была учреждена Николаем II 15 (28) августа 1912 г., изготавливалась на монетном дворе и подразделялась нескольких видов:

«а) большие золотые для вложения на гробницы императора Александра I, героев-полководцев – князя Кутузова-Смоленского, князя Багратиона и графа Баркляя-де-Толли;

б) золотые медали для представления Его императорскому величеству государю императору, государыням императрицам и наследнику цесаревичу;

в) наградная светло-бронзовая медаль»². На лицевой стороне такой наградной медали был изображен император Александр, на оборотной стороне – слова из Манифеста 26 декабря 1812 г.: «Славный год сей минул, но не пройдут содеянные в нем подвиги». Юбилейные медали предназначались частям войск, участвовавших в войне 1812 г., а также лицам, принимавшим активное участие в организации мероприятий, связанных с юбилеем 1812 г.

Представители Казанской губернии также были представлены к награждению. Например, светло-бронзовые медали были пожалованы ординарным профессорам казанского университета С. С. Высоцкому и В. Ф. Залесскому за участие в работах по устройству празднеств в городе Казани. В то же время медали можно было приобрести за свой счет.

На подготовительном этапе хорошо виден общественный уровень реализации коммеморативных практик. Жители Казани предприняли ряд инициатив по увековечению памяти о героях Отечественной войны 1812 г. На Театральной площади был установлен временный памятник князю М. И. Кутузову³. Разработчиком

¹Шуняков Д. В. Наградная система российской империи в начале XX в. / Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: 2-х т. Екатеринбург, 2014. Т. 2. С. 339.

² ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 842. Л. 5.

³НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5095. Л. 109.

казанского памятника стал М. Густов. К сожалению, из-за нехватки средств памятник был выполнен из гипса, а снаружи оформлен хрупким материалом из папье-маше. Естественно, что долго просуществовать такой памятник не мог. Уже осенью 1912 г. он разрушился. Казанская общественность проявила инициативу при обсуждении возможности восстановления памятника из металла, был даже начат сбор средств на эти цели. Но затея сорвалась из-за начавшейся Первой мировой войны¹.

Кроме того, в период проведения совещаний по подготовке празднования в казанским старостой Алексеем Прокопьевичем Поляниным было изъявлено желание казанского купечества учредить богадельню для престарелых солдат, для чего было ассигновано пятьсот рублей на предварительное оборудование. В целях дальнейшей разработки этого вопроса было предложено предоставить купеческому старосте внести эту сумму в смету на 1915 г. На совещании избрали комиссию из четырех лиц: Е. Е. Софронова, А. В. Афанасьева, В. К. Апанаева и А. С. Сурова, которым собрание поручило обратиться ко всем учреждениям и сословиям с просьбой принять участие в этом мероприятии². Организацией торжеств в Казанской губернии заведовал особый организационный Комитет, под председательством полковника Гусева. Часть средств пожертвовал город (около 1 тыс. руб.), часть была выделена частными лицами (около 2 тыс. руб.). Кроме указанных средств, Обществом «Газ и электричество» бесплатно была отпущена электрическая энергия для освещения световых картин на правительственных и общественных зданиях, а «Обществом Трамвая» предоставлялись вагоны-платформы для передвижных живых картин и сопровождавших их оркестров³. В Казани была издана брошюра «В минуту скорби и славы», а Губернским Земством – брошюра «1812 год», причем последняя была издана на русском и татарском языках. Тем же Земством было устроено иллюминирование своих помещений на Черном Озере и в доме Ушаковой – на Воскресенской улице. Домовладельцы отнеслись к юбилею со всей ответ-

¹Лебедев А. Казань празднует столетие Бородинской битвы. [Электронный ресурс]. URL: <http://history-kazan.ru> (дата обращения 05. 07. 2017).

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12812. Л. 4.

³ НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12810. Л. 109–110.

ственностью. В 1-й части города на украшение своих зданий ими была израсходована большая сумма. Празднество на Мочальной площади устраивалось исключительно на добровольные пожертвования жителей 2-й части. Иллюминирование Фуксовского и Лядского садов, фейерверки и ограждение площади территории выставки произведено на добровольные пожертвования жителей 3-й части Казани. На устройство увеселений около здания на Соколовой улице и Набережной Кабана, на пускание ракет и фейерверка расходовались добровольные пожертвования жителей 4-й части города. Был зажжен фейерверк, подаренный магазином Кешнер. Мусульманское население за свой счет иллюминировало весь левый берег озера Кабан. По 6-й части на добровольные пожертвования жителей были устроены разные и в разных частях города фейерверки, арки из зелени и лампочек, детские игры и т. п. Таким образом, подготовка к масштабному празднованию 100-летия победы была тщательно организована как на государственном, так и на общественном уровне реализации коммеморативных практик.

О ходе празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. на территории Казанской губернии свидетельствуют сохранившиеся рапорты и отчеты уездных исправников, городских глав в г. Казани¹ и Казанском уезде², г. Свияжске и Свияжском уезде³, а также Спасском,⁴ и Мамадышском⁵, Козьмодемьянском⁶ уездах. На основе их анализа мы можем воссоздать полную картину проведенных торжеств как в городах, так и в уездах Казанской губернии. Наиболее полно представлены отчеты и рапорты о праздновании юбилея Отечественной войны 1812 г. в городе Казань, так как это административно-территориальный центр губернии. 25 августа 1912 г. начались предпраздничные церковные мероприятия в форме совершения литургий, крестного хода, которые сопровождалась многотысячной толпой жителей. Крестный ход проследовал на Арское поле, где было совершено благодарственное молебствие.

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12810. Л. 104.

² Там же. Л. 108.

³ Там же. Л. 124.

⁴ Там же. Л. 127.

⁵ Там же. Л. 129.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 69. Л. 70.

Особую роль в дни празднования сыграли представители татарской части населения губернии, что нашло отражение в архивных документальных свидетельствах. Молебствия проходили также и в мечетях, откуда мусульманская делегация в составе 3 тысяч человек с национальными флагами прибыла на место проведения парада – Арское поле – и присоединилась к остальным участникам торжеств. 31 августа 1912 г. в «Казанском Телеграфе» было опубликовано сообщение анонимного очевидца об этом шествии: «26-го, рано утром Юнусовская площадь стала загроужаться народом. В начале 10-го утра собралось духовенство мусульман и представители от мусульман, общественные деятели. Громадная толпа до 10000 человек спокойно выстроилась, поставивши во главе представителей местной татарской прессы, вслед за представителями прессы шло духовенство от всех казанских приходов, а затем народ. Процессия торжественно двигалась к Арскому полю, останавливаясь в известных местах для произнесения молитвы. Такого воодушевления, такого патриотически безыскусственного взрыва чувств мне до настоящего времени наблюдать не приходилось»¹.

В документах фонда Канцелярии казанского губернатора сохранилась копия телеграммы, направленной императору Николаю II от имени мусульман города Казани. В ней отмечалось, что «мусульмане всех 17 приходов Казани, празднуя 100-летие Отечественной войны, собрались сегодня вместе с русским населением на Арском поле и молились по правилам своей веры ... В эту войну предки мусульман, как и всегда, были верными слугами отечества и совместно проливали кровь за Родину и Монарха» (см. приложение 24). Так же имеется ответная телеграмма Николая II с благодарностью мусульманам губернии за верноподданнические чувства². Существует мнение о том, что масштабность празднования юбилея мусульманами была обусловлена «политическими мотивами». В преддверии выборов в Государственную Думу четвёртого созыва среди татарского населения шла политическая борьба. М. А. Сайдашев, являвшийся гласным Казанской городской думы, принял

¹ Торжество у мусульман // Казанский Телеграф. 1912. № 5800. С. 3.

² НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5095. Л. 152–153.

решение избираться. «У него и его сторонников родилась идея использовать юбилей Отечественной войны 1812 г. в политических целях. Кроме того, в татарском обществе существовали мнения о необходимости преодоления сложившихся за прошедшие послереволюционные годы негативных представлений о российских мусульманах. Мусульманам надо было доказать, что они любят Отечество не менее русских. Юбилей отечественной войны был прекрасной возможностью доказать существование этой искренней любви»¹. Помимо священнослужителей в мероприятии приняли участие: все ведомства и учреждения городских и сословных представителей и депутатий; патриотические организации; учащиеся мужских и женских учебных заведений; пожарные команды, представители спортивных кружков. В состав военного парада вошли войска Казанского гарнизона, при участии потомков участников Отечественной войны и потешные войска² (см. приложение 20). Таким образом, военный парад на Арском поле стал одним из самых масштабных праздничных событий в Казанской губернии.

Двадцать шестого августа 1912 г. на улицах Казани гуляли толпы народа. На праздник специально приехали крестьяне окрестных селений. Многие из них держали в руках хоругви с надписями: «За веру, царя и отечество» и «Боже, царя храни». На некоторых домах были выставлены специально сделанные по случаю торжества украшения. Вечером на окнах и балконах были выставлены иллюминированные бюсты участников Отечественной войны 1812 г. и императора Николая II, транспаранты с портретами героев войны. Также были выставлены световые картины с сюжетами военного времени. Праздничное украшение города описывается в газете «Казанский телеграф»: «Разноцветные фонари, свечи в окнах домов, газовые вензеля и звёзды, сотнями блистали на чёрном фоне вечерней темноты во всех

¹ Алексеев И. Е. Празднование татарами («мусульманами») Казани столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. в контексте выборов в Государственную Думу четвёртого созыва // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruskline.ru/> (дата обращения 25. 06. 2017).

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12810. Л. 108.

концах города, не исключая и самой далёкой небогатой окраины. В последнем случае очень отрадно отметить окраину с мусульманским населением, сделавшим всё, чтобы создать праздник пышным и нарядным»¹.

После церковно-религиозных мероприятий 26 августа 1912 г. во второй половине дня в манеже военного училища, а также в Алафузовском и Гоголевском театрах города были даны военно-исторические спектакли. В садах «Русская Швейцария» и «Черное Озеро» устраивались состязания спортивных кружков. Также прошли народные гуляния с фейерверками, а в ряде административных зданий были поставлены туманные картины с сюжетами из Отечественной войны с пояснительными чтениями. В кинематографах бесплатно демонстрировалась картина «Отечественная война». В 20 час. вечера по линиям трамвая были пущены вагоны-платформы с живыми картинами в сопровождении оркестровой музыки. На одной из платформ трамвая давал представления огненный человек². Цирком братьев Никитиных был дан бесплатный детский спектакль.

Судя по сообщениям казанской прессы, мусульманское население Казани устроило свои особые мероприятия. Сообщения в «Казанском телеграфе» свидетельствуют о народных гуляниях на Юнусофской площади, которая была заполнена большим количеством народа. Здесь было проведено некое подобие праздника «Сабантуй»: «Народные гуляния открылись детскими играми. Затем были устроены бега. Для взрослых была устроена высокая мачта. Во всех играх победителям выдавались подарки в виде разных сладостей, чая, мыла и прочего. В 7 час. вечера для публики был представлен прекрасный образец несгораемого человека, а затем был сожжён фейерверк, масса ракет и иллюминация продолжались почти до 12 час. ночи»³. В целом подчеркивается, что мусульманское население отметило юбилей с большим патриотическим воодушевлением. Факт празднований на Юнусофской площади подтверждается также и в заметках либерального издания «Камско-Волжская Речь»⁴. В докладе для военно-исторического общества

¹ [А]. Народные гуляния // Казанский Телеграф. 1912. № 5798 (28 августа). С. 6.

² НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12810. Л. 109–110.

³ [А]. Народные гуляния. С. 6.

⁴ Народные гуляния // Камско-Волжская Речь. 1912. № 192. С. 6.

губернское правление сообщается о том, что на устройство юбилейных торжеств по г. Казани израсходовано до 3 тыс. руб. и по уездам губернии до 9 тыс. руб. и что все празднества прошли и выполнены согласно выработанным программам за немногими исключениями¹.

Представители Казанской губернии приняли участие в центральных юбилейных торжествах на Бородинском поле. В управление московско-казанской железной дороги было отправлено сообщение о делегировании следующих должностных лиц: казанского губернского предводителя дворянства, казанского городского головы, председателя Казанской Губернской земской управы, одного волостного старшины². Сообщения в документах (рапортах, отчетах) подчеркивают высокий патриотический подъем общества. Казанский губернатор, статский советник М.В. Стрижевский в докладе императору отметил: «Могучий порыв, властно завладевший сердца воспоминаниями о величайшем событии, происшедшем на бородинском поле сто лет тому назад, когда решалась судьба России, объединил все население Казани в одно стройное целое, преисполненное горячей любви к своему Отечеству»³.

Празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. широко отмечалось не только в административном центре Казанской губернии. Остановимся подробнее на анализе хода торжества на территории уездов. В *Свияжске* и *Свияжском уезде* празднование прошло по разработанной заранее программе. 25 августа в Свияжском городском соборе была отслужена ранняя литургия с панихидой по императору Александру и павшим в войну 1812 г. воинам. 26 августа в 9 час. утра в свияжском городском парке была отслужена торжественная литургия, с произношением вечной памяти императору Александру Благословенному, его сподвижникам и погибшим воинам. Затем под звон городских колоколов состоялись крестные ходы всех церквей города Свияжска, последовавшие на соборную площадь где, было совершено благодарственное молебствие⁴. На торжественном богослужении

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12810. Л. 168.

² НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5095. Л.111.

³ Там же. Л. 149.

⁴ НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12810. Л. 124.

собрались представители всех учреждений, учебных заведений, местная воинская команда, полицейская стража и потешные войска. По окончании молебствия на соборной площади инспектором народных училищ Б. М. Крестниковым была зачитана речь о значении Отечественной войны 1812 г. для русского народа, после чего присутствующие исполнили народный гимн. Затем местная воинская команда, полицейская стража и потешные войска прошли церемониальным маршем по соборной площади¹.

О ходе празднования 100-летнего юбилея войны 1812 г. в *Спасском уезде* можно судить по рапорту Спасского уездного исправника. Он отметил, что юбилейные празднования выразились главным образом в торжественных богослужениях во всех церквях и мечетях уезда 25 и 26 августа. Причем на торжественных молебнах в церквях было провозглашено многолетие царствующему дому и отслужены панихиды по императору Александру I павшим воинам. В городе Спасск и Спасском уезде «присутственные места» и некоторые частные дома были украшены национальными флагами. В *Спасске* утром 25 августа в Троицком соборе была совершена панихида. 26 августа состоялась литургия, после которой на базарной площади на деревянном помосте, напротив Собора, украшенном зеленью и национальными флагами, был совершен торжественный молебен с провозглашением «многолетия царствующему дому и христолюбивому воинству»². В рапорте отмечается, что после молебна зачитали приказ по войскам, по завершении состоялся военный парад, в составе полицейских стражников и учащихся учебных заведений города Спасска. Спасский городской Глава, Член Городской Управы А. Смоудинов, по просьбе присутствующей многочисленной публики обратился к Спасскому Уездному предводителю дворянства Льву Валериановичу Молоствову с просьбой отослать императору телеграмму с выражением верноподданнических чувств, что было исполнено. Архивные документы свидетельствуют о том, что «вечером у здания Городской Думы и в общественном саду Городской Управой была устроена иллюминация. Священниками всех церквей и муллами всех мечетей уезда

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12810. Л. 124об.

² Там же. Л. 127.

были сказаны проповеди о значении Отечественной войны 1812 г. Священником села Кузнечихи Ивановским от лица всего прихода 26 Августа послана верноподданническая телеграмма на имя государя императора с донесением о постановке в селе Кузнечихи в память царствующего дома часовни, в честь Николая Чудотворца, Александра Невского, Алексея и Царицы Александры»¹.

Также был представлен отчет о ходе празднований в селениях *Спасского уезда*. В селе Трехь-Озерах местными полицейскими стражниками, приставом 4 стана Нечаевым и Земским Начальником I участка Молоствовым у местного Волостного Правления была устроена палатка, украшенная живыми цветами и зеленью, в которой был отслужен молебен, после которого последовало поздравление Земского начальника с праздником. В селе Танкеевке площадь у церкви была украшена национальными флагами с триумфальными столбами. 26 Августа на площади деревни Анниной Слободы отслужили крестный ход. В село Волостниковку по инициативе Земского Начальника Горлова были вызваны волостные старшины 2-го земского участка и представители обществ. После обеда на площади был отслужен молебен с крестным ходом, панихида, по завершении которых старостами были розданы брошюры и произнесено троекратное «Ура», а затем послана телеграмма на имя государя императора с выражением верноподданнических чувств. Участников торжества угощали обедом за счет Земского начальника. В своем рапорте Спасский уездный исправник отмечает, что праздник 26 августа как в городе Спасске, так и в уезде прошел благополучно и никаких нарушений порядка и спокойствия не было. В начале октября в Спасске, в помещении Нового Клуба в честь памяти об Отечественной войне был устроен праздник. Спасским Уездным Земством на народную читальню в селе Танкеевке ассигновалось 660 руб.; на печать произведений об Отечественной войне 1812 г. выделено 362 руб. 50 коп.²

На территории *уездов Чувашского края* также придерживались общей программы, рекомендованной центральными властями. На ее основе, при участии губернатора Казанской губернии М. В. Стрижевского, попечителя Казанского

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12810. Л. 127–127об.

²НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12810. Л. 127 об.

учебного округа Н. К. Кульчитского, предводителя дворянства Чебоксарского и Космодемьянского уездов Л. В. Эннатского, воинских начальников и уездных предводителей дворянства были созданы отдельные программы для празднования в селениях и учебных заведениях Цивильского¹, Алатырского², Ядринского³, Чебоксарского уездов, а также в г. Чебоксары⁴, Цивильск⁵ и др. Таким образом, планирование торжеств было масштабным и задействовало многие уровни бюрократической системы.

Сохранившиеся документы позволяют представить общую картину празднования юбилея в уездах Чувашского края. Юбилейные торжества охарактеризованы в рапортах Ядринского уездного воинского начальника А. К. Висчинского, докладе Цивильской уездной земской управы. Для более полной характеристики применения коммеморативных практик регионального уровня на территории нынешней Чувашской Республики нами привлекались данные по Симбирской губернии. Это, в частности, отчеты учебных заведений: Алатырского реального училища, Алатырской женской гимназии, Симбирской чувашской учительской школы.

В *Цивильске* была запланирована целая программа празднования⁶. Накануне, 25 августа 1912 г., с 9 утра во всех церквях города состоялись панихиды и богослужения в честь войны 1812 г. В чайной «Общества трезвости» было организовано народное чтение о празднуемом событии. 26 августа, после торжественного богослужения и крестного хода на площади перед зданием городской управы состоялся праздничный парад. Сохранилась схема расположения цивильского шествия, в котором приняли участие конвойная команда, управление воинского начальника, команда стражников, оркестр, пожарная дружина, а также учащиеся городских и приходских школ. А. К. Висчинский, принимая парад, произнес речь о празднуемом событии. При криках «Ура» играл народный гимн. По окончании пения

¹ ГИА ЧР. Ф. 211. Оп. 2. Д. 138. Л. 8–8 об.

² ГИА ЧР. Ф. 208. Оп. 1. Д. 56. Л. 117–117 об.

³ ГИА ЧР. Ф. 307. Оп. 1. Д. 97. Л. 12–15

⁴ ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1297. Л. 187.

⁵ ГИА ЧР. Ф. 211. Оп. 2. Д. 138. Л. 20–21.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 79. Оп. 1. Д. 336. Л. 132.

начался церемониальный марш под музыку, завершивший праздничный парад¹. После обеда в городском саду проводились народные гуляния с музыкой. Город, учебные заведения, казенные здания украшались флагами и транспарантами, а вечером город был иллюминирован.

Подробный отчет о проведении юбилейных торжеств представлен *Ядринским уездом* Казанской губернии. Ядринский уездный воинский начальник А. К. Висчинский отмечает, что для придания юбилею истинно патриотического смысла им заблаговременно в течение 1912 г. «велись беседы о значении для России Отечественной войны, с характеристиками выдающихся деятелей этого периода». Были устроены церковные парады с участием трех потешных рот, с совместным пением народного гимна. После парадов по улицам города шли потешные войска и пели военные песни. Программа, созданная 18 мая 1912 г. на совещании представителей администрации, духовенства, всех учреждений и организаций г. Ядрина и разосланная всем земским начальникам, во все городские учреждения, судя по рапорту уездного воинского начальника, была выполнена полностью. Далее он сообщает непосредственно о юбилейных торжествах – 25 и 26 августа 1912 г.: «25 августа во всех церквях города были отслужены заупокойные литургии. Для торжественной панихиды на соборную площадь прибыли крестные ходы со всех церквей. После панихиды икона Смоленской Божьей матери была обнесена по фронту войск и учащихя. Вечером в помещении управления всем нижним чинам был прочитан очерк В. Колокольникова «1812 год». А. К. Висчинский отмечает, что «26 августа весь город был украшен флагами, на вестибюле вверенного управления находился портрет императора Александра, украшенный гирляндами и флагами. По окончании литургии со всех церквей двинулись крестные ходы при общем колокольном звоне и направились к соборной площади, куда прибыли в 12 час. К этому времени на соборной площади были построены вверенные мне команды для парада – взвод пеших городских, взвод конных стражников и рота потешных, которые отдали воинскую честь прибыв-

¹ ГИА ЧР. Ф. 211. Оп. 2. Д. 138. Л. 8.

шему общему крестному ходу. На площади, вокруг устроенного для богослужения возвышения, были расставлены все учащиеся мужских и женских учебных заведений, а также добровольная пожарная команда»¹.

Ядринский уездный воинский начальник также описал продолжение праздника: «После благодарственного молебствия мною было сказано слово о празднуемом событии и прочитан высочайший приказ армии и флоту. По прочтении приказа, участниками парада и учащимися был исполнен «Народный гимн» и «Слався, слався», покрытие могучим русским «Ура». После церемониального марша роты потешных прошли по улицам города под пение военных песен. В 3 часа дня нижние чины были в земской управе на сообщении с показом «туманных картин». С 6 час. дня начались гуляния в городском саду. Сад украшался флагами, гирляндами, фонариками, играла музыка и оркестр балалаечников управления, пели три хора песенников: воинский, стражников и народный хор. Около сада была нанята бесплатная карусель для катания учащихся. Вечером в саду были пущены фейерверки. 27 и 28 августа с 4 час. дня на площади у городского сада играл оркестр балалаечников, где были устроены народные игры с раздачей призов для народа, учащихся и нижних чинов»².

В городе *Чебоксары* 26 августа 1912 г. с 8 час. утра во всех храмах совершались литургии и благодарственные молебны. На соборной площади состоялся крестный ход и произнесена торжественная речь о великом значении празднуемого события. Затем был исполнен народный гимн. Для большей торжественности во главе крестного хода был назначен архимандрит чебоксарского Троицкого монастыря. Из Цивильска специально приглашен духовой оркестр музыкантов конной полицейской стражи. Вечером 26 августа в 8 час. на берегу Волги началось народное гуляния. Пел хор учащихся учебных заведений города. Также была духовая музыка и фейерверк³.

¹ ГИА ЧР. Ф. 307. Оп. 1. Д. 97. Л. 38.

² Там же. Л. 39.

³ ГИА ЧР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 69. Л. 62.

Программа празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. в селениях *Цивильского уезда* была выработана на совещании представителей учреждений всех ведомств и городского населения в городе *Цивильске*.

В городе *Цивильске* торжества прошли в два основных дня – 25 и 26 августа 1912 г. 25 августа в городе прошли два основных мероприятия, церковное и светское: 1) заупокойная литургия и торжественные панихиды в церквях. Начало богослужения было назначено на 9 час. утра. Форма участвующих предполагалась парадная, при орденах и знаках отличия; 2) в чайной «Общества трезвости» организовали народное чтение о важной роли празднуемого события.

Двадцать шестого августа 1912 г. программа включала ряд светских и церковных событий: «В первую очередь было отслужено торжественное богослужение в церквях, с произношением заупокойной литургии и поминовением императора Александра I и павших в войну 1812 г. вождей и воинов. По окончании литургии состоялись крестные ходы, направившиеся одновременно из всех церквей на площадь перед зданием городской управы, где был отслужен благодарственный молебен за избавление России от нашествия «двадцати языков», с воспеванием многолетия царствующему дому Романовых, русской державе, всероссийскому воинству и всем верноподданным. Перед началом молебна было озвучено пастырское поучение словом. К началу молебна на площадь прибыли и заняли заранее намеченные места военные части, участвующие в параде: конвойная команда и управление воинского начальника, оркестр, команды стражников, пожарная дружина, а также учащиеся городских и приходских школ»¹.

По окончании молебствия при колокольном звоне духовенство осветило крестом войска и всех присутствующих, после чего с крестным ходом возвратилось в церкви. Затем в *Цивильске* был запланирован праздничный парад. Во время приема парада воинский начальник произнес речь о значении празднуемого события в истории России. При криках «Ура» музыканты сыграли народный гимн, затем состоялось пение учащимися народного гимна и «Славься, славься». По окончании пе-

¹ ГИА ЧР. Ф. 211. Оп. 2. Д. 138. Л. 8.

ния войска под музыку прошлись церемониальным маршем. Так состоялось центральное событие парада. После церемониального марша все участники и приглашенные гости начали расходиться. После обеда в городском цивильском саду городской управой организовывались народные гуляния с музыкой и иллюминацией. В управлении воинского начальника во второй половине дня состоялись игры и развлечения. Город Цивильск, а также его учебные заведения, казенные здания украшались флагами и иллюминировались вечером¹. На богослужениях было обязательным присутствие представителей учреждений всех ведомств и городского населения, войсковых частей, учащихся всех учебных заведений Цивильска. Во время осуществления крестных ходов, молебствия и парада предполагалось пригласить фотографа для произведения снимков. Однако, к сожалению, в архивных документах фотоснимки нами обнаружены не были.

В селениях *Цивильского уезда* 100-летний юбилей также прошел согласно выработанным программам. 25 августа по всему уезду в церквях были совершены заупокойные литургии и торжественные панихиды по императору Александру и всем павшим в войну вождям и войнам. Соответствующее богослужение было осуществлено в мечетях. В дни празднования юбилея Цивильский уезд был разделен на пять участков с административно-территориальными центрами: 1-й участок располагался в городе Цивильске торжественные молебны проходили в Троицком соборе; во 2-м участке основные мероприятия проходили в селе Шихазаны; в 3-м участке – в селе Кошелеи; в 4-м участке – в селе Янтиково; в 5-м участке – в селе Ковали². 26 августа, в день юбилея, торжественные богослужения прошли во всех церквях с произношением заупокойной литургии и поминовением императора Александра и павших в войну воинов, соответствующее богослужение по правилам магометанской веры прошло в мечетях. По окончании богослужения на площадях селений отслужили благодарственные молебны. Во время богослужений священниками были произнесены соответствующие событию речи. Вопрос о празд-

¹ ГИА ЧР. Ф. 211. Оп. 2. Д. 138. Л. 8об.

² ГИА ЧР. Ф. 211. Оп. 2. Д.138. Л. 7об.

новании в сельских школах не обсуждался, так как по заявлению присутствующего на совещании инспектора народных училищ программа выработана и само празднество в учебных заведениях было перенесено на октябрь. Волостные правления, общественные здания и школы в этот день были украшены флагами, транспарантами и прочим.

На богослужениях было обязательным присутствие всех должностных лиц волостного и сельского управления во главе с земским начальником, во втором участке также присутствовал пристав 1-го стана, уездная полицейская стража и пожарные дружины. В 3-м участке присутствовал пристав 3-го стана, уездная полицейская стража и пожарная дружина. В 4-м участке присутствовали уездная полицейская стража Янтиковской и Старо-Тябердинской волостей, а также пожарные дружины. В 5-м участке – пристав 2 стана, уездная полицейская стража и пожарные дружины. Форма одежды для всех участников юбилейного торжества на всех участках Цивильского уезда подразумевалась парадная, при орденах и знаках отличия. Ряд мероприятий в Цивильском уезде прошли 27, 29 и 30 августа 1912 г. Например, в 1-м и 5-м участках волостных правлений организовывались народные чтения с показом «туманных картин». Во все учреждения г. Цивильска и его уездов Цивильским уездным воинским начальником были разосланы типовые программы празднования для исполнения.

Ряд мероприятий осуществили в городе *Алатыре Симбирской губернии*. Основные торжества и парад проходили на Соборной площади города¹. 25 августа в 15 час. городское духовенство отслужило панихиду для всех жителей города. Основные мероприятия состоялись 26 августа под общим руководством Алатырского уездного предводителя дворянства. По запланированной программе в 8 час. утра был отслужен благодарственный молебен с провозглашением многолетия его императорскому величеству государю императору Николаю и всему царствующему дому, по окончании которого состоялся парад при участии войска и учащейся молодежи².

¹ ГИА ЧР. Ф. 208. Оп. 1. Д. 56. Л. 117.

² Там же. Л. 117об.

Таким образом, 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. в Казанской губернии прошел согласно заранее выработанным программам как центральных, так и региональных государственных учреждений. При этом особое место отводилось применению церемониальных коммеморативных практик. Можно отметить наличие региональных особенностей, связанных с этническим и конфессиональным составом населения того или иного уезда. В праздновании 100-летия на территории города Казань четко прослеживается тенденция в освещении роли мусульманской части города в проведенных мероприятиях. Отчеты свидетельствуют о том, что юбилей прошел в тенденции всеобщего единения лиц разного вероисповедания и национальности, что свидетельствует об объединяющей функции в проведении общенациональных торжеств.

§ 3.2. 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. как фактор патриотического воспитания в учебных заведениях Казанской губернии

Отечественная война 1812 г. стала событием, символизирующим славу «российского оружия» и патриотизм народа. Подобные страницы истории служили неким идеологическим ориентиром для последующих поколений российского общества. События 1812 г. несли и несут в себе большой воспитательный потенциал. Правительством всецело поощрялась возможность использования 100-летнего юбилея в целях укрепления патриотических настроений как среди подрастающего поколения, так и в обществе в целом. Важно отметить, что работа велась на протяжении всего XIX в. в нескольких направлениях, одним из которых можно назвать издание специализированных учебных пособий по истории России, предназначенных для учебных заведений разного уровня. Во второй половине XIX – начале XX в. большую популярность приобрел учебник Дмитрия Иловайского «Краткие очерки русской истории». Впервые это учебное пособие вышло в 1860 г. и за последующие 55 лет переиздавалось 44 раза. В отечественной историографии Д. И. Иловайского традиционно считают историком дворянско-

охранительного типа, т. е. консерватором. Популярность учебника и концепция автора подтверждают, что, несмотря на либеральный дух правления Александра II, главный курс императорской России – это несомненная поддержка и охранение существующего монархического режима. «Учебник переиздавался десятки раз, переживая войны и правителей, и удерживал популярность вплоть до столетнего юбилея Отечественной войны... Мир стремительно менялся, но текст оставался неизменным, гарантируя стабильность и порядок»¹.

Был проведен контент-анализ содержания издания, который показал преобладание упоминаний царя Александра I и М. И. Кутузова как главных действующих лиц народного ополчения. К 1860 г. проблема военных действий была уже более подробно разработана, чем в первой половине века. В связи с этим глава «Нашествие Наполеона и русский патриотизм» представлена в довольно развернутом виде. В новом учебнике подробнее разработана хронология, тактика, анализ боевых действий. Подчеркивается неопределимая роль М. И. Кутузова в проведении и организации тактики боевых действий. Полководец характеризуется как народный избранник: «В таких обстоятельствах император Александр внял народному голосу и выбрал главнокомандующего из русских генералов, именно престарелого князя Кутузова, который пользовался славой искусного полководца и ловкого дипломата»².

Ряд историков либерального направления склонны были считать, что огромная популярность учебников Д. И. Иловайского связана с их консервативным духом. На современном этапе многие ученые оспаривают эту точку зрения, объясняя успех его учебной литературы тем, что «на определенном этапе общественного развития его консервативная и патриотическая интерпретация русской истории наиболее соответствовала общественным ожиданиям и запросам»³. Более того, историк по ряду вопросов имел свой оригинальный взгляд. В анализируемом учебнике, например, присутствуют его размышления по поводу итогов Венского

¹Потапова Н. Дидактика конфликта: Война 1812 г. в школьных учебниках истории // Новое литературное обозрение. № 118 (6/2012). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2893> (дата обращения: 22.05.2016).

²Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории. М., 1868. С. 234.

³Фукс. А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографическое явление // Преподавание истории в школе. 2007. №7. С. 204.

конгресса. Иловайский склонен осуждать некоторые действия Александра I, подчеркивает его зависимость от чужого мнения. Возможно, именно с критическим отношением к политике Александра связано частое упоминание роли полководца Кутузова как народного избранника.

Еще одним ярким примером «монархического» учебного пособия можно считать наиболее распространенный учебник истории на рубеже XIX–XX вв. «История России для народных училищ» Моисея Острогорского, которого, ввиду его политических и общественных взглядов, часто относят к либеральному направлению. Однако этот «либерал и будущий депутат Государственной думы» написал эталонно «охранительный» и монархический учебник истории. Его пособия имели официальные грифы Министерства просвещения «Допущено» и «Одобрено», в результате чего выдержали свыше 30 переизданий¹. Таким образом, издание классических монархических учебников стало своего рода подготовительным этапом в патриотическом воспитании молодежи, когда тема Отечественной войны 1812 г. стала символом в незыблемость императора и Российской империи в целом.

В связи с сильным патриотическим посылом, заключенным в праздновании победы над Наполеоном, в 1912 г. особое внимание при проведении торжеств уделялось участию в них воспитанников учебных заведений России. В этом отношении Казанская губерния не стала исключением. Документы свидетельствуют об активном привлечении директоров народных училищ, начальников высших и средних учебных заведений к организации торжеств. Учебные заведения стали неотъемлемой частью празднования 100-летия войны 1812 г., так как она имела особое значение с точки зрения патриотического воспитания подрастающего поколения в духе самоотверженности и любви к Отечеству. Специально к юбилейным торжествам учебными заведениями издавались свидетельства и аттестаты в виде рисунков и надписей, соответствующих празднуемому событию, учреждались особые юбилейные медали для

¹Фукс А. Н. Школьные учебники по русской истории официально-охранительного направления исторической науки второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. 2008. № 2. С. 26.

награждения особо отличившихся в праздновании, специальные стипендии, в больших тиражах закупались специально изготовленные юбилейные брошюры, список которых утверждался Министерством народного просвещения. Особо пристальное внимание было уделено приобретению брошюр как на русском, так и инородческих языках, в особенности на татарском.

Руководители учебных заведений играли важную роль в увековечивании памяти об Отечественной войне 1812 г. среди подрастающего поколения. Например, директор Алатырского реального училища Д. Чирихин заказал 50 экземпляров брошюры «Отечественная война 1812 г.» для распространения среди учащихся данного учебного заведения¹. Директорами училищ и гимназий проводилась работа по организации образовательных экскурсий учащихся к «местам памяти» об эпохе 1812 г. Так, летом 1912 г. учащиеся Вятской мужской гимназии, казанского 2-го реального училища, 2-й симбирской мужской гимназии, Елабужского реального училища² совершили экскурсионные поездки в Москву и на Бородинское поле. Маршруты каждого учебного заведения были различны, но в целом, все они включали основные памятные места 1812 г. Помимо участия учителей и учащихся в общегородских мероприятиях, внутри учебных заведений была реализована своя программа, созданная на основе рекомендаций Министерства народного просвещения. Её выполнили уже после основных торжеств, в связи с тем, что в августе учебные заведения занятий не проводили. Так, в качестве юбилейного мероприятия в Симбирской школе проводили литературное утро в память столетней годовщины Отечественной войны 1812 г., с чтением стихотворений, посвященных войне, прослушиванием тематической беседы о значении победы, исполнением гимна «Боже царя храни» и т. п.

В юбилейный 1912 год в ряде учебных заведений Российской империи были организованы образовательные экскурсионные поездки в места, на территории которых шли бои в Отечественную войну 1812 г. Маршруты каждого учебного заве-

¹ ГИА ЧР. Ф. 208. Оп. 1. Д. 56. Л. 99.

² НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Ед. хр. 6888.

дения были индивидуальными, однако каждый из них включал обязательное посещение Бородинского поля и основных достопримечательностей Москвы. Архивные документы позволяют воссоздать экскурсионные маршруты и состав участников поездок. В Вятской мужской гимназии поездка состоялась в июне 1912 г. под руководством исполняющего обязанности инспектора В. М. Суханова и преподавателей А. В. Зубова и Э. В. Маякова. Маршрут поездки включал посещение Москвы, Бородинского поля, деревни Фили и других прилегающих мест, связанных с воспоминаниями об Отечественной войне. В экскурсии приняли участие 36 учеников, 32 из которых поехали за свой счет, 4 ученика, а также преподаватели поехали за счет специальных средств гимназии. Общий расход на поездку составил около 200 руб. Москву и Бородино посетили 18–19 июня¹. Директор гимназии ходатайствовал перед попечителем Казанского учебного округа о предоставлении экскурсантам в Москве помещения для проживания, при возможности, с кроватями. В итоге им было предоставлено помещение в здании московской четвертой гимназии.

Казанское 2-е реальное училище также запланировало экскурсионную поездку на лето 1912 г., по окончании переводных и выпускных испытаний. Маршрут ученической экскурсии включал: осмотр достопримечательностей и памятных мест Москвы, посещение Троице-Сергиевой лавры и Бородинского поля. Датой отправления в поездку было назначено 1 июня. Во главе экскурсии стоял инспектор Андроник Ярославцев, руководителями назначили преподавателя истории Сергея Рождественского и преподавателя искусств Алексея Кокорева. Главной целью поездки являлся осмотр достопримечательностей Москвы, имеющих историческое или образовательное значение (храмы, Кремль, Третьяковская галерея и др.). На осмотр Бородинского поля оставалось сравнительно мало времени. В Москве экскурсионная группа находилась 7 дней. Общая длительность поездки составляла 10 дней. Группа состояла из 14 учащихся².

¹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Ед. хр. 6888. Л. 42.

² Там же. Л. 48.

Елабужское реальное училище планировало отправить юбилейную экскурсию от 20 до 30 человек учащихся. Был подробно разработан маршрут поездки. Экскурсанты должны были остановиться в следующих городах и местностях: 7 дней в Москве, 1 день в Бородино, в Троице-Сергиевой лавре 1 день. 1 день в Ярославле, 1 день в Костроме. На обратном пути планировалось посетить Казань. Директор училища ходатайствовал перед попечителем Московского учебного округа о предоставлении помещения для участников организуемой экскурсии. Более подробно о поездке учащихся Елабужского реального училища рассказано в докладе руководителя экскурсии Г. Д. Дика. Поездка состоялась летом 1912 г. Ее целью было в преддверии предстоящих юбилейных торжеств ознакомить учеников с местностями и памятниками, связанными с юбилейными историческими событиями. По мнению организаторов поездки, к этому времени учениками во время экскурсии будет собран материал, которым они будут делиться в дни юбилеев со своими товарищами в училище. Г. Д. Дик отметил: «Знакомя их с местами, которые должны быть священны для каждого русского гражданина, по тем или иным воспоминаниям, мы тем самым не только закрепим знания учащихся, почерпнутые из других источников, но и воспитаем в них любовь к родному русскому, к его великому настоящему и славному прошлому. Возможность видеть своими глазами места, прославленные подвигами великих русских людей 1812 г. и памятники, воздвигнутые благодарными потомками героям войны, – все это должно оставить неизгладимое впечатление на юных сердцах и показать им, как нужно служить дорогому отечеству»¹. С 13 по 18 июня экскурсионная группа находилась в Москве, в ночь на 18 июня выехала в Бородино. В помещении станции «Бородино» группа посетила созданный там музей с богатой коллекцией портретов лиц, принимавших участие в войне 1812 г., а также медалей и подлинных приказов Наполеона, его воззвания к жителям Москвы, образцы оружия того времени. Экскурсионная поездка в Москву с посещением Бородинского поля и Исторического музея была включена в программу праздника во 2-й Казанской женской Ксенинской гимназии.

¹ НА РТ. Ф. 92. Ед. хр. 6888. Л. 48. Л. 83.

Планирование и празднование юбилея состоялось в учебных заведениях разного уровня практически во всех уездах Казанской губернии. Свои программы юбилейных праздничных мероприятий составили высшие учебные заведения (на территории Казанской губернии – Казанский императорский университет), средние и низшие гимназии и реальные училища¹. О ходе празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. в учебных заведениях российских губерний свидетельствуют сохранившиеся юбилейные программы: Казанской духовной семинарии, Казанской татарской учительской школы, Самарского учительского института, Саратовского механико-химического училища, Воткинского среднего механико-технологического училища, Вольской учительской семинарии, саратовского 2-го городского 4-классного училища, кузнецкой низшей ремесленной школы, Порецкой учительской семинарии, Симбирской чувашской учительской школе, Алатырской женской гимназии, Алатырского реального училища, Цивильского городского четырёхклассного училища и т.д. За некоторым исключением, мероприятия в учебных заведениях проходили по примерно одинаковому шаблону, т. к. ориентировались на циркуляр Министерства народного просвещения, который содержал общие рекомендации:

1. «25 августа, накануне дня Бородинского боя, в учебных заведениях и прилегающих к ним церквях совершаются торжественные панихиды. Перед началом панихиды законоучители приглашаются для произношения, приличествующего воспоминаемому событию слова.

2. В православных храмах и мечетях совершаются торжественные богослужения. Во время церковных мероприятий священниками произносится соответствующее событию слово, к тому же обязываются и муллы. На богослужении обязательно присутствие всех должностных лиц волостного и сельского управления во главе с Земским начальником, в парадной форме, при знаках отличия.

¹ НА РТ. Ф. 92. Ед. хр. 6888. Д. 14879, 14880, 14881, 14882, 14884.

3. По окончании богослужения устраиваются парады потешных команд там, где они достаточно для этого подготовлены. Желательно, чтобы эти парады сопровождались хоровым пением народного гимна и патриотических песен»¹.

4. В школах и других общественных зданиях устраиваются народные чтения, которые ведутся священниками, муллами, преподавателями школ и другими заслуживающими доверия лицами. При наличии возможностей, сопровождать мероприятие показом туманных картин, пением народных гимнов, раздачей брошюр и картин из истории Отечественной войны»².

Особая программа планируемых мероприятий была составлена Казанским императорским университетом³. На заседании педагогического совета университета была создана комиссия по обсуждению вопросов о формах участия Казанского университета в праздновании. Комиссия в составе членов: профессоров Н. П. Загоскина, Д. А. Корсакова, Н. Н. Фирсова обсудила вопросы празднования юбилея. В ходе обсуждения было решено назначить празднование столетия Отечественной войны на 26 августа 1912 г., приурочив его ко дню Бородинского сражения. Специально к 100-летию победы в войне директор музея отечествоведения при историко-филологическом факультете Казанского университета ординарный профессор Д. А. Корсаков приобрел выпуск издания альбома «Нашествие Наполеона» для библиотеки музея. Программа собрания включала оглашение телеграммы императору Николаю II, произнесение речи о роли Отечественной войны 1812 г. в истории России, исполнение народного гимна. 26 августа 1912 г. в 10 час. в университетской церкви была совершена торжественная литургия и благодарственный молебен. Затем в актовом зале было устроено торжественное публичное собрание совета университета, на котором ординарный профессор Н. Н. Фирсов в присутствии профессоров, преподавателей и должностных лиц произнес речь о значении войны 1812 г.⁴

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12810. Л. 40.

² ГИА ЧР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 69. Л. 57.

³ НА РТ. Ф. 977. Оп. 2. Т. 7. Д. 12234.

⁴ Там же. Л. 98.

В проведении столь важного мероприятия были задействованы также видные представители чувашской национальной интеллигенции. В фондах Симбирской чувашской учительской школы сохранилось дело о награждении инспектора школы, знаменитого чувашского просветителя И. Я. Яковлева юбилейной медалью: «14 января 1913 г. Симбирский губернатор прислал мне установленную в память столетия Отечественной войны 1812 г. светло-бронзовую медаль для ношения на груди на Владимирской ленте, вместе со свидетельством на право ношения, как лицу принимавшему участие в разработке вопросов, связанных с празднованием столетия войны и по устройству юбилейных празднеств»¹.

Мероприятия по случаю празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. состоялись во многих учебных заведениях Казанской губернии. Архивные документы позволяют проанализировать весь спектр участия учащихся и преподавателей в юбилейных событиях. Представители учебных заведений принимали обязательное участие во всех общегородских и общеуездных юбилейных торжествах, по окончании которых устраивались свои, ученические, мероприятия по заранее согласованным программам. В циркуляре Министерства народного просвещения к попечителю Казанского учебного округа особо отмечалась важная роль патриотического воспитания подрастающего поколения. Отмечается, что в целях «сохранения в сердцах молодежи памяти к празднуемому событию» необходимо принять ряд мер:

- по окончании учебных заведений в 1912 г. наградить учащихся особыми юбилейными медалями, вместо обычных;
- выдать учащимся-выпускникам наградные книги, похвальные листы, свидетельства и аттестаты, отмеченные памятными тематическими надписями;
- в дни торжеств здания учебных заведений украсить национальными флагами, гирляндами, а вечером – иллюминировать;
- имеющиеся в учебных заведениях портреты и бюсты императора Александра и его знаменитых соратников желательно поместить на особых возвышениях;

¹ ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 996. Л.1.

– в текущем году рекомендуется устраивать экскурсии в города и местности, связанные с воспоминаниями об Отечественной войне, а также посещать музеи, галереи, хранящие реликвии 1812 г.;

– 26 августа во всех учебных заведениях устроить торжественный акт, открываемый речью начальника, учителя истории либо любого другого представителя преподавательского состава¹;

– желательно приобрести для библиотек и читален литературу об Отечественной войне 1812 г.

В фонде Попечителя Казанского учебного округа сохранилось большое количество отчетной документации о празднования столетнего юбилея в учебных заведениях округа. Программа юбилейных мероприятий в целом проходила в два дня – 25 и 26 августа 1912 г. В стандартной программе учебных заведений можно выделить три блока:

1. Религиозный блок – обязательное проведение панихид, молебствий и литургий, посвященных императору Александру и павшим воинам.

2. Исторической блок – чтение доклада преподавателями учебных заведений о роли празднуемого события в истории России.

3. Литературно-музыкальный блок – проведение литературного утра с чтением юбилейных брошюр и произведений поэзии, посвященных эпохе 1812 г.

Тем не менее учебным заведениям разрешалось на свое усмотрение проводить дополнительные мероприятия. Руководство учебных заведений могли вносить свои предложения и разнообразить ряд обязательных пунктов программы. Например, в 1-й Казанской мужской гимназии 11 ноября 1912 г., помимо официальных празднеств в августе, была открыта выставка документов, литографий, монет, печатных изданий эпохи Отечественной войны 1812 г.² Выставка состояла из 9 тематических отделов.

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12810. Л. 40.

² НА РТ. Ф. 97. Оп. 2. Д. 14884. Л. 38.

Первый отдел включал портреты, литографии, печатные репродукции картин с изображением императора Александра I. Второй отдел состоял из графических и изображений репродукций портретов героев 1812 г.: М. И. Кутузова, М. Б. Баркляя-де-Толли, П. И. Багратиона, Д. П. Неверовского и др. Третий отдел носил наименование «Сто лет назад» и включал документы, автографы, гравюры, миниатюры, медали, ордена, монеты, а также редкие издания Александровской эпохи. Четвертый отдел представлял собой художественную летопись войны с Наполеоном и включал 40 репродукций с картин В. В. Верещагина, П. Гесса, портрет Л. Н. Толстого и 11 иллюстраций к роману «Война и мир» из альбома в приложении к журналу «Север», 18 открыток о событиях Отечественной войны 1812 г. ... Седьмой отдел представлял собой собрание ученических работ, посвященных проблеме войны 1812 г., а девятый – собрание предметов старинного быта¹. В манеже Казанского военного училища в 3 часа дня был исполнен Народный гимн, затем прапорщиком 162 пехотного Ахалцикского полка Сафонкиным были прочитаны исторические сообщения о войне 1812 г. По окончании официальной части был поставлен солдатский спектакль, на котором исполнялась пьеса «Богатыри 1812 г.»².

В 1912 г. вводились специальные стипендии в честь юбилея войны. Так, на две стипендии для нуждающихся учеников в Казанской мужской учительской семинарии ассигновалось 200 руб., в Казанском земледельческом училище – 210 руб. В отчете директора 1-й Самарской мужской гимназии можно найти подробное описание, о том, как было украшено здание гимназии, актовый зал и коридоры. К отчету прилагались фотографии помещений, а также фото учеников гимназии Василия Ершова, Алексея Белоцерковского и Георгия Мейера, участвовавших в юбилейных торжествах в Москве в составе делегации Казанского учебного округа³.

В городе *Арске* в помещении пожарного депо, инспектором городского училища были устроены чтения «о Бородинском Бое», где учащимся рассказали о значении празднуемого события. После этого всем учащимся раздавались юбилейные

¹ НА РТ. Ф. 97. Оп. 2. Д. 14884. Л. 38.

² Там же. Л. 89.

³ Там же. Л. 55.

научно-популярные брошюры об Отечественной войне 1812 г.¹ В *Свияжске* в 2 часа дня все учащиеся города собрались в общественном саду, где Инспектором народных училищ И. М. Крестниковым были прочитаны лекции о 1812 г., по окончании собрания также выдавались юбилейные брошюры². В честь 100-летнего юбилея Спасское городское училище было переименовано в высшее начальное училище с присвоением наименования «памяти Отечественной войны».

Совет Императорского Николаевского университета сообщил в совет Русского императорского военно-исторического общества, что в связи с тем, что существует в составе лишь одного факультета, в день юбилея присоединится к общему торжеству в Саратове. В честь юбилея университет учредил одну стипендию в память об Отечественной войне 1812 г.³ Казанский ветеринарный институт сообщил в Российское военно-историческое общество информацию о ходе празднования юбилея в учебном заведении. 26 августа 1912 г. в 11 утра в актовом зале университета прошла панихида. В 13 час. состоялось молебствие. Профессор богословия выступил с речью о значении Отечественной войны 1812 г. Затем все присутствующие хором исполнили народный гимн. Вечером преподаватели Казанского ветеринарного института приняли участие в торжественном обеде на дворянском собрании. Здание университета было иллюминировано и украшено флагами и фонарями⁴.

Праздничные юбилейные мероприятия прошли в учебных заведениях не только в Казани и Казанском уезде, а также повсеместно во всех уездах Российской империи. Например, в Воткинском среднем механико-технологическом училище тематические мероприятия начались уже весной 1912 г. Весной в училище были организованы чтения о войне с демонстрацией картин, а также альбома иллюстраций «Нашествие Наполеона». Мероприятие подразумевало чтение специальной ис-

¹ НА РТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12810. Л. 107.

² Там же. Л. 124–124 об.

³ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 14883. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 7.

торической литературы. Например, преподаватель Ф. А. Тарапыгин зачитал юбилейную брошюру «Год славы народной. Незабвенный 1812 год»¹. 26 августа 1912 г. в училище было организовано пение ученического хора, проведен молебен. В отчете о праздновании директор училища П. Ищереков отметил, что публичный акт торжества состоял из двух отделений. Первый заключался в чтении юбилейных изданий, таких как «Отечественная война 1812 г. и ее значение в истории». Также были зачитаны стихотворения о войне: знаменитое «Бородино» М. Ю. Лермонтова, басни Крылова, юбилейная кантата. Второй акт включал раздачу картин, юбилейных изданий, посвященных различным страницам Отечественной войны 1812 г. Вечером в здании училища демонстрировали световые картины.

Директор Казанского промышленного училища В. И. Нечкин в августе 1912 г. выступил с речью о значении Отечественной войны 1812 г.² Значительное внимание этому событию уделил преподаватель училища по русской словесности Л. К. Ильинский. В фондах архива сохранился конспект лекций «Война 1812 г. в народной песне», в котором живым языком охарактеризована роль Отечественной войны в памяти российского народа и его устном народном творчестве. «Многие события и лица не остались в народной памяти. Народ помнит лишь те впечатления, которые война произвела, но в деле воспроизведения отдельных событий народ не мог всецело быть историком» – отметил Л. К. Ильинский – «В силу этого в песне мы найдем лишь указания на некоторые события – Бородино, Смоленск, пожар Москвы. Но события эти были так быстры, что у народа в памяти остались лишь общая картина и только некоторые факты послужили сюжетами песен. То же самое можно сказать про действующие лица. Народная память сохранила не все имена»³. Преподаватель считает, что народом в песнях дана характеристика тех военачальников и полководцев, образ которых наиболее соответствовал идеалам храбрости и доблести (например – М.И. Кутузов). Слабее всего отражены образы французов и Наполеона. По мнению Л.К. Ильинский объясняет это тем, что французы, во время

¹ НА РТ. Ф. 92. Оп.2. Д.14883. Л. 9.

² НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 14883. Л. 15.

³ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 14883. Л. 15.

своего бегства, не успели оставить особого впечатления, что создало богатый материал для карикатурных изображений. Таким образом, юбилейные мероприятия в учебных заведениях Казанской губернии способствовали пристальному вниманию к различным аспектам войны 1812 г. со стороны преподавателей уездных учебных заведений.

25 августа 1912 г., накануне дня Бородинского боя, в домовая церковь при Симбирской чувашской учительской школе священником И. Д. Дормидонтовым была совершена заупокойная литургия и панихида по почившему государю императору Александру Благословленному и его сподвижникам. 26 августа, в день Бородинского боя, отслужена Божественная литургия, после которой совершен благодарственный молебен с провозглашением многолетия государю императору Николаю Александровичу и всему царствующему дому. По окончании богослужения к 8:30 часам утра все учащие и учащиеся собрались в одно из помещений школы, где состоялось литературное утро, посвященное памяти Священной Отечественной войны 1812 г. К 11 часам утра воспитанники Симбирской школы под командой учителя гимнастики и строевого обучения, капитана Лепарского, отправились в строю под ружьями на Соборную площадь для участия в общем параде. Согласно выработанному церемониалу воспитанники заняли заранее отведенное им место и приняли участие в общем церемониальном марше. В день торжества здания школы были украшены флагами, а вечером иллюминированы»¹.

Представители учащейся молодежи Казанской и Симбирской губерний принимали активное участие в столичных юбилейных торжествах. Например, ученики Балашовской мужской гимназии в качестве потешной роты приняли участие в высочайшем смотре на Марсовом поле в Санкт-Петербург, состоявшемся 1 августа 1912 г. Изначально планировалось отправить в поездку 140 учеников. Однако министр народного просвещения сообщил о недостатке помещений для расселения такого количества участников, в связи с чем от Казанской губернии на смотр отправились только 50 человек. Рязанско-уральская железная дорога предоставила

¹ ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 842. Л. 17.

отдельные вагоны для делегации до Москвы¹. В Санкт-Петербург потешная рота Балашовской мужской гимназии прибыла утром 23 июля. Для проживания им было предоставлено помещение в пажеском корпусе. По прибытии учащиеся осматривали город. 31 июля было организовано посещение Зимнего дворца. В отчете о поездке отмечается: «Особо впечатлила экскурсия в Военную галерею с портретами героев Отечественной войны, которая напомнила нам о приближении столетнего юбилея славной для русского оружия войны»². Высочайший смотр состоялся 1 августа 1912 г. на Марсовом поле. Архивные данные позволяют воссоздать ход этого мероприятия: «Все потешные выстроились в 4 ряда. В 10 час. император появился на Марсовом поле и стал объезжать первую линию. Когда он подъехал к музыкантам, они заиграли встречный марш. Государь приостановился на несколько мгновений, потом сильным голосом сказал: «Здорово, музыканты!». Затем, поинтересовавшись из какого мы округа, сказал: – «Здорово, казанцы!» – Затем заиграли национальный гимн. За императором ехала коляска, в которой ехали цесаревич и великие княжны Ольга и Татьяна. За коляской следовала блестящая свита. После объезда всех рот начался церемониальный марш»³.

После все участники смотра отправились в народный дом императора, где их ждал обед от высочайшего двора. На приборе каждого «потешного» лежала коробка сладостей, на крышке которой был помещен портрет императора с надписью «на память о высочайшем смотре 1912 г.». Обед представлял грандиозное зрелище. После для участников Высочайшего смотра поставили пьесу «Петр Великий», а на открытой сцене в саду началось представление клоунов, фокусников и т. п. На след день через Москву делегация отправилась домой, где на вокзале в Казани их торжественно встретили жители губернии. Потешную роту сопровождали директор гимназии А. И. Розанов, инспектор гимназии Я. В. Касаткин, преподаватели М. П. Бузин, И. И. Евремов, П. С. Урядинский. Поездка обошлась гимназии стоимостью в 1 тыс. 933 руб.»⁴

¹ НА РТ. Ф.92. Ед. хр. 6889. Л. 1–2.

² Там же. Л. 3–5.

³ НА РТ. Ф.92. Ед. хр. 6889. Л. 6.

⁴ НА РТ. Ф. 92. Ед. хр. 6889. Л. 6–6 об.

Таким образом, именно в праздновании 100-летнего юбилея в учебных заведениях четко выделяется воспитательный потенциал церемониальных коммеморативных практик. При этом комплекс изданных к юбилею научно-популярных брошюр и изданий оказался весьма востребованным. Раздача юбилейных брошюр входила в официальные программы праздника. Церемониальная форма коммеморативных практик в учебных заведениях является важной оставляющей в процессе юбилейных мероприятий, однако, несмотря на это, свидетельствует, скорее, об официальной трактовке исторической памяти общества. Кроме того, для празднования в учебных заведениях была характерна организация экскурсионных программ с посещением Москвы и Бородино. Специальной формой коммеморативной практики можно считать организацию выставок в учебных заведениях.

В целом, анализируя празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. как пример реализации коммеморативных практик на региональном уровне, нужно отметить, что оно стало грандиозным событием, которое всецело охватило каждую губернию и практически каждый уезд Российской империи. Общероссийские юбилеи памятных исторических событий проходили и раньше. Например, можно назвать такие юбилеи, как празднование тысячелетия российской государственности, 200-летия Полтавской битвы. Однако региональный уровень реализации коммеморативных практик наиболее полно проявился именно в 1912 г. Он стал примером для аналогичных празднований 300-летия дома Романовых в 1913 г. В архивных фондах сохранилось большое количество документов, характеризующих тщательное планирование 100-летнего юбилея. Общей чертой был единый типовой план проведения мероприятий. Во время празднования 100-летия победы региональный уровень выразился в выделении трех основных подуровней – губернского, уездного и городского. Кроме того, существовал особый микроуровень учебных заведений, развившийся в самостоятельное направление. В период проведения праздничных мероприятий церемониальная форма коммеморативных практик стремилась преподнести все как масштабное народное торжество, объединяющее все учреждения, организации и общества. Всячески подчеркивался подъем патриотизма среди населения в дни празднования.

Однако насколько официальная делопроизводственная и официальные церемонии могут характеризовать умонастроения общества? Вся церемониальная часть юбилея была самой масштабной и хорошо организованной частью коммеморативных практик, но все же в определенной степени была «навязана» центральным руководством. Многие функции осуществлялись должностными лицами в обязательном порядке, ввиду чего можно критически отнестись к этим свидетельствам, так как они не могут в полной мере охарактеризовать умонастроения в обществе. К сожалению, четких свидетельство том, как празднование отразилось на мировоззрении учащихся и населения губернии не сохранилось.

Ряд ученых пришли к выводу, что «оппозиционная общественность использовала юбилей для осуждения политики монархии, всей системы принятия политических решений и управления. В целом, попытка официальных кругов использовать юбилей для сплочения вокруг трона всех сословий страны в полной мере не удалась. Напротив, подготовка к 100-летию Отечественной войны 1812 г. дала возможность противостоявшим друг другу силам распространить политическую полемику и на сферу культурной памяти»¹. Тем не менее роль церемоний и государственных торжеств крайне велика, именно благодаря государственному заказу в обществе активизировался интерес к событиям вековой давности. Был издан большой массив научно-популярной литературы, на страницах историко-литературных журналов велись научные дискуссии, публиковались малоизвестные источники периода войны 1812 г., активизировал работу кружок ревнителей истории Отечественной войны 1812 г., открывались музейные экспозиции и т. д. Так в Российской империи сформировалась основная символическая культурно-историческая платформа, на основе которой историческая память об эпохе 1812 г. базировалась в будущем.

¹Мельникова Л. В., Секиринский С.С., Подмазо А. А. Отечественная война 1812 г. в культурной памяти России. М., 2012. С. 270–271.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отечественная война 1812 г. – одно из центральных событий истории России, оставившее глубокий след в мировоззрении российского общества. Страницы эпохи 1812 г. актуальны и по сей день. Доказательством тому служит большое количество мероприятий, прошедших в честь 200-летней годовщины победы в войне в 2012 г. Не вызывает сомнений также то, что не менее важное место в общественной жизни нашей страны займет грядущий 210-й юбилей. Изучение коммеморативных практик, направленных на формирование определенной исторической памяти, помогает понять, как они влияют на умонастроения общества. Важно изучить сам механизм формирования коммеморативных практик разного уровня и разных форм.

К началу XX в. в Российской империи практика празднования юбилеев памятных исторических событий стала частью праздничной культуры. Необходимо отметить, что в именно в XIX – начале XX в. в России сложилась особая традиция празднования юбилеев Отечественной войны 1812 г. При этом важную роль в процессе увековечивания памяти о ней сыграли коммеморативные практики, которые начали складываться уже непосредственно в период ведения боевых действий. На наш взгляд, они сыграли определяющую роль в процессе формирования исторической памяти о войне посредством целенаправленной ритуализации и канонизации важных для российской власти и общества страниц истории. Нами предложена следующая классификация коммеморативных практик:

- 1) В зависимости от субъектов ее реализации – групповой, государственный и общественный уровни.
- 2) По масштабам распространения – общероссийский, региональный и местный уровни.
- 3) По способам выражения – нарративная, визуальная, монументальная, церемониальная формы.

В процессе анализа формирования коммеморативных практик Отечественной войны 1812 г. в течение XIX в. нами была выделена следующая периодизация.

Первый этап охватывает 1812 г. – 1870-е гг. XIX века. Уже первые послевоенные годы инициативы по сохранению исторической памяти о войне исходили от двух основных субъектов – государства и российского общества. Данный процесс шел не столько эволюционно, сколько дискретно, в ходе празднования юбилеев и памятных дат войны.

В связи с этим в рамках первого этапа был выделен подэтап увековечивания памяти о войне – 1812 г.–1820-е гг. Хронологические рамки обусловлены первыми фактами спонтанной фиксации событий военного времени как общественного отклика на важное историческое событие. Большое значение в процессе формирования основных форм коммеморативных практик принадлежит юбилеям войны, при помощи которых вновь и вновь актуализировалось обращение к эпохе 1812 г. В этом отношении выделенная периодизация совпадает хронологически с празднованием 5-летнего юбилея войны как символического этапа в осмыслении события.

Первыми инициаторами фиксации памяти стали современники и участники военных действий. Война 1812 г. нашла свое отражение в многочисленных произведениях поэзии (произведения В.А. Жуковского, солдатские песни, публикация сборника «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г.») и мемуарной литературе. Первый юбилей войны праздновался уже в 1817 г., что стало важным моментом начала использования основных видов коммеморативных практик. От произвольного написания поэтических произведений начался целенаправленный процесс визуально-монументального изображения памяти о войне 1812 г. (появление военной галереи 1812 г. в Зимнем дворце, открытие Московского манежа).

Второй подэтап пришелся на 1830–1870-е гг. XIX в. и ознаменовал собой первые факты целенаправленной деятельности общества и государства в актуализации исторической памяти о войне. В этот период праздновался 25-летний юбилей войны, обусловивший широкий интерес общественности к празднуемому событию, эта тема стала одной из самых обсуждаемых и значимых. Именно 25-я годовщина победы в Отечественной войне 1812 г. инициировала сооружение первых монументов. Бородинское поле превратилось в центральное «место памяти» 1812 г.

Впервые в практику была введена традиция проведения церемониальных мероприятий. 50-летний юбилей войны (1862 г.) пришелся на эпоху великих реформ 1860-х гг. Возможно, по этой причине полувековая годовщина не праздновалась широко, так как в некоторой степени, она оказалась в своего рода «тени» таких событий, как отмена крепостного права 1861 г. и празднование тысячелетия российской государственности 1862 г. Несмотря на это, в 1860-х гг. историческая память об Отечественной войне 1812 г. была актуализирована в связи публикацией великого романа Л. Н. Толстого «Война и мир», инициировавшем новую веху в осмыслении российским обществом эпохи 1812 г.

Второй этап формирования коммеморативных практик по увековечиванию Отечественной войны 1812 г. охватывает период с 1880-х по 1912 г. Его характерной особенностью явилось то, что государственный и общественный уровни формирования коммеморативных практик развивались параллельно, дополняя друг друга. При этом цели на каждом из уровней были различны. Российское общество, глубоко потрясенное событиями военного времени, испытывало потребность в различных формах запечатлеть увиденное и пережитое. Более того, следующие поколения, понимая огромную значимость события в истории России, принимали ряд инициатив по сохранению памяти о нем. Так, общественные инициативы выразились в публикации мемуарной литературы, написании поэтических произведений и художественной литературы, поиске экспонатов для музеев истории войны 1812 г., сборе средств для возведения монументов и т. п. Государственная власть при формировании исторической памяти преследовала конкретную цель: использовать память о героических страницах истории как средство для усиления официальной правительственной идеологии. Государственный уровень прежде всего подразумевал проведение церемониальных правительственных мероприятий, в которых самая значительная роль отводилась императору и монаршей семье.

Так, на втором этапе, к концу XIX – началу XX в. в Российской империи сложились все основные формы коммемораций, которые активно использовались как обществом, так и государством. Комплекс произведений литературы, мемуаров участников и современников Отечественной войны 1812 г., исторические труды об

Отечественной войне 1812 г., учебные пособия по истории XIX в., научно-популярные «юбилейные брошюры» о войне, материалы периодической печати составили комплекс нарративных коммеморативных практик. Различные жанры изобразительного искусства (литографии, картины, фотоснимки), памятники архитектуры, комплексы монументов героям войны, музеи, созданные на местах сражений, были выделены в визуальные и монументальные формы коммеморации. Празднование исторических юбилеев и памятных дат эпохи 1812 г. актуализировало создание и активное использование особой церемониальной формы коммеморативных практик, выразившейся в проведении официальных, строго регламентированных мероприятий, прошедших при участии императора, членов императорской семьи, служителей православного культа и представителей государственной власти.

В процессе анализа коммеморативных практик XIX – начала XX в. обнаружилась тенденция изменения соотношения использования той или иной формы. Так, в послевоенный период, в начале XIX в., использовалась большей частью нарративная форма как непосредственная реакция на события 1812 г. Уже первый 5-летний юбилей войны 1817 г., инициировал использование монументальных и первых церемониальных форм коммемораций. Празднование 25-летия победы стало событием, в котором использовались одновременно все формы коммеморации. Нарративная – в виде произведений литературы, монументальная – в виде архитектурных сооружений и монументов, визуальная – в живописном изображении эпохи 1812 г., церемониальная – в виде проведения официальных государственных мероприятий. Юбилеи Отечественной войны 1812 г. стали в определенной степени образцом для празднования 900-летия крещения Руси в 1888 г., 200-летия Полтавской битвы 1907 г., 300-летия царствования дома Романовых в 1913 г.

Таким образом, к 100-летнему юбилею Отечественной войны 1812 г. в России сложилась вековая традиция увековечивания памяти об этом событии. Государством и обществом был использован солидный опыт предыдущих юбилейных торжеств. 1912 г. стал самым масштабным примером празднования победы над наполеоновской Францией.

В 1912 г. были созданы условия для очередной целенаправленной актуализации Отечественной войны в сложных исторических условиях начала XX в., ознаменовавшегося нарастанием революционного движения и ослаблением императорской власти. В этих условиях память о героических страницах прошлого могла консолидировать общество и сохранить веру в незыблемость царской России. В связи с этим к празднованию 100-летней годовщины были привлечены практически все органы власти как на центральном, так и на региональном уровне. Целью государственной власти было использование важных страниц истории как фактора идеологической пропаганды. Поэтому была поставлена конкретная задача – провести масштабное, общенародное торжество с привлечением как можно более широкого круга участников. Особое внимание уделялось подготовке праздничных мероприятий в учебных заведениях страны ввиду важной роли эпохи 1812 г. в патриотическом воспитании подрастающего поколения.

В проведенном исследовании 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. проанализирован на центральном и региональном уровнях. Центральный уровень выразился в праздновании в Москве, Санкт-Петербурге и на Бородинском поле как самом главном «месте памяти» войны. Московско-бородинские мероприятия задумывались властями в качестве основных, самых масштабных торжеств. Особое место было отведено Бородинскому полю, символическое значение которого было весьма велико. Региональный аспект проблемы приобрел большую значимость, так как позволил проследить общую картину и масштабы празднуемого события в Российской империи. Более того, именно в период празднования 100-летия победы в войне праздничные мероприятия приобрели общероссийских характер и реализовывались практически в каждой губернии. В качестве примера регионального уровня проанализированы данные по Казанской губернии и ее уездам, где юбилейные торжества также проводились практически повсеместно.

Анализ 100-го юбилея Отечественной войны 1812 г. показал, что широкомасштабное празднование вновь актуализировало это событие в обществе, а также инициировало активное использование новых коммеморативных практик. Был

проведен целый комплекс мероприятий, тематически посвященных 1812 г.: издавались юбилейные научные издания и юбилейные популярные брошюры, публиковались научные статьи по малоизученным аспектам войны, была создана панорама «Бородинская битва», проводились реставрационные работы на Бородинском поле, превратившемся со временем в масштабный музей-заповедник, возводились комплексы монументов, посвященных павшим героям войны, состоялся ряд церемониальных мероприятий с участием императорской семьи. Таким образом, были привлечены колоссальные материальные и человеческие ресурсы.

Однако актуализация исторической памяти Отечественной войны 1812 г., навязанная «сверху» и реализованная посредством церемониальных коммеморативных практик, вызывала некоторое отторжение в оппозиционно настроенной группе российского общества. Более того, годовщина победы стала еще одним поводом для критики политики самодержавно-монархического строя. Исследователи исторической памяти об Отечественной войне пришли к выводу, что общенародного торжества не получилось. Несмотря на критику государственной попытки использования юбилея в целях укрепления власти, в Российской империи был проведен большой комплекс мероприятий, способствовавших не только актуализации памяти о войне 1812 г., но и появлению большого комплекса коммеморативных практик. 100-летний юбилей вызвал ряд научных и общественных дискуссий о страницах войны, были выявлены новые подходы к роли тех или иных исторических деятелей, таких как Александр I., Наполеон, М. И. Кутузов. Были актуализированы личности полководцев, оставшихся в «тени» Михаила Илларионовича (например, М. Б. Барклай-де-Толли, П. И. Багратион). Были созданы новые живописные и архитектурные памятники искусства, комплекс монументов героям войны, а «Бородинское поле» приобрело ритуально-символическое значение центрального «места памяти» Отечественной войны 1812 г.

Сложившиеся коммеморативные практики, сама традиция празднования исторических юбилеев стали привычными атрибутами праздничной культуры и неким механизмом, который активно использовался обществом и государством. Нельзя преувеличивать новаторский характер празднования 100-летнего юбилея

Отечественной войны. Отдельные элементы данного масштабного события появились задолго до 1912 г., но их интеграция произошла впервые. В дни юбилея соединились общероссийский и региональный уровни осуществления коммемораций. Наряду с государственными инициативами, которые приводили к некому официозу и принудительно-обязательному участию в празднованиях, мы видим и общественные инициативы. Весьма интересен пример либерала и западника М.М. Ковалевского, который в период юбилея испытал потребность в некой семейной коммеморации, посвятив статью своему предку, являвшемуся участником войны. Важно отметить, что общественные инициативы чаще осуществлялись посредством нарративных коммеморативных практик. Однако монументальные, как наиболее дорогостоящие, могли исходить и от отдельных личностей и общества в целом. Яркий тому пример – памятники Бородинского поля. Анализируя различные виды коммеморативных практик, отметим важную роль каждой из них. Однако именно церемониальные практики интегрировали в себе все формы.

Таким образом, в ходе планирования и празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. было сделано многое. На наш взгляд, комплекс актуализированных фактов о данном событии и стал основой исторической памяти российского общества. Она обрела четкие формы, включающие в себя не подлежащие сомнению образы народного полководца М. И. Кутузова, героев народного ополчения и партизанского движения, патриотизма российского народа и т. п. Эти исторические образы пережили критику всего «царского периода» в первые годы Советской власти и стали той «скрепой», которая способствует формированию национальной (а точнее, государственной) идентичности сегодняшней России. Это наглядно продемонстрировало торжественное празднование 200-летней годовщины Отечественной войны 1812 г. в 2012 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**I. ИСТОЧНИКИ****1.1. Архивные документы****Государственный архив Российской Федерации**

1. Ф. 601. Николай II. – Оп. 1. – Д. 259, 415.
2. Ф. 826. Джунковский В. Ф. – Оп.1. – Д. 50.

Российский государственный военно-исторический архив

3. Ф. 400. Главный штаб Военного министерства. 1836–1919 гг. – Оп. 3.– Д. 2122.
4. Ф. 970. Военно-походная канцелярия его Императорского величества при Императорской главной квартире. 1826–1917 гг. – Оп. 1. – Д. 186; – Оп. 2. – Д. 271.
5. Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба. 1902–1918 гг. – Оп. 2.– Д. 1040.

Центральный государственный архив города Москвы

6. Ф. 459. Канцелярия попечителя Московского учебного округа. – Оп. 3.– Ед. хр. 6666, 6667, 6668

Российский государственный архив литературы и искусства

7. Ф. 141. Глинки: Федор Николаевич (1786–1880) – поэт, публицист. – Оп. 1. – Ед. хр. 62.
8. Ф. 442. Соколовские: Михаил Константинович (1867–1941) – историк литературы, коллекционер. – Оп. 1.– Ед. хр. 360.

9. Ф. 453. Соллогубы, графы: Федор Львович (1848–1890) – поэт, художник; жена Ф. Л. Соллогуба – Наталья Михайловна (1851–1915) – писательница, переводчица. – Оп. 1. – Ед. хр. 1162.
10. Ф. 561. Шибанов Павел Петрович, граф (1864–1935) – коллекционер, книгопродавец, библиограф. – Оп. 2. – Ед. хр. 53.
11. Ф. 938. Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) – художник, критик. – Оп. 3. – Ед. хр. 79.
12. Ф. 962. Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР. – Оп. 11. – Ед. хр. 138.
13. Ф. 1246. Гарин Николай Георгиевич (наст. фам. Михайловский; 1852 – 1906) – писатель. – Оп. 1. – Ед. хр. 121.
14. Ф. 2377. Рубо Франц Алексеевич (1856–1928) – художник. – Оп. 1. – Ед. хр. 78, 86.

Национальный архив Республики Татарстан

15. Ф. 1. Канцелярия Казанского губернатора. – Оп. 4. – Д. 5095.
16. Ф. 2. Казанское губернское правление. – Оп. 2. – Д. 12809. – Т. 1–5, 12810, 12812, 12813.
17. Ф. 92. Попечитель Казанского учебного округа. – Оп. 2. – Ед. хр. 6888, 6889. – Д. 14879, 148880, 14881, 14882, 14883, 14884.
18. Ф. 977. Канцелярия Казанского императорского университета. – Оп. 2. – Д. 12234.

Государственный исторический архив Чувашской Республики

19. Ф. 6. Предводитель дворянства Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов Казанской губернии. – Оп. 1. – Д. 69.
20. Ф. 14. Цивильская уездная земская управа Казанской губернии. – Оп. 1. – Д. 1640.
21. Ф. 15. Чебоксарская уездная земская управа Казанской губернии. – Оп. 1. – Д. 2072.

22. Ф. 79. Цивильская городская управа Казанской губернии. – Оп. 1. – Д. 335, 336.
23. Ф. 82. Чебоксарская городская управа Казанской губернии. – Оп. 1. – Д. 1297.
24. Ф. 207. Симбирская чувашская учительская школа Симбирской губернии. – Оп. 1. – Д. 842, 996.
25. Ф. 208. Алатырское реальное училище Симбирской губернии. – Оп. 1. – Д. 56, 62.
26. Ф. 209. Алатырская женская гимназия Симбирской губернии. – Оп. 1. – Д. 305.
27. Ф. 211. Цивильское высшее начальное училище Казанской губернии. – Оп. 2. – Д. 138.
28. Ф. 227. Чебоксарское духовное училище Казанской губернии. – Оп. 1. – Д. 2875.
29. Ф. 307. Управление Ядринского уездного воинского начальника Казанской губернии. – Оп. 1. – Д. 97.

1.2. Материалы периодических изданий

30. [А]. Народные гуляния / [А] // Казанский Телеграф / [А]. – 1912. – № 5798. – С. 6.
31. Алексеев, В. Русский народ и война 1812 г. / В. Алексеев // Новая жизнь. – 1912. – № 5. – С. 211–227.
32. [В]. Приезд императора Александра I в Москву / [В] // Русская старина. – 1912. – № 7–9. – С. 71–85.
33. О порядке и форме празднования по учебному ведомству 100-летнего юбилея Отечественной войны // Русская школа. – 1912. – № 3. – С. 6–8.
34. Белькович, Л. Н. Князь П. И. Багратион / Л. Н. Белькович // Русская старина. – 1912. – № 7–9. С. 33–70.

35. Бородинские торжества // Исторический вестник. – 1912. – Т. СXXX. – С. 323–354.
36. Гильфердинг, А. О Кирилле и Мефодии и тысячелетней их годовщине / А. Гильфердинг // День. – 1862. – № 25. – С. 14–16.
37. Глинский, Б. Б. Торжество России в борьбе с Наполеоном. К столетнему юбилею Отечественной войны / Б. Б. Глинский // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. – 1912. – Т. СXXIX. – С. 1–48.
38. Деша графа Жозефа де-Местра Сардинскому королю о нашей Отечественной войне 1812 г. // Русский архив. – 1912. – № 1–4. – С. 46–62.
39. Долгов, С. О. Сто лет назад. Письма И. П. Оденталя к А. Я. Булгакову о петербургских новостях и слухах / С. О. Долгов // Русская старина. – 1912. – № 10–12. – С. 12–16.
40. Жуковский, В. А. Певец во стане русских воинов / В. А. Жуковский // Вестник Европы. – 1812. – № 24. – С. 176–196.
41. Известия по Казанской епархии. – 1887. – № 11. – С. 282–284.
42. Казанские губернские ведомости. – 1862. – № 35. – С. 344–345.
43. Казанские губернские ведомости. – 1862. – № 30. – С. 225.
44. Казанские губернские ведомости. – 1912. – № 549. – С. 1–2.
45. Казанские губернские ведомости. – 1912. – № 34. – С. 4.
46. Казанские губернские ведомости. – 1912. – № 32. – С. 8.
47. Казанский телеграф. – 1904. – № 3306. – С. 4.
48. Казанский телеграф. – № 1904. – № 3296 – С. 2.
49. Кизеветтер, А. А. Граф О. В. Ростопчин / А. А. Кизеветтер // Русская мысль. – 1912. – № 12. – С. 1–59.
50. Ковалевский, М. М. 1812 год. Посвящается памяти моего отца, прапорщика в армии Кутузова / М. М. Ковалевский // Вестник Европы. – 1912. – № 7. – С. 193–224.
51. Колюбакин, Б. М. Избрание Кутузова главнокомандующим надо всеми армиями, приезд его в армию и первые дни его деятельности / Б. М. Колюбакин // Русская старина. – 1912. – № 7–9. – С. 193–224.

52. Корнилов, А. А. Эпоха Отечественной войны и ее значение в новейшей истории России / А. А. Корнилов // Русская мысль. – 1912. – № 11. – С.104–156.
53. Ларский, И. Патриотические темы 1912 г. / И. Ларский // Современный мир. – 1912. – № 2. – С. 241–253.
54. Народные гуляния // Камско-Волжская Речь. –1912. – № 192. С. 6.
55. О праздновании тысячелетия России. Современная хроника России // Отечественные записки. – 1862. – № 9. – С. 2–36.
56. Писарь, Н. И. К Портрету светлейшего князя / Н. И. Писарь // Вестник Европы. – 1812. – № 24. – С. 197–198.
57. Письмо неизвестного лица о донесении графа Местра Сардинскому королю // Русский архив. – 1912. – № 1–4. – С. 62–68.
58. Похороны праха генерал-лейтенанта Д. П. Неверовского // Исторический Вестник. –1912. – № 8. – С. 772–773.
59. Речь на торжестве, по случаю побед, одержанных Российским воинством над французскою армией 1812 г. // Вестник Европы. – 1812. – № 24. – С. 3–164.
60. Рожков, Н. Двенадцатый год и его влияние на современное ему общество / Н. Рожков // Современный мир. – 1912. – № 7. – С. 203–234.
61. Русское духовенство и Отечественная война // Кормчий. – 1912. – № 2. – С. 35–37.
62. Торжество у мусульман // Казанский Телеграф. – 1912. – № 5800.

1.3. Источники личного происхождения

63. Глинка, С. Н. Записки о войне 1812 года Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения / С. Н. Глинка. – СПб. : тип. Имп. Рос. акад., 1836. – 362 с.
64. Глинка, Ф. Н. Очерки Бородинского сражения. Воспоминания о 1812 году / Ф. Н. Глинка. – М. : тип. Н. Степанова, 1839. – 122 с.

65. Глинка, Ф. Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции / Ф. Н. Глинка. – М.: тип. Августа Семена, 1821. – 225 с.
66. Давыдов, Д. В. О партизанской войне / Д. В. Давыдов // Современник. – 1836. – Т. 3. – С. 138–158.
67. Дурова, Н. А. Записки Н. А. Дуровой, издаваемые Пушкиным А. С. / Н. А. Дурова // Современник. – 1836. – Т. 2. – С. 53–132.
68. Джунковский, В. Ф. Воспоминания: в 4 т. / В. Ф. Джунковский. – М.: Издательство имени Сабашниковых, 1997. – Т. 2. – 688 с.
69. Лажечников, И. И. Походные записки русского офицера / И. И. Лажечников. – М.: Кучково поле, 2013. – 208 с.
70. Лесков, Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Н. С. Лесков. – М.: Терра, 1997. – Т. 6. – 818 с.
71. Лонгинов, Н. М. Письма к графу С. Р. Воронцову. (1803–1823) / Н. М. Лонгинов // Архив князя Воронцова. – Кн. 23. – М.: Университет. тип., 1882. – 525 с.
72. Любленков, Н. Рассказ артиллериста о деле Бородинском / Н. Любленков. – СПб.: тип. Э. Праца и К°. – 78 с.
73. Никитин, П. Е. История города Смоленска / П. Е. Никитин. – М.: тип. С. Селивановского, 1848. – 433 с.
74. Никольский, В. П. Бородинская битва и ее 100-летний юбилей. 24-26 августа 1812–1912 г. / В. П. Никольский. – М.: Моск. книгоиздат. т-во «Образование», 1913. – 35 с.
75. Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной / [публикатор Великий князь Николай Михайлович]. – СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1910. – 320 с.
76. Раевский, Н. Н. К чести России. Из частной переписки 1812 г. / Н. Н. Раевский; сост. М. А. Бойцов. – М.: Современник, 1988. – 239 с.
77. Ростопчин, Ф. В. Правда о пожаре Москвы / Ф. В. Ростопчин. – М.: в Университетской тип., 1823. – 69 с.
78. Свербеев, Д. Н. Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799-1826): в 2 т. – М.: тип. товар. И. Н. Кушнерев и К., 1899. – Т. 1. – 436 с.

79. Синельников, Ф. М. Жизнь, военные и политические деяния Его Светлости Генерала-Фельдмаршала Князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского / Ф. М. Синельников. – СПб. : в тип. Департамента Внешней торговли, 1813. – Ч. 1–6.

80. Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи : в 5 т. – М. : тип. А. И. Мамонтова и К°, 1877. – Т. 3. – 6 с.

81. Шаховский, А. А. Москва и Париж в 1812–1814 гг. : воспоминания / А. А. Шаховский. – СПб. : тип. А. Смирдина, 1830. – 67 с.

82. Фомин, Н. И. Благоговеющая Европа перед мавзолеем Александра I Благословленного / Н. И. Фомин– СПб. : тип. Х. Гинце, 1833. – 26 с.

1.4. Литературно-художественные источники

83. Альбом акварелей по роману графа Л. Н. Толстого «Война и мир» // Бесплатное приложение к журналу «Северь». 1893. Электронный ресурс. URL: <http://russiahistory.ru/al-bom-akvarelej-k-romanu-grafa-l-n-tolstogo-vojna-i-mir-1893-g/> (дата обращения: 25. 06. 2019).

84. Нашествие Наполеона. Отечественная война 1812 г. [Альбом] / под ред. И. Н. Божеярова. – СПб. : Изд. С. М. Прокудина-Горского и К. П. Лаурсон, 1911. – 92 с.

85. Иллюстрированная Отечественная война 1812 г. [Альбом]. – СПб. : тип. Ф.С. Сущинский, 1887. – 27 с.

86. «Бородинское поле сражения. Его прошлое и настоящее 1812–1902 гг.». [Альбом]. – М. : тип. И. Н. Кушнерев и К., 1902. – 60 с.

87. Верещагин, В. В. Пояснение автора к картине «Наполеон и маршал Лористон. Мир во что бы то ни стало!» [Открытка] / В. В. Верещагин. – СПб. : Ришар, 1909.

88. Воейков, А. В. Князю-Кутузову-Смоленскому / А. В. Воейков // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г. / под ред. Н. М. Кугушева. – Ч. 1. – М. : в Университет. тип., 1814. – С. 128–129.

89. Глинка, Ф. Н. «Песнь русского воина при виде горящей Москвы» / Ф. Н. Глинка // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. – М. : Правда, 1987. – С. 72–73.

90. Глебов, Д. П. Глас московского жителя на освобождение России от врагов / Д. П. Глебов // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г. / под ред. Н. М. Кугушева. – М. : в Университет. тип., 1814. – Ч. 1. – С. 125.

91. Державин, Г. Р. Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества / Г. Р. Державин // Сочинения Державина [с объяснительными примечаниями Я. Грота] : в 9 т. . – СПб. : тип. Императорской академии наук, 1864 – 1883. – Т. 3. – 1866. – С. 137–164.

92. Жуковский, В. А. Князю Смоленскому / В. А. Жуковский // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г. / под ред. Н. М. Кугушева. – М. : в Университет. тип., 1814. Ч. 1. – С. 83 –85.

93. Жуковский, В. А. Певец во стане русских воинов // Вестник Европы. – 1812. – № 23–24. – С. 176–196.

94. Капнист, В. В. Видение плачущего над Москвою россиянина, октября 28 дня 1812 г. / В. В. Капнист // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. – М. : Правда, 1987. – С. 21–29.

95. Крылов, И. А. Басни / И. А. Крылов / отв. ред. Ф. Я. Прийма. – М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. 635 с.

96. Лермонтов, М. Ю. Бородино / М. Ю. Лермонтов // Современник. – 1837. – Т. 6. – С. 207 – 212.

97. Московские легенды, записанные Евгением Барановым / под ред. Ю. М. Буртина. – М. : Литература и политика, 1993. – 302 с.

98. Писарев, Н. И. Надпись на поле Бородинском / Н. И. Писарев // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г. / под ред. Н. М. Кугушева. – Ч. 1. – М. : в Университет. тип., 1814. – С. 121.

99. Пушкин, А. С. Собрание сочинений : в 17 т. – М.: Воскресенье, 1995. – Т. 6. – 700 с.

100. Пушкин, А. С. Собрание сочинений : в 17 т. – М.: Воскресенье, 1994. – Т. 1. – 463 с.
101. Пушкин, А. С. Полководец // Современник. – 1836. – Т. 2. – С. 192–194.
102. Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г. / под ред. Н. М. Кугушева– М. : в Университет. тип., 1814. – Ч. 2. – 252 с.
103. События 1812 г. в художественных образах и картинах по роману «Война и мир» гр. Л. Н. Толстого / сост. И. В. К. – СПб. : тип. И. В. Леонтьева, 1912. – 148 с.
104. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. М. : Просвещение, 1982. – Т. 8. – 494 с.
105. Толстой, Л. Н. Война и мир : в 4 т. – М. : Просвещение, 1981.
106. Шатров, Н. М. Пожар Москвы в 1812 г. / Н. М. Шатров // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. – М. : Правда, 1987. – С. 32–35.

1.5. Историографические источники

107. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. Г. Белинский. – М. : Изд. Акад. Наук СССР, 1953–1959. – Т. 13. – 826 с.
108. Богданович, М. И. История Отечественной войны 1812 г. : в 2 т. / М. И. Богданович. – СПб. : тип. Торгового дома С. Струговщика, Г. Похитонова, Н. Водова и К°, 1859–1860.
109. Бутурлин, Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. / Д. П. Бутурлин. – СПб. : Военная тип., 1837. – 415+9 с.
110. Военский, К. А. Две беседы полковника Мишо с императором Александром в 1812 г.: из документов Военно-ученого архива Главного штаба / К. А. Военский. – СПб. : тип. Мин-ва внутр. дел, 1907. – 32 с.
111. Военский, К. А. Отечественная война в русской журналистике / К.А. Военский. – СПб. : тип. «Бережливость», 1906. – 232 с.

112. Военский, К. А. Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников: материалы Военно-Ученого архива / К. А. Военский. – СПб. : тип. Гл. Упр. Уделов, 1911. – 97 с.

113. Военский, К. А. Русское духовенство и Отечественная война 1812 г. / К. А. Военский. – М. : тип. т-ва И. Д. Сытина, 1912. – 60 с.

114. Военский, К. А. Священной памяти 1812 г. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 г. / К. А. Военский. – СПб. : кн-во «Сел. вестн.», 1912. – 364 с.

115. Герцен, А. И. Собрание сочинений : в 30 т. / А. И. Герцен. – М. : Изд. Акад. Наук СССР, 1956. – Т. 7.– 474 с.

116. Михайловский-Данилевский, А. И. Описание Отечественной войны в 1812 г. : в 4 т. / А. И. Михайловский-Данилевский. – СПб. : Военная тип., 1839.

117. Попов, А. Н. Москва в 1812 г. / А. Н. Попов // «Русский архив». – 1875. – № 5–8. – С. 387–419.

118. Попов А. Н. Славянская заря в 1812 г. / А. Н. Попов // Русская старина. – 1893. – № 1–3. – С. 98–131.

119. Попов, А. Н. Отечественная война: от Малоярославца до Березины / А. Н. Попов. – СПб. : тип. В. С. Балашева, 1877. – 269 с.

120. Харкевич, В. И. 1812 г. Березина. Военно-историческое исследование с приложениями / В. И. Харкевич. – СПб. : Военная Тип., 1893. – 399 с.

1.6. Учебная литература по истории России

121. Иловайский, Д. И. Краткие очерки русской истории / Д. И. Иловайский. – М. : тип. Грачева, 1868. – 415 с.

122. Корнилов, А. А. Курс истории России XIX в. / А. А. Корнилов. – М. : Высш. шк., 1993. – 447 с.

123. Устрялов, Н. А. «Начертание русской истории для средних учебных заведений» / Н. А. Устрялов. – СПб. : тип. военно-учебных заведений, 1839. – 317 с.

II. ЛИТЕРАТУРА

2.1. Монографии, статьи, материалы научных конференций

1. Агеева, Г. М. Практики виртуальной коммеморации в библиотечно-информационной сфере / Г. М. Агеева // Скворцовские чтения. Библиотечное дело – 2012: библиотечно-информационная деятельность в пространстве науки, культуры и образования. – Ч. 1. – М. : МГУКИ, 2012. – 283 с.

2. Айзикова, И. А. Историко-литературное значение «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г.» / И. А. Айзикова // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 1. – С. 31–41.

3. Айзикова, И. А. Сочинения об Отечественной войне 1812 г. в библиотеке В. А. Жуковского / И. А. Айзикова // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 4 (16). – С. 69–81.

4. Антипин, Н. А. 50-летие Русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики 1954–1955 гг. / Н. А. Антипин // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 40. – С. 79–93.

5. Аникина, А. Б. Память как матрица истории (концепция Поля Рикёра) / А.Б. Аникина // История, память, идентичность. – М. : Аквилон, 2016. – С. 27–30.

6. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.

7. Ариес, Ф. Время истории / Ф. Ариес. – М. : ОГИ, 2011. – 304 с.

8. Арторг, Ф. Порядок времени, режимы историчности / Ф. Арторг // Неприкосновенный запас. – 2008. – № 3(59). – С. 19–38.

9. Бадмаев, В. Н. Ментальность и историческая память / В. Н. Бадмаев // Вестник Калмыцкого университета. – 2012. – Вып. № 1 (13). – С. 78–84.
10. Баранова, Н. С. Отечественная война 1812 г. и публицистика Н. С. Лескова / Н.С. Баранова // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 2. – С. 347–349.
11. Барг, М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма / М. А. Барг. – М. : Мысль, 1987. – 348 с.
12. Барг, М. А. Историческое сознание как проблема историографии / М. А. Барг // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. – М. : ИВИ РАН, 2005. – С. 12–38.
13. Бикташева, А. Н. Антропология власти. Казанские губернаторы первой половины XIX века / А. Н. Бикташева. – М. : Новый хронограф, 2012. – 495 с.
14. Бикташева, А. Н. Местное управление в России в первой четверти XIX века (по материалам сенаторских ревизий) / А. Н. Бикташева // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 158. – № 3. – С. 691–698.
15. Безотосный, В. М. Отечественная война 1812 г. Биографический словарь / В. М. Безотосный. – М. : Кучково поле, 2011. – 352 с.
16. Безотосный, В. М. Эпоха 1812 г. Исследования. Источники. Историография / В. М. Безотосный. – М. : Изд. Гос. ист. музея, 2004. – 384 с.
17. Безотосный, В. М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 г. / В. М. Безотосный. – М. : Рос. пол. энцикл., 1999. – 224 с.
18. Бескровный, Л. Г. Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова / Л. Г. Бескровный. – М. : Изд. АН СССР, 1951. – 180 с.
19. Бескровный, Л. Г. Отечественная война 1812 г. / Л. Г. Бескровный. – М. : Соцэкгиз, 1962. – 611 с.
20. Богданов, В. В. История и память. Проект междисциплинарного исследования социальной памяти / В. В. Богданов, П. Ю. Черников, А. В. Байлов, Л. В. Горпынченко. – Таганрог : ТТИ ЮФУ, 2010. – 102 с.

21. Болдина, Е. Г. Из истории Бородинских торжеств 1839 г. (по документам Центрального исторического архива Москвы) / Е. Г. Болдина // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы: материалы науч. конф. – Бородино, 1997. – С. 190–197.

22. Болдина, Е. Г. Орлы, колонны, обелиски... / Е. Г. Болдина // Памятники Отечества. – 2000. – № 47. – С. 132–137.

23. Бордюгов, Г. А. Октябрь. Сталин. Победа / Г. А. Бордюгов // Культ юбилеев в пространстве памяти. – М. : АИРО-XXI, 2010. – 256 с.

24. Бочков, Е. Н. Придать юбилею Отечественной войны значение всенародного торжества: деятельность высших и центральных органов власти и управления российской империи по организации праздничных мероприятий, посвященных 100-летию отечественной войны 1812 г. / Е. Н. Бочков // Новейшая история России. – 2012. – № 3(5). – С. 6–25.

25. Бочков, Е. А. Он спас отечество своё. Он открыл путь к избавлению народов / Е. А. Бочков // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 4. – С. 44–47.

26. Булыгина, Т. А., Историческая память и юбилеи в России в XX–XXI веках / Т. А. Булыгина, Т. Н. Кожемяко // История и историческая память. – 2012. – № 6. – С. 63–76.

27. Буянова, Г. Б. «Да, были люди в наше время.»: Отечественная война 1812 г. в зеркале классической русской литературы / Г. Б. Буянова // Филологическая регионалистика. – 2012. – № 2 (8). – С. 66–71.

28. Васильева, Е. О. Роль практик коммеморации в процессах организации социального пространства современного искусства / Е. О. Васильева // Власть. – 2009. – № 9. – С. 40–43.

29. Ватник, Н. С. Средние учебные заведения Москвы в праздновании 100-летия Отечественной войны 1812 г. / Н. С. Ватник // Грамота. – 2012. – № 10 (24). – С. 58–62.

30. Вацуро, В. Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа» / В. Э. Вацуро. – СПб. : Наука, 1994. – 240 с.

31. Вишленкова, Е. А. «Метки на память»: сатирические образы войны 1812 г. / Е. А. Вишленкова // История и историческая память. – 2012. – № 6. – С. 150–163.

32. Вельцнер, Х. История, память и современность прошлого / Х. Вельцнер // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 28–37.

33. Волков, Е. В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества / Е. В. Волков. – Челябинск: Челябинский дом печати, 2008. – 392 с.

34. Герасимова, Г. И. Великая картина великого подвига. Панорама «Бородино» по материалам коллекций ГПИБ / Г. И. Герасимова // Чертковские чтения: материалы второй науч. конф. [сборник]. – М.: ГПИБ, 2013. – С. 61–76.

35. Гладышев, А. В. 200-летний юбилей событий большой европейской войны 1812–1815 годов: российский вариант / А. В. Гладышев // История и историческая память. – 2016. – Т. 13–16. – С. 69–81.

36. Голубева, Е. В. Образ М. И. Кутузова в истории и литературе: сходства и различия / Е. В. Голубева // Известия СмолГУ. – 2014. – № 2 (26). – С. 27–35.

37. Горин, И. Н. Культурно-исторические символы и историческая память / И. Н. Горин, В. В. Менщиков // Историко-педагогические чтения. – 2007. – № 11. – С. 74–78.

38. Горностаев, М. В. Генерал-губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин: страницы истории 1812 г. / М. В. Горностаев. – М.: ИКФ «Каталог», 2003. – 60 с.

39. Горбунов, А. В. Бородинские торжества 1839 и 1912 гг. как образцы празднования исторических юбилеев в Российской империи / А. В. Горбунов // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы: материалы Междунар. науч. конф. – Можайск, 2010. – С. 153–161.

40. Горбунов, А. В. Бородинское сражение в новейшей отечественной историографии (1989–1999 годов) / А. В. Горбунов // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации. – Вологда, 2000. – Ч. 2. – С. 135–143.

41. Горбунов, А. В. Бородинское поле - уникальная историческая территория / А. В. Горбунов // Бородинское поле. История. Культура. Экология. – М. : ГосНИИАС, 1995. – С. 5–25.

42. Горбунов, А. В. Бородинское поле как объект культурного наследия, 1839-1999 гг. / А. В. Горбунов // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы : материалы Всерос. науч. конф. – Можайск : Terra, 2000. – 288 с.

43. Гусаров, Г. В., Чибис, А. А. Отечественная война 1812 г. Документы и материал фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики / Г. В. Гусаров, А. А. Чибис. – Чебоксары : Новое время, 2012. – 390 с.

44. Данченко, В. Г., Габаев, Г. С. Отечественная война 1812 г. и освободительный поход Русской армии 1813–1814 годов: энцикл. : в 3 т. / В. Г. Данченко, Г. С. Габаев. – М. : РОССПЭН, 2012. – Т. 1. – 713 с.

45. Дмитриева, О. О. Празднование 100-летнего юбилея отечественной войны 1812 г. в учебных заведениях Чувашского края / О. О. Дмитриева // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения) : Сб. ст. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. – С. 153–158.

46. Дмитриева, О. О., Иванова, Т. Н. Празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года как пример реализации коммеморативных практик / О. О. Дмитриева, Т. Н. Иванова // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 4. – С. 21–26.

47. Дмитриева, О. О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке / О. О. Дмитриева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 6 (361). – С. 132–137.

48. Дмитриева, О. О. Проблемы изучения юбилеев Отечественной войны 1812 года в современной исторической науке / О. О. Дмитриева // Вестник Екатеринбургского института. – 2017. – № 2 (38). – С. 27–29.

49. Дьяков, В. А. Бородинские юбилеи и их воздействие на дореволюционную историографию / В. А. Дьяков // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. – М. : Наука, 1981. – С. 302–312.

50. Жилин, П. А. Контрнаступление Кутузова в 1812 г. / П. А. Жилин. – М. : Военное издательство военного министерства СССР, 1950. – 192 с.
51. Жилин, П. А. Гибель наполеоновской армии в России / П. А. Жилин. – М. : Наука, 1968. – 439 с.
52. Земцов, В. Н. «Французское» Бородино. Французская историография Бородинского сражения // Отечественная история. – 2002. – № 6. – С. 38–51.
53. Земцов, В. Н. Панорама Ф. А. Рубо «Бородинская битва»: история одного национального мифа / В. Н. Земцов // Вопросы всеобщей истории. – 2012. – Т. 14. – С. 36–56.
54. Земцов, В. Н. Бородино в исторической памяти немцев / В. Н. Земцов // Немцы на Урале и в Сибири (XVII–XX вв.): Материалы науч. конф. – Екатеринбург, 2001. – С. 513 – 542.
55. Зоркая, Н. М. Визуальные образы войны / Н. М. Зоркая // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 377–387.
56. Герасимова, И. Великая картина великого подвига. Панорама «Бородино» по материалам коллекций ГПИБ. / И. Герасимова // Чертковские чтения : материалы науч. конф. – М. : ГПИБ, 2013. – С. 61–76.
57. Гудков, Л. Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян / Л. Д. Гудков // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 46–57.
58. Жердеева, Ю. А. Музеи Великой войны в России: формирование мемориальной культуры / Ю. А. Жердеева // История, память, идентичность: материалы междунар. науч. конф. – М. : Аквилон, 2016. – С. 141–144.
59. Буганов, А. В. Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 г. / А. В. Буганов, М. Г. Вандалковская, Л. А. Сидорова, А. Д. Соколова. – Тула: ЗАО «Гриф и К », 2012. – 240 с.
60. Ивченко, Л. Л. Бородино: Легенда и действительность / Л. Л. Ивченко. – М. : ООО ИЦ «Экспринт», 2002. – 88 с.
61. Ивченко, Л. Л. Кутузов и Бородинское сражение / Л. Л. Ивченко // Бомбардир. – 1995. – № 3. – С. 14–24.

62. Ивченко, Л. Л. Кутузов / Л. Л. Ивченко. – М. : Молодая гвардия, 2012. – 494 с.

63. Лупарева, Н. Н. Историсофия Отечественной войны 1812 г. в сочинениях С. Н. Глинки / Н. Н. Лупарева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2012. – № 6. – С. 25–27.

64. Кирьяш, О. А. Война 1812 г. : столкновение варварства и цивилизации / О. А. Кирьяш / отв. ред. В. П. Буданова, О. В. Воробьева // Цивилизация и варварство. – М. : Аквилон, 2014. – С. 273–286.

65. Киселев, В. С. Идеологический контекст «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г.» (статья первая) / В. С. Киселев // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2012. – Вып. № 1. – С. 35–51.

66. Киселев, В. С. Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г.» (статья вторая) / В. С. Киселев // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2012. – Вып. № 2. – С. 39–49.

67. Киселева, И. А. Роль событий войны 1812 г. в формировании имперских настроений русского общества первой трети XIX в. : к вопросу о патриотизме Лермонтова / И. А. Киселева // Вестник Московского государственного областного университета. – 2012. – №4. – С. 182–187.

68. Козлов, Ф. Н. Экономическое положение православного духовенства в период временного правительства (на материалах национальных регионов среднего Поволжья) / Ф. Н. Козлов // Экономическая история. – 2019. – Т. 15. – № 1 (44). – С. 72–81.

69. Колоскова, Е. Е. Юбилейные торжества в память 100-летия отечественной войны 1812 г. в высочайшем присутствии / Е. Е. Колоскова, А. А. Литвин // Бородино – Москва – Смоленск. – М. : Полиформ, 2012. – 319 с.

70. Колоскова, Е. Е. О подготовке фотоальбома «Юбилейные торжества в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. в высочайшем присутствии. Бородино. Москва. Смоленск» / Е. Е. Колоскова, А. А. Литвин // Отечественные архивы. – 2012. – № 3. – С. 77–82.

71. Коркина, М. А. Официальное чествование юбилейных и памятных дат реформаторской деятельности Александра II в 80–90-е годы XIX в. / М. А. Коркина // Актуальные проблемы исторических исследований : взгляд молодых учёных. – 2011. – С. 96–103.

72. Костина, Е. Н. Память, забвение, идентичность: диалектика феноменов / Е. Н. Костина // Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – 153 т. – С. 60–65.

73. Кондратова, Н. А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной / Н. А. Кондратова, А. Н. Рылева // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 134–148.

74. Крючков, И. В. Образ отечественной войны 1812 г. в либеральной российской прессе в контексте столетнего юбилея войны / И. В. Крючков, Н.Д. Крючкова // История и историческая память. – 2012. – № 6. – С. 9–19.

75. Кузнецов, А. А. Диктатура юбилеев. Мемориальный бум как призрак иной повседневности // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / А. А. Кузнецов, А. Н. Маслов / под ред. Г. А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – С. 514–548.

76. Кузнецов, А.А., Чепурнов Н.И. Наградная медаль / А.А. Кузнецов, Н.И. Чепурнов. – М. : Патриот, 1992. – С. 219–222.

77. Лангеноль, А. официальные визиты. Интернационализация памяти о Второй мировой войне в России и Германии / А. Лангеноль // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 209–218.

78. Лаптева, М. П. Методологические рефлексии Поля Рикёра / М. П. Лаптева // История. Память. Идентичность. – М. : Аквилон, 2016. – С. 230–234.

79. Лебедев, А. К. Василий Васильевич Верещагин / А. К. Лебедев, А. В. Солодовников. – Л. : Художник РСФСР, 1987. – 180 с.

80. Лебедева, Е. Н. Торжества по случаю 100-летия Отечественной войны 1812 г. в документах российского государственного архива кинофотодокументов / Е. Н. Лебедева // Вестник архивиста. – 2012. – № 3. – С. 29–42.

81. Левада, Ю. А. Историческое сознание и научный метод / Ю. А. Левада // *Философские проблемы исторической науки*. – М. : Букинист, 1969. – С. 184–224.

82. Леонтьева, О. Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке / О. Б. Леонтьева // *Диалог со временем*. – 2016. – Вып. 50. – С. 59–97.

83. Леонтьева, О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в.» / О. Б. Леонтьева. – Самара: «Книга, 2011. – 448 с.

84. Лиманова, С. А. Организация и проведение 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. : Бородино – Москва – Санкт-Петербург / С. А. Лиманова // *Эпоха 1812 г. в судьбах России и Европы*. М. : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 8-11 октября 2012 г.). – М. : 2013. – С. 510–520.

85. Лупарева, Н. Н. Историософия Отечественной войны 1812 г. в сочинениях С. Н. Глинки / Н. Н. Лупарева // *Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики*. Серия : Гуманитарные науки. – 2012. – № 6. – С. 25–27.

86. Мажников, В. И. Историческая память о Сталинградской битве как фактор формирования межнациональной толерантности / В. И. Мажников // *Вестник Волгоградского государственного университета*. – 2013. – № 1. – Серия 4. – С. 8–13.

87. Малышкин, С. А. Из истории музеефикации Бородинского поля 1839–1911 гг. Главный монумент / С. А. Малышкин // *Бородинское поле. История, культура, экология*. – 2000. – Вып. 2. – С. 168–174.

88. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – М. : Канон +, 2007. – 480 с.

89. Молодяков, В. Э. Историческая политика и политика памяти / В. Э. Молодяков // *Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя* / под ред. Г. А. Бордюгова. – М. : АИРО-XXI, 2011. – С. 15–35.

90. Мельникова, Л. В. Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 г. / Л. В. Мельникова. – М. : Издание Сретенского монастыря, 2002. – 243 с.

91. Мельникова, Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн / Л.В. Мельникова. – М.: Кучково поле, 2007. – 416 с.
92. Морозов, О. В. Рецензия на кн. : Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в.». (Самара : «Книга, 2011.447 с.) / О. В. Морозов // Диалог со временем. – 2014. – Вып. 46. – С. 374–383.
93. Моторина, О. М. Отечественная война 1812 г. в изданиях XIX – начала XX века / О. М. Моторина // История. Историки. Источники : электронный научный журнал. – 2017. – № 4. – С. 23–44.
94. Нора, П. Франция – память / П. Нора. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. – 328 с.
95. Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л. П. Репиной. – М. : Кругъ, 2010. – 960 с.
96. Мельникова, Л. В. Отечественная война 1812 г. в культурной памяти России / С. С. Секиринский, А. А. Подмазо, А. В. Голубев, Н. Н. Аурова. – М. : Кучково поле, 2012. – 448 с.
97. Павлова, С. В. Императорский Царскосельский Лицей / С.В. Павлова. – СПб. : Паритет, 2011. – 256 с.
98. Пищулина, О. Ю. Способы создания социально-психологической характеристики героев (на примере романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир») / О. Ю. Пищулина // Филологос. – 2009. – № 1–2 (5). – С. 102–115.
99. Подмазо, А. А. Бородинское поле на цветных фотографиях 1911 г. / А. А. Подмазо // Бородино и наполеоновские войны. Битвы. Поля сражений. Мемориалы. – М. : Калита, 2003. – С. 93–96.
100. Постникова, А. А. Сражение при Березине в исторической памяти Франции. / А. А. Постникова // Новая и новейшая история. – 2012. – № 2. – С. 53–63
101. Покровский, М. Н. Русская история в самом сжатом очерке / М. Н. Покровский. – М.: Партиздат, 1934. – 259 с.
102. Проскурина, Ю. М. Важнейшие этапы в осмыслении события 1812 г. в русской литературе и литературной критике / Ю. М. Проскурина // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2. – С. 258–260.

103. Пузанов В. В. Социокультурный образ князя в древнерусской литературе XI – начала XII века // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2011. – № 6. – С. 128–152.

104. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI веков: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М. : Кругъ, 2011. – 560 с.

105. Репина, Л. П. Историческая память и современная историография / Л. П. Репина // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 9–51.

106. Репина, Л. П. История исторического знания / Л. П. Репина, В. В. Зверева, П. Ю. Пармонова. – М. : Дрофа, 2004. – С. 11–12.

107. Репина, Л. П. Историческое сознание и историописание / Л. П. Репина // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. – М. : ИВИ РАН, 2005. – С. 3–12.

108. Рикёр, П. Диалектика памяти и забвения / П. Рикёр // Культурология : Дайджест. – 2002. – № 1 (20). – С. 57–62.

109. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр. – М. : Изд. Гуманит. лит., 2004. – 728 с.

110. Ростовцев, Е. А., Направления исследований исторической памяти в России / Е. А. Ростовцев, Д. А. Сосницкий // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2014. – Вып.2. – Сер. 2. – С. 106–126.

111. Рюзен, Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) / Й. Рюзен // Диалог со временем. – 2001. – Вып. 7. – С. 8–26.

112. Рюзен, Й. Кризис, травма, идентичность / Й. Рюзен // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. – М. : ИВИ РАН, 2005. – С. 38–63.

113. Сабурова, Т. А. Отечественная война 1812 г. в коммеморативных практиках и исторической памяти российского общества в XIX - начале XXI в. / Т. А. Сабурова // Эпоха 1812 года : Исследования. Источники. Историография : в 12 т. – М. : Государственный исторический музей, 2014. – С. 377–396.

114. Сапожников, А. И. «Описание Отечественной войны в 1812 г.» А. И. Михайловского-Данилевского в оценках современников / А. И. Сапожников // Клио. – 1998. – № 4. – С. 187–196.

115. Сапожников, А. И. Генерал-лейтенант А. И. Михайловский Данилевский: карьера военного историка / А. И. Сапожников // Новый часовой. – 1997. – № 5. – С. 45–48.

116. Сапожников, А. И. Развитие отечественной военной историографии в николаевскую эпоху (Д. П. Бутурлин, А. И. Михайловский-Данилевский, Д. А. Милютин) / А.И. Сапожникова // Россия в Николаевское время: наука, политика, просвещение. Альманах / отв. ред. М. Ф. Хартанович, М. И. Микешин. – 1998. – Вып. 6. – С. 272–283.

117. Сапожников, А. И. Неопубликованная «История кампании 1812 г.» А. И. Михайловского-Данилевского // Отечественная война 1812 года : Источники. Памятники. Проблемы : материалы науч. конф. – Можайск : Маленький город, 2004.– С. 304–319.

118. Сапожников, А. И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 г. / А. И. Сапожников. – СПб. : Альянс-Архео, 2012 – 844 с.

119. Сапожников, А. И. 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. в газетных публикациях: коллекция генерала Ф. Я. Ростковского / А. И. Сапожников // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы науч. конф. – М. : Полиграф сервис, 2006. – С. 414 – 424.

120. Селедкина, С. Н. Установка главного монумента на Бородинском поле и создание музея на станции Бородино (в документах РГИА) / С. Н. Селедкина // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы XVI Междунар. науч. конф. – Можайск : Гос. Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2010. – С. 100–108. С. 87–96.

121. Сенявская, Е. С. Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики / Е. С. Сенявская, А. С. Сенявский // Вестник Московского государственного института международных отношений. – 2009. – № 4. – С. 299–310.

122. Серова, С. А. 100-летие Отечественной войны: юбилейная литература и публикаторская деятельность / С. А. Серова // Вестник архивиста. – 2012. – № 3. – С. 43–50.

123. Скобелев, К. Н. Солдатская переписка 1812 г. Рассказы русского инвалида / К. Н. Скобелев // 1812 год в воспоминаниях, рассказах и переписке современников. – М. : Воениздат, 2001. – С. 147–293.

124. Смирнов, А. А. Москва – героям 1812 г. / А. А. Смирнов. – М. : Московский рабочий, 1981. – 173 с.

125. Соколова, М. В. Что такое историческая память / М. В. Соколова // Преподавание истории в школе. – 2008. – № 6. – С. 37–44.

126. Соловьев, А. В. Отечественная война 1812 г.: два взгляда на одно историческое событие / А. В. Соловьев // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 3. – С. 427–429.

127. Троицкий, Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты / Н. А. Троицкий. – М. : Центрполиграф, 2002. – 367 с.

128. Троицкий, Н. А. 1812. Великий год России / Н. А. Троицкий. – М. : Мысль, 1988. – 347 с.

129. Троицкий, Н. А. Отечественная война 1812 г. История темы / Н. А. Троицкий. – Саратов: Изд. Саратов. ун-та, 1991. – 112 с.

130. Троицкий, Н. А. Александр I и Наполеон / Н. А. Троицкий. – М. : Высш. шк., 1994. – 304 с.

131. Троицкий, Н. А. Фельдмаршал М. И. Кутузов: легенда и реальность / Н. А. Троицкий. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. – 77 с.

132. Троицкий, Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты / Н. А. Троицкий. – М. : Центрполиграф. – 367 с.

133. Троицкий Н. А. 1812. Великий год России / Н. А. Троицкий. – М. : Омега, 2007. – 560 с.

134. Троицкий, Н. А. Александр I против Наполеона / Н. А. Троицкий. – М. : Яуза, Эксмо, 2007. – 415 с.

135. Ульянова, Г. Н. Национальные торжества / Г. Н. Ульянова // Россия в начале XX века. Исследования / под ред. А. Н. Яковлев. – М. : Новый Хронограф, 2002. – С. 542–576.

136. Ульянова, Г. Н. Юбилей Бородинской битвы и проблема трансформации исторической памяти: историография и периодизация / Г. Н. Ульянова // Эпоха 1812 г. в судьбах России и Европы. М. : Изд-во Института российской истории РАН, 2013. – С. 498–509.

137. Уинтер, Дж. Война, память, воспоминание / Дж. Уинтер // Диалог со временем. – 2016. – Вып. 56. – С. 5–16.

138. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 8–27.

139. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М. : Новое издательство, 2007. – 48 с.

140. Хаттон, П. История как искусство памяти / П. Хаттон. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 424 с.

141. Хобсбаум, Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум // Вестник Евразии. – 2000. – Вып. – № 1. – С. 47–61.

142. Цимбаев, К. Н. Феномен юбилеямани в российской общественной жизни конца XIX – начала XX в. / К. Н. Цимбаев // Вопросы истории. – 2005. – № 11. – С. 98–108.

143. Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / Ф. Ферро. – М. : Высш. шк., 1992. – 351 с.

144. Феретти, М. Непримируемая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему / М. Феретти // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 76–82.

145. Фукс, А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографическое явление / А. Н. Фукс // Преподавание истории в школе. – 2007. – №7. – С. 28–34.

146. Фукс, А. Н. «Русская история в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского как историографический источник / А. Н. Фукс // Вестник Московского государственного областного университета. – 2010. – № 3. – С. 13–21.

147. Шильникова, О. Г. Типологический алгоритм «толстого» журнала в России XIX–XX вв. / О. Г. Шильникова // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2008. – № 7. – С. 65–77.

148. Шишов, А. В. Неизвестный Кутузов. Новое прочтение биографии / А. В. Шишов. – М. : Олма-Пресс, 2001. – 446 с.

149. Шенк, Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Ф. Б. Шенк. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 592 с.

150. Шепелева, В. Б. История и память в русской историософской мысли и вызов времени XX– начала XXI века / В. Б. Шепелева // История, память, идентичность. – М. : Аквилон, 2016. – С. 436–440.

151. Щербакова, И. Л. Над картой памяти / И. Л. Щербакова // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 108–115.

152. Школьный учебник истории и государственная политика / под общ. ред. В. И. Якунина. – М. : Научный эксперт, 2009. – 376 с.

153. Чулошников, А. Л. Н. Толстой и князь Н. М. Романов / А. Чулошников // Красный архив. 1927. № 21. С. 231–241.

154. Эткинд, А. Столетняя революция: юбилей начала и начало конца / А. Эткинд // Отечественные записки. – 2004. – № 5. – С. 40–54.

155. Эхтернкамп, Й. «Немецкая катастрофа»? О публичной памяти о Второй мировой войне в Германии / Й. Эхтернкамп // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 83–87.

156. The politics of war memory and commemoration / edited by T. G. Ashplant, Gr. Dawson, M. Roper. – London: Psychology Press, 2000. – 282 p.

2.2. Диссертации и авторефераты

1. Антипин, Н. А. Русско-японская война в культурной памяти российского общества. 1904–2000-е гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07. 00. 02 / Антипин Николай Александрович. – Челябинск, 2013. – 210 с.
2. Агронов, Л. И. Постсоветская российская историография Отечественной войны 1812 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07. 00. 09 / Агронов Лев Игоревич. – М., 2007. – 23 с.
3. Бабакина, Е. И. Наполеон Бонапарт в войне 1812 г. : историографическое исследование : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07. 00. 09 / Бабакина Елена Игоревна. – М., 2015. – 29 с.
4. Белоусов, С. В. Провинциальное общество и Отечественная война 1812 г. (на материалах Среднего Поволжья) : автореф. дис. ... док. ист. наук : 07. 00. 02 / Белоусов Сергей Владиславович. – Самара, 2007. – 40 с.
5. Буганов, А. В. Выдающиеся личности и события в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ... док. ист. наук : 07. 00. 02 / Буганов Александр Викторович. – М., 2010. – 45 с.
6. Букреева, Е. М. Коллекция И. Х. Колодеева в системе источников по истории Отечественной войны 1812 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07. 00. 09 / Букреева Елена Михайловна. – М., 2011. – 24 с.
7. Бессонов, В. А. Военнопленные Великой армии 1812 г. в России (по материалам Калужской губернии) : дис. ... канд. ист. наук : 07 .00. 02 / Бессонов Виталий Анатольевич. – Самара, 2001. – 247 с.
8. Буслаев, А. И. Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год) : организация, символика, восприятие обществом : дис. ... канд. ист. наук : 07. 00. 02 / Буслаев Алексей Игоревич. – М., 2010. – 305 с.
9. Васильева, Е. О. Коммеморация в практиках современной живописи: память о модерне в постмодерне: дис. ... канд. философ. наук: 24. 00. 01 / Васильева, Елена Олеговна. – Саранск, 2011. – 164 с.

10. Дырышева, И. Г. Патриотизм дворянства в Отечественной войне 1812 г. : дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 02 / Дырышева Ирина Геннадьевна. – СПб., 2007 – 173 с.

11. Ивченко, Л. Л. Бородинское сражение : историография, источники, проблемы исторической реконструкции : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07. 00. 09 / Ивченко Лидия Леонидовна. – М., 2005. – 240 с.

12. Сапожников, А. И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 г. : дис. ... док. ист. наук : 07.00.02 / Сапожников Александр Иванович. – СПб., 2013. – 541 с.

13. Лепешинская, Т. А. Роман Л. Н. Толстого «Война и Мир» как исторический источник в изображении событий Отечественной войны 1812 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 09 / Лепешинская Татьяна Александровна. – Омск, 2006. – 225 с.

14. Шеин, И. А. Отечественная война 1812 г. : Историографическое исследование : дис. ... док-ра. ист. наук : 07. 00. 09 / Шеин Игорь Александрович. – М., 2002. – 551 с.

15. Шведов, С. В. Комплектование, численность и потери Российской армии в Отечественной войне 1812 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07. 00. 02 / Шведов Сергей Вячеславович. – Саратов, 2005. – 24 с.

16. Шистеров, М. В. Отечественная война 1812 г. в зарубежной историографии: дис. ... канд. ист. наук : 07. 00. 09 / Шистеров Максим Валерьевич. – Екатеринбург, 2009. – 247 с.

17. Федотова, Л. В. Отечественная война 1812 г. и заграничные походы в представлении журнала «Сын отечества» (1812–1814) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07. 00. 02 / Федотова Лидия Вениаминовна. – Саратов, 2013. – 27 с.

2.3. Интернет-ресурсы

1. Антипин, Н. А. 50-летний юбилей русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики, 1954–55 гг. [Электронный ресурс] / Н. А. Антипин // Матери-

алы Междунар. молодежного науч. форума «ЛОМОНОСОВ 2012». – Режим доступа : http://lomonosov.msu.ru/archivve/Lomonosov_2012/1786/14081_6c74.pdf (дата обращения: 25. 05. 2014).

2. Алексеев, И. Е. Празднование татарами («мусульманами») Казани столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. в контексте выборов в Государственную Думу четвёртого созыва [Электронный ресурс] / И. Е. Алексеев // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. – Режим доступа : <http://ruskline.ru/> (дата обращения 25. 06. 2017).

3. Бартошук, Д., Володин, В. Война 1812 г. глазами очевидца. Графика Х.В. фон Фабера дю Фор. [Электронный ресурс] / Д. Бартошук, В. Володин. – Режим доступа : http://www.artmuseum.by/ru/vyst/proshedshievystavki/arhiv_2012/vojna-1812-goda-glazami-ochevidca-grafika-xv-fon-fabera-dyu-fora (дата обращения 17. 02. 2016).

4. Земцов, В. Н. Французы о Бородинском сражении [Электронный ресурс] / В. Н. Земцов. – Режим доступа : <http://xne1adcaacuhnujm.xnp1ai/francuzy-o-borodinskom-srazhenii.html> (дата обращения 17. 02. 2016).

5. История музея-заповедника Бородинское поле [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://borodino.ru/index.php?page=content&DocID=84&__CM3__CM3=ibsj4jdoiqkc3c8dfgff2p8e32 (дата обращения 08.05. 2017).

6. Колягина, Н. «Изобретение традиции» под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера [Электронный ресурс] / Н. Колягина// Международный Мемориал: Проект «Уроки истории. XX век». – Режим доступа : <http://urokiistorii.ru> (дата обращения: 15.06.2017).

7. Кузнецов, А., Чепурнов, Н. Медаль «В память 100-летия Отечественной войны 1812 г.» [Электронный ресурс] / А. Кузнецов, Н. Чепурнов. – Режим доступа : Rusempire.ru (дата обращения: 27. 11. 2017).

8. Ломунов, К. Н. Народная героическая эпопея («Война и мир» Л. Н. Толстого) [Электронный ресурс] / К. Н. Ломунов. – Режим доступа : <http://gramma.ru/VIB/?id=3.91> (дата обращения: 17. 08. 2018).

9. Лукьянченко, А. Нарвские триумфальные ворота. [Электронный ресурс] / А. Лукьянченко. – Режим доступа : <http://chicherone.com/narvskie-triumfalnye-vorota> (дата обращения: 19. 06. 2018).

10. Гесс, П. Цикл полотен «сражения 1812 г.». [Электронный ресурс] / П. Гесс. – Режим доступа : <http://museum.ru/1812/Painting/gess/index.html> (дата обращения : 26. 02. 2017).

11. Потапова, Н. Дидактика конфликта: Война 1812 г. в школьных учебниках истории [Электронный ресурс] / Н. Потапова // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 118. – Режим доступа : <http://www.nlobooks.ru/node/2893>(дата обращения: 22.05.2016).

12. Тростьевский, С. Станция Бородино. [Электронный ресурс] / С. Тростьевский. – Режим доступа : http://www.planetadorog.ru/r/stancija_borodino (дата обращения: 15. 06. 2017).

13. Collin, D. Histoire ou mémoire? [Электронный ресурс] / D. Collin // Philosophie et politique, Site personnel de Denis COLLIN. – Режим доступа : <http://denis-collin.viabloga.com>(дата обращения –11. 05.2017).

14. Wirt, Laur. Histoire et mémoire [Электронный ресурс] / Laur., Wirt, // Bulletin de Liaison des Professeurs d'Histoire-Géographie de l'Académie de Reims. № 26, 2002. – Режим доступа : [http:// filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001107/st012.shtml](http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001107/st012.shtml) (дата обращения –22. 05. 2017).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Отрывки из литературных произведений

*Приложение 1***В. А. Жуковский «Певец во стане русских воинов»¹. Отрывок**

*«На поле бранном тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здесь светит нам луна,
Здесь кров небес над нами.
Наполним кубок круговой!
Дружнее! руку в руку!
Запьем вином кровавый бой
И с падшими разлуку.
Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя.
О, всемогущее вино,
Веселие героя!».*

¹ Жуковский В. А. Певец во стане русских воинов. «Писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине» // Вестник Европы. 1812. № 24. С. 176–196.

Н. И. Писарев. Надпись на поле Бородинском¹. Отрывок

*«Стой, Росс! Ты подошёл к полям Бородина!
Здесь грозные лежат полки надменна галла.
Они бросали гром — вселенна трепетала;
Но здесь их встретила гранитная стена.
Не ратников число, не ряд огромных башен,
Их встретила любовь к Отечеству, к царю.
О, Росс! В ней мощь твоя, ты ею силен, страшен,
Ты ею засветил спокойствия зарю.
Она пылала здесь, и глас её священный
Носился меж рядов: «О Росс! сам Бог твой щит!
Умри, умри иль будь спасителем вселенной!
Будь верен мне: тебя никто не победит!»
И русские сердца рвались с кровавой клятвой,
Иль сбить врага, иль всем костьми в полях сих лечь.
Здесь утомилась смерть столь новой, тучной жатвой!
Здесь бились Русские! Здесь их носился меч!».*

¹ Писарев Н. И. Надпись на поле Бородинском // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г. Ч. 1. С. 121.

А. В. Воейков. Князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому¹.Отрывок.

*«Князь славы! именем народов и царей,
Иноплеменничья избавившихся плена,
Объемлю я твои священные колена –
О, будь благословен, верховный вождь вождей,
Завоевавший гроб священный свободы,
Расторгший рабства цепь и сокрушивший бич!
Тебе со плесками воскликнули народы,
Тебе звук арф, глас труб, торжеств и славы клич:
Ты не отечества – вселенная спаситель!».*

¹ Воейков А. В. Князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому. Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г. Т. С. 128.

**Д. П. Глебов «Глас московского жителя на освобождение
России от врагов»¹. Отрывок.**

*«Где силы адского владыки?
Дерзнувшего против небес?
«К мечам! Сыны!» - рек царь великий,
И враг сокрылся от очес.
Терзайся, злоба ухищренна,
Являсь поправа и презренна,
С перуном тысячным в руках!
И сам глава рабов несчетных,
С остатком сил едва приметных,
Бежал смертей....через свой же прах!».*

¹ Глебов Д. П. Глас московского жителя на освобождение России от врагов // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г. С. 125.

А. С. Пушкин. Наполеон на Эльбе¹.Отрывок.

*«Вечерняя заря в пучине догорала,
Над мрачной Эльбою носилась тишина,
Сквозь тучи бледные тихонько пробежала
Туманная луна;
Уже на западе седой, одетый мглою,
С равниной синих вод сливался небосклон.
Один во тьме ночной над дикою скалою
Сидел Наполеон.
В уме губителя теснились мрачны думы,
Он новую в мечтах Европе цепь ковал
И, к дальним берегам возведши взор угрюмый,
Свирепо прошептал:
«Вокруг меня все мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не взвоят над могилой –
Я здесь один, мятежной думы полн».*

¹ Пушкин А.С. Собрание сочинений. Т.1. С. 138.

М. Ю. Лермонтов. Бородино¹. Отрывок.

*«– Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!*

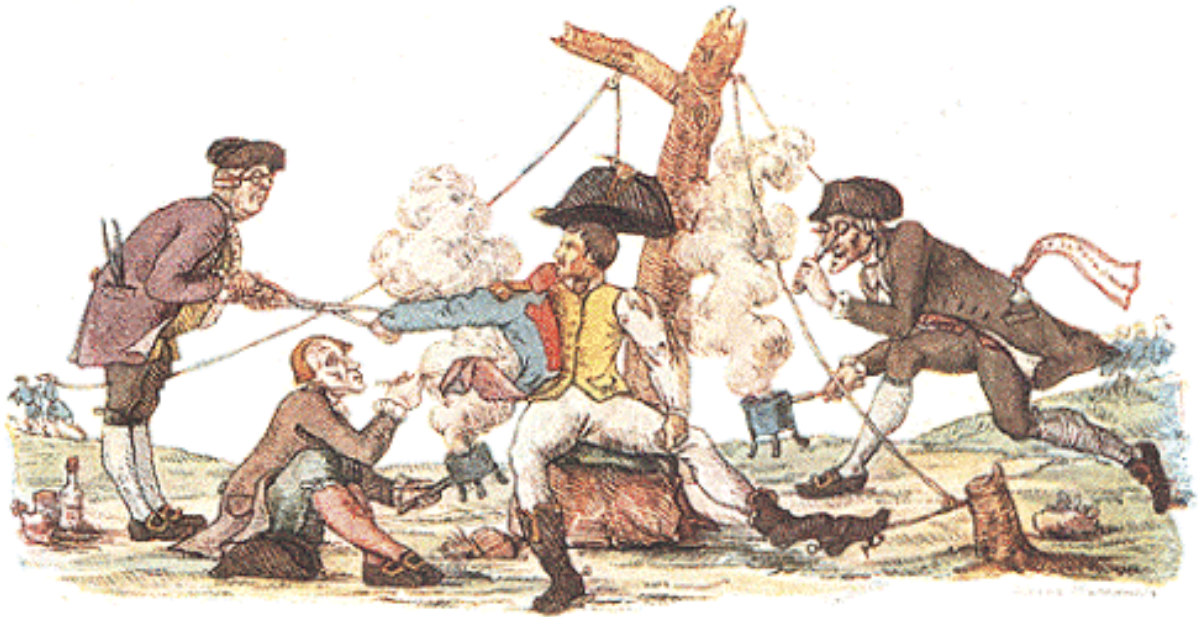
*– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!».*

¹ Лермонтов М.Ю. Бородино // Современник. 1837. Т.6. С. 207.

Отечественная война 1812 г. в карикатуре и живописи

Приложение 7

**Карантин для Наполеона по возвращении его из России.
Карикатура И. И. Теребенева (1813–1814 гг.)**

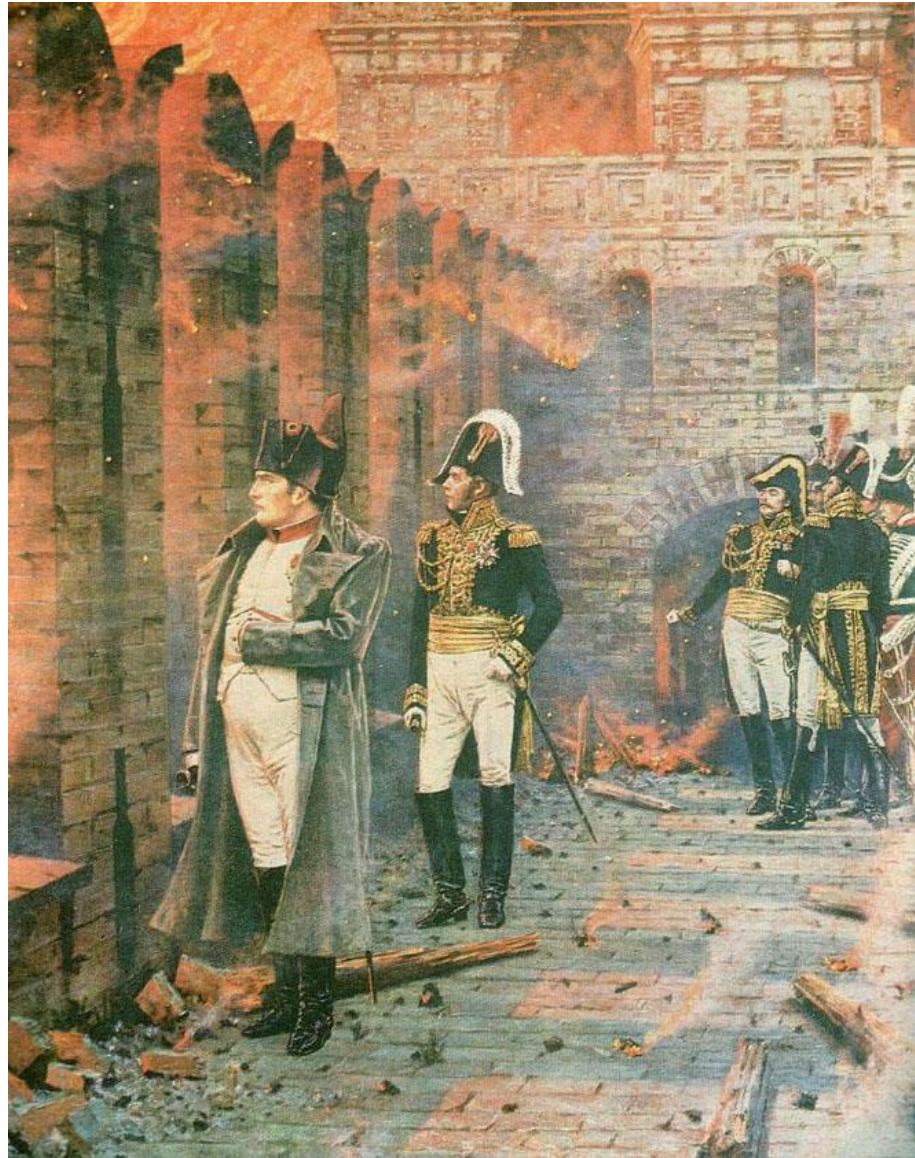
Французы, голодные крысы, в команде у старостихи Василисы.
Карикатура А. Г. Венецианова (1812–1813 гг.)

В. В. Верещагин. На большой дороге – отступление, бегство...».
(1887–1895 гг.)

В. В. Верещагин. В Кремле – пожар!
(1887–1898 гг.)

**Фотографии торжеств в честь празднования 100-летнего юбилея
Отечественной войны 1812 г.**

Приложение 11

Первые шаги исторической реконструкции. Офицеры и нижние чины 2-го гренадерского Ростовского полка в исторической форме на съемках фильма «1812 год». Панорама из кинокадров. Производство фирмы «Пате» и акционерного общества «А. Ханжонков и К°»¹. Лето 1912 г.

¹ Фотоальбом «Юбилейные торжества в память 100-летия Отечественной войны 1812 года в Высочайшем присутствии. Бородино – Москва – Смоленск». [Электронный ресурс]. URL: <http://rgakfd.ru/news/anonsy/2012-fotoalbom-yubileynye-torzhestva-v-pamyat-100-letiya-otechestvennoy-voynu-1812-goda> (дата обращения: 23. 05. 2018).

**Старики–ветераны Отечественной войны 1812 г.¹
Бородинское поле. Август 1912 г.**

¹ Огонёк. 1912. № 37.

**Великие князья Иоанн и Гавриил Константиновичи беседуют с ветеранами.
Слева направо сидят Аким Войтинюк, Петр Лаптев, Степан Жук, Гордей
Громов и Максим Пяточенков¹.
Бородинское поле. Август 1912 г.**

¹ Последний участник бородинского сражения [Электронный ресурс]. URL: [https:// lesreinesdesalpes.com/srazhenie/poslednij-uchastnik-borodinskogo-srazheniya](https://lesreinesdesalpes.com/srazhenie/poslednij-uchastnik-borodinskogo-srazheniya). Html (дата обращения: 22. 05. 2018)

У царской ставки и памятника Бородинского сражения. На переднем плане слева – волостные старшины со всей России. Царская семья отбывает от Бородинского памятника¹. Бородинское поле. Август 1912 г.

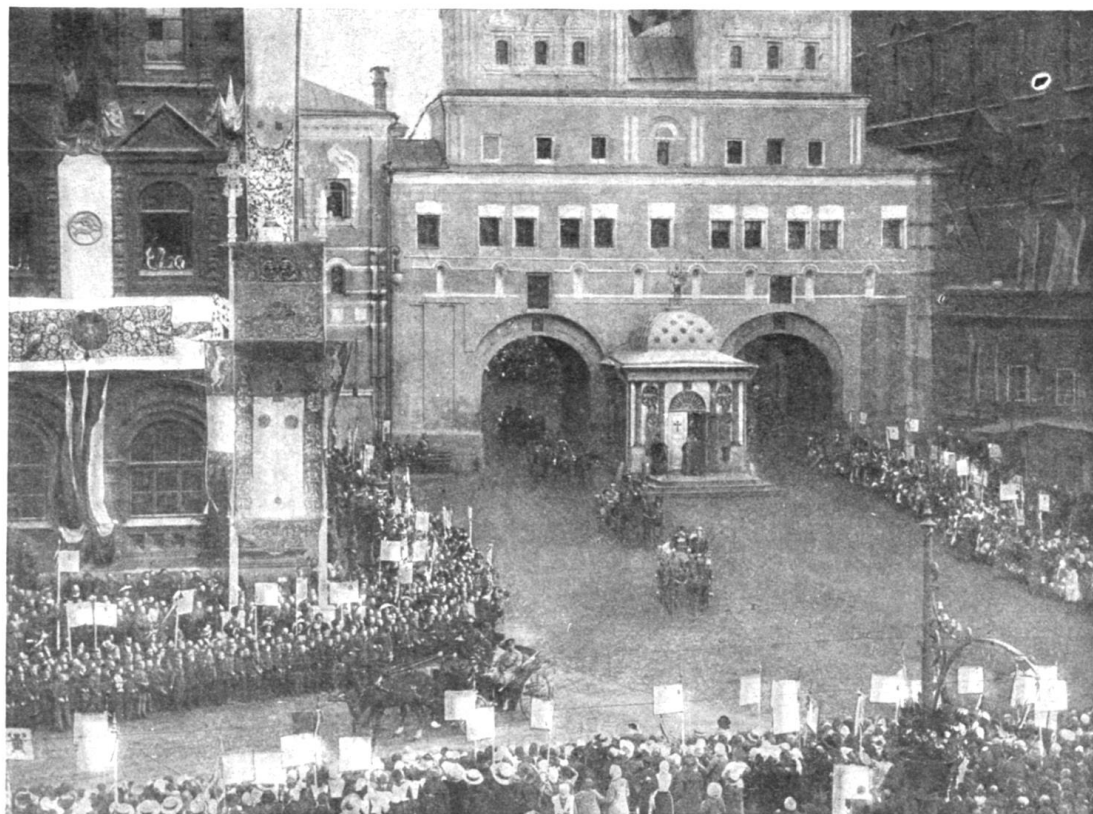

¹ Огонёк. 1912. № 37.

Французская депутация на Бородинском поле¹. Август 1912 г.

¹ Огонёк. 1912. № 37.

Высочайший выезд Государя Императора с Августейшей семьей из Кремля». На фотографии царский кортеж проезжает через Воскресенские ворота Китай-города (Иверские ворота). 28 августа 1912 г.¹

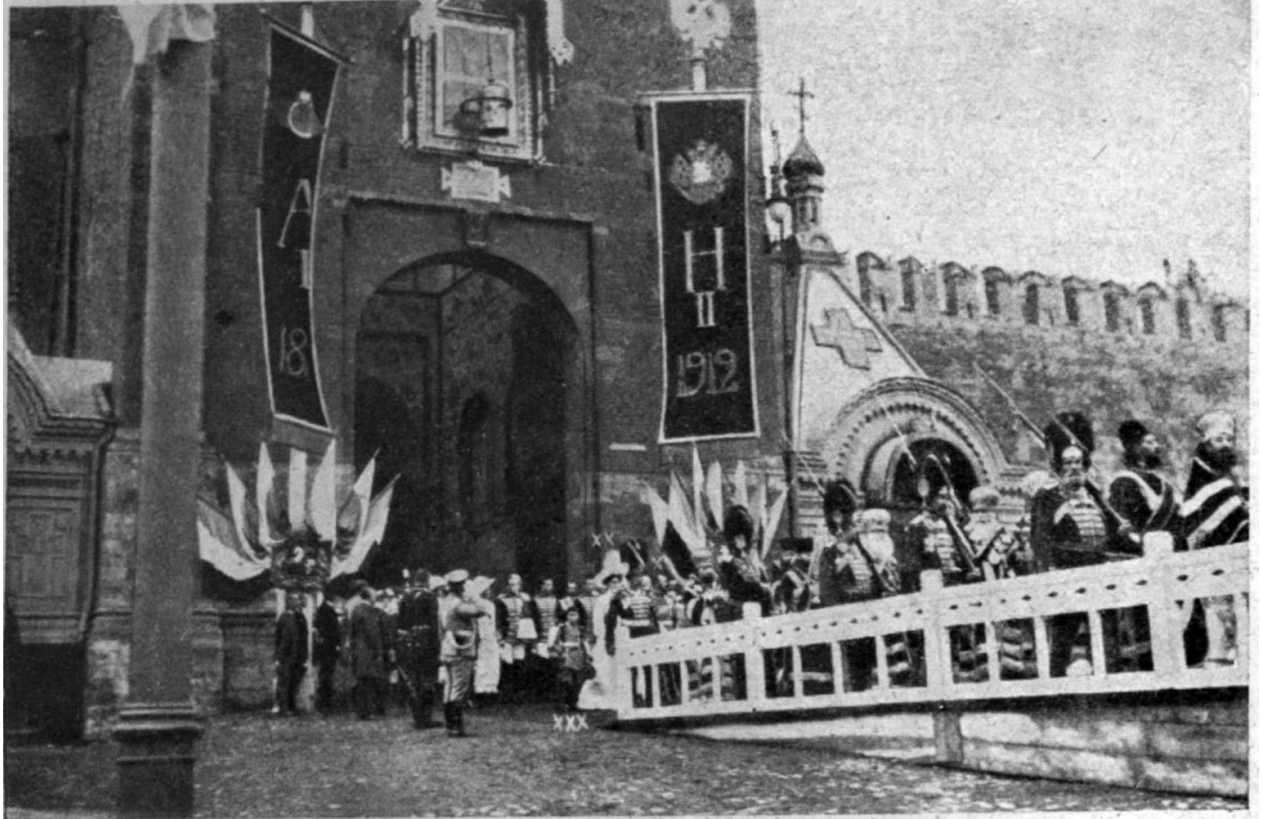
¹ Огонёк. 1912. № 37.

**Государь Император объезжает учащихся на площади в Кремле¹.
Август 1912 г.**

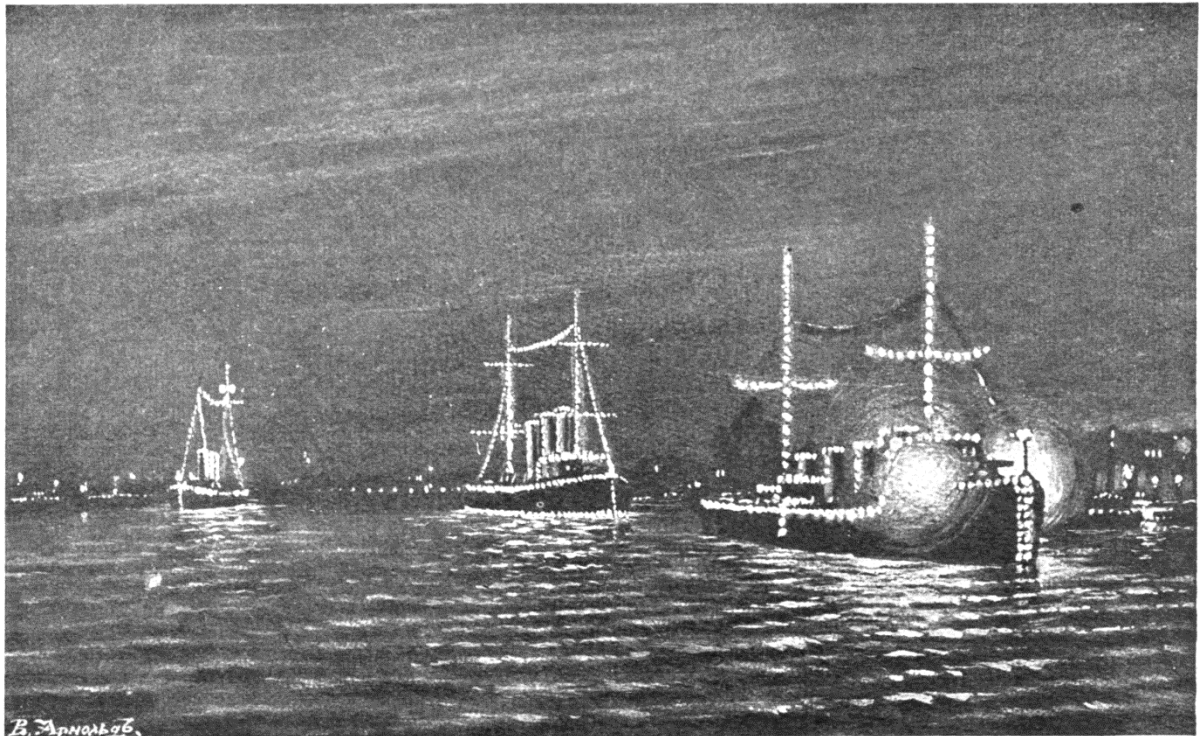

¹ Огонёк. 1912. № 37.

**Крестный ход из Успенского собора на Красную площадь
через Спасские ворота¹. Август 1912 г.**

¹ Огонёк. 1912. № 37.

Иллюминация военных судов на Неве в Санкт-Петербурге¹. Август 1912 г.

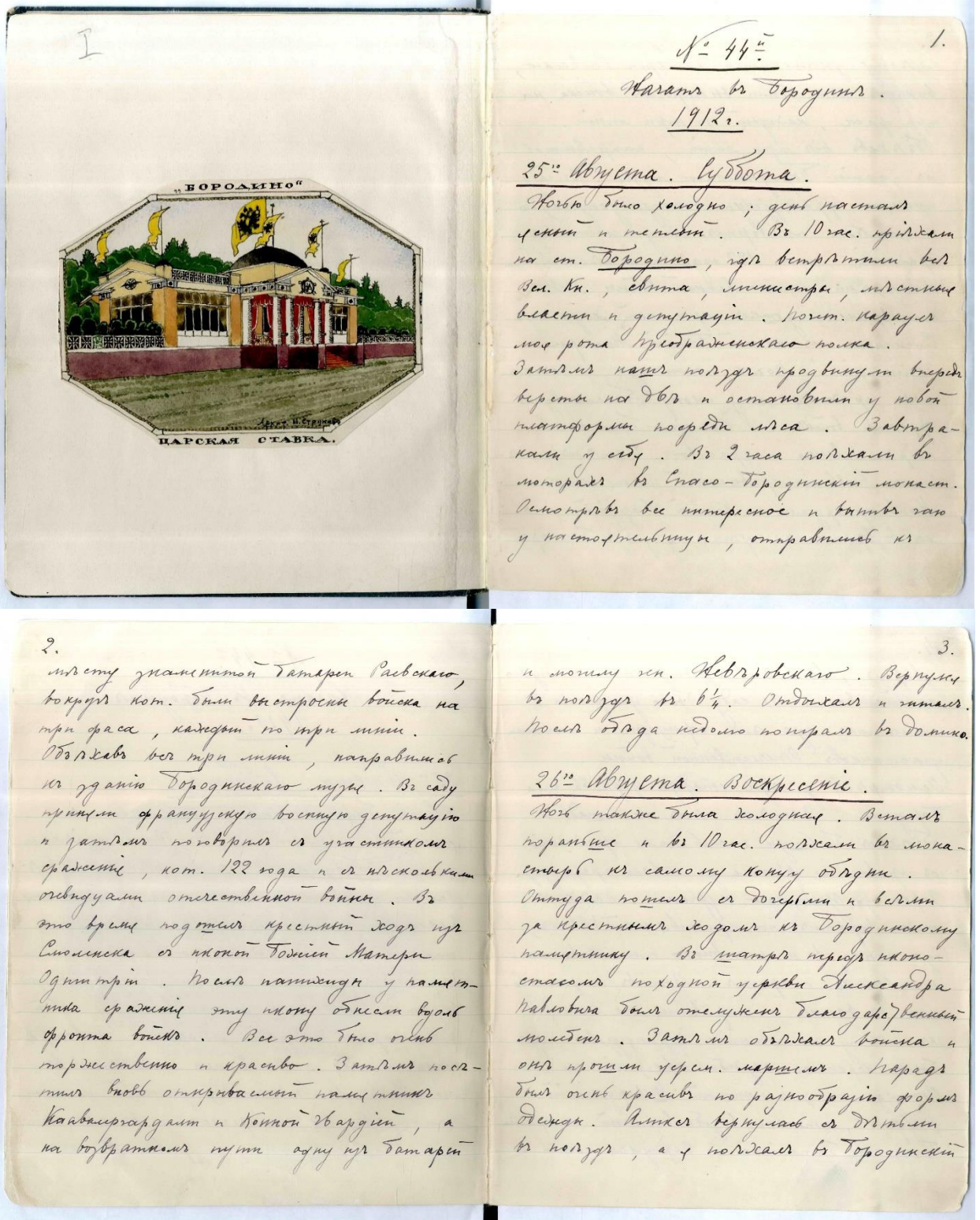
¹ Огонёк. 1912. № 37.

Юбилейные торжества в Казани¹. Август 1912 г.

¹ Огонёк. 1912. № 37.

Общий вид здания панорамы Ф. Рубо «Бородино»¹. 1912 г.

¹ РГАЛИ. Ф. 2377. Оп. 1. Ед. хр. 79.

Дневник императора Николая II¹.

2.

мелкую знаменитую Татарин Рязвского, в округ кот. были выстроены войска на три фаса, каждый по три мии. Обржавь все три мии, направивши к зданию Бородинского музея. В саду принят французскую военную депутацию и затем поговорил с урядником сражений, кот. 122 года и с несколькими ожившими отмественной войны. В это время поднимать крестный ход из Смоленска с иконой Божией Матери Одигитрии. Коль парадик у памятника сражений эту икону обнесли в олов фронта войны. Все это было очень торжественно и красиво. Затем посетил вновь открывающийся памятник Кавалергарда и Коттон Вардией, а на возвратном пути одну из Татарин

3.

и пошел кн. Кевроловского. Вернулся в полудне в 6 ч. Отдохнул и пишал. Коль тогда подошло пошало в долину.

26-е Июля. Воскресие.

Ночь также была холодная. Встал в 10 час. пошел в монастырь к самому концу обидки. Оттуда пошел с довершии и велел за крестный ходом из Бородинского памятнику. В шатре перед иконостасом походной церкви Александра Павловича был отслужен благодарственный молебен. Затем обржавь войска и оны прошли церк. маршем. Парад был очень красив по разнообразию форм дивизии. Ротки вернулись с дивизии в полудне, а ч пошел в Бородинский

¹ ГАРФ Ф. 601. Оп. 1. Д. 259.

Список потомственных дворян Казанской губернии – участников Отечественной войны 1812 г.¹

Имена, имена, отчества и фамилии, мир принявшие участие в войне 1812 года.	Имена, отчества и фамилии татарских мир принявших участие в войне 1812 года.	Должности или починков народа мира в войну.	Отметки о милостях которыми награждались в жалованьями, о наградах и степенях в Отечественной войне.
<p>Подполковник и Кавалер Павел Павлович Шалостей, был в походе 1807 в Туркестане, 1812 году в России, 14 мая при Витовском Авдеевском, при Силанском, 7 при г. Дибенс, 26 Вербодина в сражении; 1813 в сражении при Польше, Милезио и Богалин до Ваксони, сражение при блокаде и покорении гор. Фрезена против французов, 27 октября при императорском Дене, 29 при гор. Палади, 1, 2, 10, 16 и 17 под Фрезеном против при блокаде гор. Галдурга и во сражении Дена 23, при отбитии неприятельских аванпостов и овладении селениями Эннекерхоули, Логансортмак и Эй-Медгон-милеман 1814 Августа 1, при штурме Мануца; 14, 28 и 30 февраля 5 в экспедиции на островок Ваньшундорфт, Росс, Нейсдорф и Венг-ган-Либурит; императорская Анна 2ст в 1814 года 4 срдантца и звание императора надмисю за храбрость</p>	<p>Внуки: Сергей Сергеевич Шалостей Милославский. Михаил Сергеевич Шалостей Милославский Павел Сергеевич Шалостей Милославский Правнуки дяди Михаила Сергеевича: Сергей, Пётр и Тамара дяди Павла Сергеевича: Михаил и Людмила</p>	<p>Капитан Двора Его Величества, Императорский Статский Советник Казанский Губернский Предводитель Дворянства Капитан Двора Его Величества Императорский Статский Советник Капитан Двора Его Величества Императорский Статский Советник</p>	<p align="center">11</p> <p>Награжден медалью и произведен в старший лейтенант. Награжден медалью и произведен в старший лейтенант.</p>

¹ Горицкая Н. С., Федотова О. В. Славный год сей минул, но не пройдут содеянные в нем подвиги (Отечественная война 1812 года в документах Национального архива Республики Татарстан). [Электронный ресурс]. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/_go/anonymous/main/?path=/pages/ru/2nart/92vistupl/043_slavnii_god (дата обращения: 17.05.2018).

Копия телеграммы, направленной императору Николаю II от имени мусульман г. Казани от 26 августа 1912 г.¹

Б о р о д и н о

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

Мусульмане всѣхъ семнадцати приходоѡ города Казани, празднуя столѣтіе Отечественной войны, собрались сегодня вмѣстѣ съ русскимъ населеніемъ на Арскомъ полѣ и молились по правиламъ своей вѣры объ упокоеніи души въ Божѣ Почившаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО БЛАГОСЛОВЕННАГО и всѣхъ вождей и воиновъ, павшихъ на полѣ сраженія за защиту отечества. Въ эту войну предки мусульманъ какъ и всегда были вѣрными слугами отечества и совместно съ русскими проливали свою кровь за родину и МОНАРХА. Пламенная горячая любовью къ ЦАРЮ и родинѣ, всегда обнаруживаемой мусульманами въ трудныя и опасныя минуты Государственной жизни, мусульмане города Казани просятъ меня повергнуть къ стопамъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ихъ вѣрнопопдданическія чувства и твердую готовность всегда пролить свою кровь за МОНАРХА и отечество какъ это безропотно дѣлали и ихъ предки въ славную годину Бородинскаго боя. Мусульмане горячо молятся за благоденствіе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЫНЬ ИМПЕРАТРИЦЪ, НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЬВИЧА и Всего Царствующаго Дома. Счастливы о вѣрнопопдданическихъ чувствахъ мусульманскаго населенія города Казани всепопдданичѣше доложить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

Казанскій Г у б е р н а т о р ъ,

ора ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Камергеръ,

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ

*Послана 26 Августа
1912 года.*

¹ НА РТ. Ф.1. Оп. 4. Д. 5095.